ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В. И. Молодин

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Ответственный редактор
академик *А. П. Деревянко*

НОВОСИБИРСК
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2015

УДК 902
ББК Т4(2Р5)
М75

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

*Исследование проведено за счет гранта
Российского научного фонда (проект № 14-28-00045)*

Молодин В. И.
М75 Очерки истории сибирской археологии / В. И. Молодин; Федер. агентство науч. организаций, Ин-т археологии и этнографии СО РАН; М-во образования и науки, Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 311 с.

ISBN 978-5-7803-0250-6

В книгу вошли очерки из архивов академика В. И. Молодина, написанные в разные годы, объединенные в три тематических раздела. Первый раздел посвящен истории сибирской археологии, ее прошлому и настоящему, методологическим проблемам, вопросам организации науки, достижениям сибирских археологов; второй – анализу творчества сибирских ученых; наконец, третий – личностям археологов, уже ушедших от нас, с которыми автора связывали профессиональные и дружеские контакты.

Издание адресовано студентам, аспирантам, профессиональным ученым и всем, кто интересуется историей науки и нашего отечества.

УДК 902
ББК Т4(2Р5)

© Молодин В. И., 2015
© ИАЭТ СО РАН, 2015
© ООО «Пиктограмма», дизайн и компьютерная верстка, 2015

ISBN 978-5-7803-0250-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сибирь, Сибирь – благословенный русский край
Земля потомков Ермака
Е. Долматовский

Сибирь… Наверное, нет на нашей планете человека, которому было бы незнакомо это название. И у друзей и у недругов наших оно однозначно ассоциируется с мощью и силой России, со сказочными богатствами, которые таит в себе эта земля с суровым климатом, необъятными просторами тайги и тундры, степей и лесостепей, с могучими реками, великими озерами…

Но самое главное, с чем ассоциируется это слово у любого, – это с совершенно особым человеком, сибиряком – великим тружеником, добрым и отзывчивым к друзьям и, если потребуется, непревзойденным воином, защитником своего Отечества.

Сибирь, как и наша Россия, – многонациональна. На ее необъятных просторах от Урала до Тихого океана и от океана Северного Ледовитого до центральноазиатских степей и гор проживают десятки самобытных народов со своим языком, историей, культурой, корни которых уходят в глубочайшую древность. Активные контакты с русскими, которые начались еще до прихода в Сибирь дружины Ермака, обогатили аборигенное население, помогли приобщиться к христианским ценностям, вывели его на новую спираль исторического развития. Многовековое совместное проживание сибирских аборигенов

и русских, славянских переселенцев привело к формированию сибиряка, само название которого отождествляется с былинным богатырем.

В основе этого уникального этноса лежит синтез своеобразных культур, языков, обычаев и экономических традиций, формировавшихся на протяжении столетий и даже тысячелетий.

Изучать и познавать эти сложные явления, делать их достижением всего человечества и призвана историческая наука. В условиях Сибири наиважнейшее место в этом процессе, наряду с филологией, историей, этнографией, принадлежит все-таки археологии. Дело в том, что письменные источники, на которых строится реконструкция историко-культурного процесса, крайне скудны. Судите сами: первый человек в Сибири, согласно последним данным, появился на территории Южной Сибири около 800 тыс. л. н. (стоянка Карама, Горный Алтай) [Derevianko, Shunkov, 2009], тогда как первая письменность, которую фиксируют ученые в этом регионе, связана с древнетюркским временем. Это так называемое руническое письмо, возникшее не ранее VI в. н. э. Расшифрованное выдающимся советским лингвистом С. Е. Маловым [1951], это древнетюркское письмо дает крайне скудную и отрывочную информацию, к тому же оно и просуществовало недолго.

По сути, письменность в Сибирь принесли русские землепроходцы, т. е. об этом явлении как широко охватывающем население региона можно говорить фактически только с XVII в. Следовательно, огромный промежуток времени (около миллиона лет!) был бесписьменным, ведь и руническое письмо было в ходу только у древних тюрок, да и то, по-видимому, не у всех!

Таким образом, очевидно: чтобы реконструировать исторические процессы на протяжении целых эпох, нужны объективные данные, которые может предоставить только археология. Поэтому именно археология является той наукой, на основе которой воссоздается история многочисленных сибирских народов с момента их формирования и фактически до Нового (а порой даже Новейшего!) времени. Вот почему археологии, и полевой и камеральной, придается столь высокое значение во всем мире, и в нашей стране – в том числе.

Фундаментальное значение археологии в настоящее время объясняется не только ее важной ролью для реконструкции

исторического процесса на востоке нашей страны. Сегодня мы переживаем время, когда на головы наших сограждан буквально обрушился поток современного мифотворчества, очень далекого от подлинной науки, созданию которого потворствуют бойкие журналисты, писатели-фантасты, а порой, к сожалению, и сами археологи, выдавая за действительность не факты, а «смелые» гипотезы, нередко крайне слабо обоснованные и далекие от реальности.

Так возникают современные мифы о походах Александра Македонского на Новую Землю, подземных обитателях Алтайских гор, сакральных центрах в болотах Западно-Сибирской равнины, о прародительнице алтайского народа, русских в эпоху палеолита, стране городов в эпоху бронзы и много-много о чем еще, что никак не красит наше современное общество, как губка впитывающее эти и подобные им мифы.

В том, что такие явления возникают и, более того, востребованы в определенных кругах нашего общества, повинен глубочайший кризис, в котором оказалась наша Родина в суровые девяностые, поскольку подобные «мутные воды» всегда сопутствуют кризисам. Вместе с тем в этом виноваты и мы, ученые, мало популяризирующие настоящую науку, подлинные научные открытия, которые каждый год (без преувеличения!) происходят на просторах Великой России.

На самом деле, труд ученого (и археолога в том числе) – дело тяжелое, если им, конечно, заниматься по-настоящему. Работа в поле – скорее рутинная, обработка материала – дело весьма пыльное. Золото встречается редко, яркие предметы – тоже не так уж часто. Ученый имеет дело с грудами каменных орудий, разбитыми сосудами, костями животных и так далее. Однако за этой повседневной жизнью, за этим порой каторжным трудом (и не только в связи с физическими нагрузками!) стоят удивительные научные открытия, которые не требуют приукрашивания какими-то мифами о том, чего на самом деле не было, поскольку их значимость и подлинная ценность говорят сами за себя. Важно лишь уметь правдиво и увлекательно рассказать об этих находках и достижениях.

Все вышесказанное и побудило меня обратиться к изданию настоящих очерков. В них представлены отдельные сюжеты, связанные с историей нашей науки, открытиями, сделанными

моими коллегами – сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН. Хочется рассказать и о некоторых из моих коллег, которые и сегодня делают подлинную науку, а также и о тех, кого, к великому сожалению, сегодня уже нет среди нас… Разумеется, людей, о которых приходилось писать, – много больше, однако я включил в эту книгу только те очерки, которые готовил без соавторов.

Предлагаемое издание состоит из трех разделов. В первом разделе «Страницы истории и методологии» собраны работы, посвященные вопросам истории изучения археологических памятников Сибири, а также новейшим достижениям в этой области, сделанными как коллегами, так и самим автором уже на заре XXI в.

Кроме того, сюда вошли статьи, касающиеся важных методологических проблем археологии, таких как использование ретроспективного метода в реконструкции этногенеза, а также некоторых аспектов мультидисциплинарного подхода к анализу археологических источников.

Мне представляется, что, хотя включенные в данный раздел работы и написаны в разное время, основная суть их не устарела, другое дело, что в ряде случаев наука уже шагнула много дальше, и высказанное еще 30 лет назад положение можно было бы чем-то дополнить. Вместе с тем я подписываюсь под каждой из приводимых работ, поскольку основные высказанные положения до сих пор, с моей точки зрения, остаются актуальными. Кроме того, в первый раздел книги вошли очерки, посвященные истории института, а также его нынешней стратегии.

Во втором разделе «Творцы сибирской археологии» речь пойдет о ныне действующих ученых, и сегодня активно работающих по изучению сибирских древностей. Мне приходилось анализировать их творчество преимущественно в связи с юбилеями. Это позволяло подвести итоги определенного этапа творческой деятельности ученого. Условия издательств диктовали объемы этих работ (чтобы они были, в известной степени, конспективны, где-то – более пространны), однако все они рисуют творческий портрет ученого, демонстрируют этапы его жизненного пути и научной деятельности. Все это, думаю, важно знать и понимать особенно молодому поколению

ученых, находящемуся в начале творческого пути. В данном случае, мне кажется особенно важным, что я лично знаю тех людей, о которых пишу, более того, отношусь к ним с глубочайшим уважением и, если хотите, любовью, поэтому я не считал и не считаю нужным критиковать какие-то стороны творческой деятельности этих личностей. Глубоко убежден, что рассудить дискутирующие стороны чаще всего может только время…*

Наконец, третья часть книги, названная мною «Реквием», посвящена ушедшим от нас друзьям и коллегам. С этими людьми меня связывали не только творческие, но и дружеские отношения. Если о деятельности моего учителя академика А. П. Окладникова я писал к его столетнему юбилею, соблюдая академические нормы и традиции, то другие очерки – о трагически ушедших друзьях, и естественно, что они написаны в более эмоциональном ключе. Думаю, что данное обстоятельство может быть полезным для истории науки, поскольку демонстрирует портрет личности, позволяющий в полной мере понять и оценить научное творчество исследователя.

Определенная трудность возникла у меня с несколькими очерками. Дело в том, что они были написаны тогда, когда коллеги были живы. Сегодня их, к глубокому сожалению, нет среди нас. В какой из разделов поместить материал о них, – мне не представлялось очевидным. Я решил, что все-таки будет правильным поместить эти эссе во вторую часть, снабдив их в заключение необходимыми пояснениями.

Список литературы

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 451 с.

Derevianko A. P., Shunkov M. V. Development of Early Human Culture in Northern Asia // Paleontological J. – 2009. – N 8. – P. 31–39.

*В моем творческом багаже есть, пожалуй, только одна жесткая статья, относящаяся к оценке жизнедеятельности коллеги, однако для меня это скорее исключение, чем правило, и в данных очерках мне не хотелось бы затрагивать эти проблемы. Впрочем, и сегодня я не сожалею о том, что такую статью опубликовал.

1.
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

ПАДНОЙ СИБИРИ
СИБИРСКАГО
ПРОИЗШЕДШИХЪ ВЪ
РОССІЙСКО

1.1. Из истории отечественной науки: археология Сибири в период Октябрьской революции, Первой мировой и Гражданской войн (1914–1922 годы)*

Любая наука, и археология в том числе, имеет свою историю. Немало специальных работ посвящено истории и историографии отечественной – российской и советской – археологии. Среди них имеются и специальные труды по археологии Сибири. Скажу больше: практически каждое крупное исследование, посвященное той или иной проблеме, как правило, имеет главу или раздел, содержащий анализ трудов предшественников, написанный либо как исторический, либо как историографический очерк. Излишне, думаю, говорить о том, сколь важна такая информация для ученого, а уж для начинающего специалиста она – попросту бесценна. Ведь не зная истории науки, невозможно объективно и беспристрастно разобраться в проблеме фактов и теорий, которых более чем за столетие (а если говорить о начальных истоках – за трехсотлетие!) накопила археология Сибири.

Написать историю сибирской археологии, даже краткую и конспективную, – дело очень ответственное и непростое, с моей точки зрения, потому что историк или историограф вольно или невольно занимает позицию «судьи», который

*Работа впервые была опубликована в виде отдельной брошюры (Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2009. 28 с.).

должен объективно и беспристрастно оценить деяния предшественника с точки зрения современности. Для подобной процедуры самому «судье» следует иметь, как представляется, не просто очень серьезный научный рейтинг, но и демонстрировать пример соблюдения этических норм в науке, да и вообще в жизни. К сожалению, подобное бывает далеко не всегда.

Тем не менее от проблемы нам все равно не уйти, и решать ее необходимо по мере сил как маститым ученым, уже сказавшим свое слово в науке, так и молодежи, хотя бы потому, что за нею будущее.

Написать данную работу подтолкнули меня несколько обстоятельств.

Во-первых, работа была задумана как методическое пособие для летней археологической школы, успешно работающей в рамках учебного процесса Новосибирского государственного университета вот уже несколько лет [Лбова, 2009].

Во-вторых, в рамках германо-российского симпозиума, который прошел в июне 2009 г. в Марбурге на базе университета Филикс, при участии Германского археологического института (Берлин) и был посвящен выдающемуся археологу профессору Г. фон Мергарту, немало сделавшему для сибирской археологии, мне был заказан доклад о состоянии сибирской археологии в период Великой Октябрьской социалистической революции, Первой мировой и Гражданской войн. Работая над докладом, я, может быть, впервые (к своему стыду) по-настоящему осознал, насколько это был переломный и вместе с тем судьбоносный период для развития сибирской археологии!

Поскольку доклад издан в Германии на немецком языке, познакомиться с ним смогут у нас в стране лишь немногие специалисты, а это досадно, так как немало сюжетов, несомненно, будут интересны и для моих соотечественников, занимающихся археологией [Molodin, 2010].

В результате я решил на основе этого доклада, несколько доработав и дополнив его новыми, ранее неизвестными фактами, написать методическое пособие для слушателей нашей археологической школы, – пособие по истории науки, посвященное очень непростому, трагическому, но в то же время переломному историческому периоду, в горниле которого формировалась и наша любимая наука.

И еще. Мне представляется, что данная рубрика (назовем ее «Из истории отечественной науки») должна быть продолжена. Школу нашу мы намерены проводить и в дальнейшем. Думаю, что мои коллеги, немало сделавшие для отечественной археологии, найдут время, чтобы осветить тот или иной сюжет в рамках означенной проблематики. В результате наша библиотечка учебных пособий – на мой взгляд, очень полезных и нужных – будет пополняться новыми материалами, объективно рассказывающими об истории сибирской археологии, истории идей и их трансформации, и поведает читателю о тех замечательных ученых, которые создавали и создают эту удивительную науку – археологию.

* * *

Сибирь – огромная часть Северной Азии, раскинувшаяся от Урала на западе до Тихого океана на востоке и от Алтае-Саян на юге до Северного Ледовитого океана на севере. В конце XVI в. благодаря походу легендарного Ермака Сибирь была присоединена к Российскому государству, неотъемлемой частью которого она является и сегодня. Замечательные слова академика Михаила Васильевича Ломоносова о том, что «…российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном…» [1955, с. 175], сказанные еще в начале XVIII в., оказались пророческими. Они не потеряли своей значимости и сегодня. Сибирь, являясь частью Российского государства, прошла со страной тернистый путь нелегкой истории, разделив с ней и захватывающие взлеты и трагические падения. В равной степени это относится и к науке. Аналогичные колебания, характерные, впрочем, для истории любой страны, испытывала на себе как российская наука в целом, так и археология в частности.

Обозначенный в данной работе период можно назвать поистине трагическим в истории России и Сибири. Почти десятилетие страна находилась в состоянии колоссального и, я бы сказал, беспримерного в истории человечества кризиса, который развивался по нарастающей, начавшись

с губительных потерь и развала экономики вследствие Первой мировой войны, спровоцировавшей Октябрьскую революцию, а затем братоубийственную Гражданскую войну. Глубину этого чудовищного кризиса можно проиллюстрировать двумя, с моей точки зрения, наиболее показательными примерами: развалом Российской империи как единого государства и чудовищными людскими потерями населения – только невосполнимые жертвы составили 5,5 млн человек [Население…, 2000, с. 133; Демографическая модернизация…, 2006, с. 400].

Остается лишь поражаться, как в такой чрезвычайно сложный исторический период находились люди, которые не только активно занимались наукой, причем наукой по-настоящему фундаментальной, какой является археология, но и ставили интересы науки выше какого бы то ни было благополучия и порой даже выше самой жизни!

Возникновение археологии Сибири, по большому счету, связано с указами царя Петра I. Отправной точкой можно считать его указ 1696 г., предписывающий Семену Ремезову составить географический атлас Сибири [Чертежная книга..., 1882]. Молодая российская Академия наук развернула грандиозную по своим масштабам экспедиционную деятельность, которой не знала в то время ни одна передовая европейская страна. Академические экспедиции, проведенные в Сибири в первой половине XVIII в., отличались комплексным подходом, и археология занимала здесь далеко не последнее место. Экспедиции возглавили блестящие ученые своего времени, многие из которых стали впоследствии действительными членами (академиками) Российской академии наук. Кстати сказать, большинство ученых было приглашено из Германии. К числу этого созвездия имен относятся: Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, П. С. Паллас, С. П. Крашенинников, Я. Линденау, Г. В. Стеллер, Ф. И. Страленберг и др. (см.: [Попов, 1871; Тыжнов, 1887; Алексеев, 1941; Кызласов, 1962; Белокобыльский, 1986; и др.]).

В XVIII в. положено начало археологическим исследованиям в Сибири. Впервые были собраны оригинальные коллекции разновременных артефактов, произведены первые раскопки, намечаются элементы первых периодизаций.

В XIX в., особенно в последней трети столетия, в связи с интенсивным освоением Сибири происходят крупные изменения в культурной и научной жизни региона. Как о науке, об археологии в Сибири можно говорить с момента создания Томского университета в 1878 г., а также Иркутского (1840), Красноярского (1889), Минусинского (1877) музеев. Следует особо отметить деятельность М. А. Кастрена, Г. И. Спасского, Э. И. Эйхвальда, А. П. Степанова в первой половине XIX в. [Белокобыльский, 1986; Вадецкая, 1973], существенно обогатившую сибирскую археологию не только новыми материалами, но и фундаментальными научными концепциями, среди которых особого внимания заслуживает исследование М. А. Кастрена по этногенезу сибирских народов [Путешествия…, 1860], и сегодня не утратившее своего значения.

Вторая половина XIX в. ознаменована расширением археологических исследований как в России, так и в Сибири. Можно назвать целую плеяду ученых, внесших существенный вклад в изучение сибирской археологии – А. В. Адрианов, И. С. Боголюбский, К. Горощенко, Д. А. Клеменц, И. П. Кузнецов-Красноярский, И. А. Лопатин, П. С. Михно, Н. М. Мартьянов, М. П. Овчинников, Н. И. Попов, И. Т. Савенков, В. М. Флоринский. Несомненно, значительный вклад в изучение археологии Сибири внесли В. В. Радлов, И. Р. Аспелин и А. М. Тальгрен.

С именем академика В. В. Радлова связано начало широкомасштабных целенаправленных раскопок, открытие пазырыкской культуры с замерзшими комплексами. Ему принадлежит, по существу, первая научная периодизация сибирских древностей, а также первые этнические реконструкции носителей культур Южной Сибири [Белокобыльский, 1986].

И. Р. Аспелин произвел тщательнейшие целенаправленные разведки, выявив десятки археологических памятников в Минусинской котловине. Впервые в сибирской археологии им был применен метод эстампирования наскальных изображений, сняты точные копии наскальных рисунков, надписей и изваяний.

А. М. Тальгрен выдвинул идею о том, что в Сибири не существовало единой «бронзовой культуры», как считалось

ранее, а бытовали несколько относительно самостоятельных культурных центров. Ученый предлагает принципиально иной вектор миграционных потоков (запад – восток), а также периодизацию культур эпохи бронзы Евразии.

Важно подчеркнуть, что идеи А. М. Тальгрена и его предшественников нашли дальнейшее развитие в работе Г. Мергарта [Там же].

Вместе с тем в конце XIX – начале XX в. на территории Сибири, конечно же, еще не существовало ни археологических научных школ, ни устойчивых и апробированных методологических направлений, которые вполне сформировались в это время в Европе. Апологетами типологического метода в археологии стали Н. Обергом, А. В. Брёггер, эволюционистского подхода – И. Ундсет, К. Мюлленгоф, К. фон Шухардт, картографического метода – А. Фосс, «этнологической парадигмы» – Г. Коссина. В России по основным параметрам этот период развития археологии был созвучен европейскому и связан с именами А. А. Спицина и В. А. Городцова, сущность его сводится к «систематизации фактических материалов с применением к ним понятий “тип” и “культура”, обобщенным по отдельным разделам археологии» [Лебедев, 1992, с. 395].

Если процесс развития мировой археологии представить как последовательную смену основных научных парадигм, то интересующий нас период попадает между этнологическим (XIX–XX вв.) и последующим периодом реконструкции общественно-экономических структур (первая половина XX в.) [Там же, с. 381].

Наряду с этим очевидно, что исследования XIX – начала XX в., в том числе и в Сибири, позволили сформировать источниковую базу. Что же касается методики полевых исследований и методологического подхода к анализу источников, то к концу означенного периода оба эти важнейших направления заметно усовершенствовались.

Первая мировая война – беспримерная в то время по своему охвату, чудовищным жертвам и разрушениям – оказала крайне негативное влияние на развитие гуманитарной науки в целом и археологии в частности. Уместно привести высказывание по этому поводу академика С. А. Жебелева в работе

«Введение в археологию», вышедшей в 1923 г.: «От недавней войны и вызванного ею потрясения все пострадало; пострадала, конечно, и наука. А из всех наук едва ли не пострадала всего больше археология, столь зависимая всегда от нормальных международных связей» [1923, с. 6].

Тем не менее археологические исследования в Сибири продолжались и в этот труднейший для страны период, чему в немалой степени способствовала территориальная удаленность региона от театра боевых действий. Однако объем этих исследований был весьма незначителен. Так, А. А. Спицын, несомненно, лучше всех в России представлявший, что делается в области археологии на местах, писал около 1915–1916 гг.: «Состояние сибирской археологии неблестяще: 1) в курганах разочаровались (Радлов, Клеменц, Адрианов), 2) каменный век беден, 3) медный век однообразен, 4) могильники Иркутского типа и Базаихи оказались одиночными. Усталость и равнодушие. Покупка вещей. Исследователей не появляется. Раскопок нет. Музеи довольны собой».* Однако думается, что положение было не столь уж пессимистичным.

Еще в 1912 г. Б. Э. Петри, в то время сотрудник Музея антропологии и этнографии (Санкт-Петербург), а впоследствии профессор созданного в Иркутске университета, основатель знаменитой иркутской археологической школы, проявляет интерес к каменному веку Прибайкалья. По поручению Академии наук он проводит ряд экспедиций в регионе. Блестящим открытием, и сегодня не утратившим своего научного значения, является многослойная стоянка Улан-Хада (западное побережье Байкала), вмещающая 11 культуросодержащих слоев. Хотя эти работы и проводились в предвоенный период, первая публикация материалов была осуществлена в самый разгар войны – в 1916 г. [Отчет…, 1916].

В 1912, 1913, 1916 гг. Б. Э. Петри произвел раскопки в Приангарье, на р. Мурину. Исследователем был обнаружен плавильный горн и древняя шахта для добычи железной

---

*Архив Института истории материальной культуры Академии наук СССР. Ф. 5. № 431. Л. 55 (цит. по: [Окладников, 1950, с. 38]).

руды. Кроме того, найдены фрагменты керамики, железные предметы, кости животных. На основании этих материалов исследователь выделил «культуру курумчинских кузнецов» [1923а]. Это была первая культура железного века Сибири, зафиксированная по поселениям [Китова, 2009, с. 59]. Во время экспедиции 1916 г. Б. Э. Петри обследовал две пещеры в Верхоленском уезде у горы Танхын. В дальнейшем за пещерами закрепились названия Большая и Малая Байденские. Полученные при раскопках пещер материалы вошли в перечень предметов выделенной Б. Э. Петри культуры курумчинских кузнецов [Харинский, 2009, с. 99].

В 1916 г. ученый в третий раз приезжает в Сибирь с заданием археологически обследовать побережье озера Байкал. Во время пребывания в бухте Песчаная Б. Э. Петри была собрана обширная археологическая коллекция, а также выявлены четыре пункта: № 1 – сама бухта Песчаная (с небольшим количеством материала); № 2 – «У дерева» (современный топоним – бухта Академическая; с самыми обильными сборами); № 3 – «бухта Колокольная» (самая «бедная» стоянка) и «бухта Бабушка» [Коршунов, 2009, с. 69]. В двух последних пунктах были произведены сборы подъемного материала, в бухтах Песчаная и Академическая произведены раскопки [Петри, 1921].

Совместно с М. П. Овчинниковым Б. Э. Петри проводит разведки и небольшие раскопки на Ангаре в местонахождениях Царь-Девица, Кузьмиха, Межовка [Петри, 1916а; 1916б, с. 7].

Вернувшись на Байкал в 1919 г., Б. Э. Петри проводит здесь уже обширные раскопки. До настоящего времени сохранилась полученная исследователем коллекция, насчитывающая 2 044 экз. [Коршунов, 2009, с. 70].

Как подчеркивал академик А. П. Окладников, «…в Сибири изучение неолитических памятников вызвало к жизни в 1913–1914 гг. и в последующее десятилетие постановку широких проблем, стимулировало напряженную теоретическую борьбу, неразрывно связанную с ходом развития научной мысли не только в России, но и далеко за ее пределами» [1950, с. 44]. Несколько забегая вперед, скажем, что именно со сторонниками «иркутской школы», исповедовавшими концепцию ортодоксального эволюционизма, вступает в дискуссию

Г. Мергарт в обзорной статье, посвященной неолиту Сибири, а также и в последующих исследованиях (см., напр.: [Мергарт, 1923; Mergart, 1926]).

В российской (советской) историографии с 1912 до середины 1930-х гг. обозначен второй период изучения неолита на юге Средней Сибири [Савельев, 1989, с. 12; и др.].

В апреле 1914 г. Россия объявила протекторат над Тувой, которая под наименованием «Урянхайский край» была подчинена управлению енисейского губернатора. 25 июня 1915 г. сюда приехал А. В. Адрианов. Он пробыл здесь 15 месяцев [Дэвлет, 2004, с. 52] и провел серьезные изыскания. По существу, «его археологические исследования заложили фундамент для обобщающих работ последующих специалистов, изучающих древности края» [Там же, с. 55]. А. В. Адрианов исследовал около 60 курганов и ритуальных сооружений, обнаружил остатки древнемонгольского городища («древнекитайского городка»), выполнил описание кургана Аржан, открыл и обследовал целую серию погребальных и поселенческих комплексов, наскальных изображений, древних надписей и каменных изваяний. Кроме того, им выполнены этнографические сборы, написана серия очерков о малоизвестном с исторической точки зрения регионе, которым являлась в то время Тува.

Следует отметить, что благодаря усилиям томского археолога О. Б. Беликовой были подготовлены к публикации и изданы полевые дневники А. В. Адрианова 1915–1916 гг. [Адрианов, 2008]. Хотя этот документ и был создан более 90 лет назад, его в полной мере можно назвать новым источником по археологии Тувы: столь цельное описание исследованных 60 объектов (большинство – погребальные), датируемых от скифского времени до XVII–XIX вв., в литературе ранее отсутствовало [Молодин, 2008, с. 3].

В 1921 г. дочь А. В. Адрианова передала в музей Томского государственного университета археологические коллекции из раскопок 1915–1916 гг. в Туве, поскольку войны и революция помешали своевременно отправить их в Петербург [Ожередов, 2008, с. 29]. Таким образом, уникальные источники были введены в научный оборот и представляют собой полноценный материал и для сегодняшних исследований.

Перечисленными работами, пожалуй, и ограничиваются сколько-нибудь масштабные исследования в Сибири в период Первой мировой войны. Все остальные связаны лишь с эпизодами (как, например, посещение в 1915 г. А. М. Тальгреном Барнаула и его знакомство с коллекциями Н. С. Гуляева). В этом же году студент Томского университета В. П. Михайлов предпринял археологическое обследование окрестностей с. Большая Речка в Верхнем Приобье [Тишкина, 2009, с. 15–16]. В 1915–1916 гг. на верхнем Амуре работала экспедиция Академии наук под руководством этнографа и антрополога С. М. Широкогорова [Нестеров, 2009, с. 154]. В 1918 г. в черте г. Канска Г. Мергартом и Р. Эксендорфом были раскопаны несколько курганов (вероятно, средневековых) [Толкацкий, 2009, с. 165]. Естественно, подобного рода работы могут интересовать нас лишь в плане истории науки.

Первая мировая война породила в России глобальный по своим масштабам кризис, который стал одной из причин произошедшей 7 ноября (по новому стилю) 1917 г. Великой Октябрьской социалистической революции. Как всякая революция, что хорошо известно из истории, она сопровождалась колоссальными потрясениями и неоправданными жертвами. Однако мы, археологи, принимающие самое непосредственное участие в реконструкции исторических процессов, должны, как мне представляется, быть максимально объективными в оценках этих событий, изменивших не только Россию, но и, по существу, практически весь цивилизованный мир. Эта очень серьезная тема не является специальным предметом данной работы, в то же время я не могу избежать и некоторых оценок этих событий, явившихся во многом судьбоносными для развития в стране науки в целом и археологии в частности.

С точки зрения историографического подхода, период от октября 1917 г. до середины 1930-х гг. выделен как первый период развития советской исторической науки, который, по мнению В. Ф. Генинга, следует отнести и к российской археологии [1982, с. 12–13]. Как полагал исследователь, этот этап связан с формированием советской археологии на новых организационных началах и отмечен консолидацией основных научных сил [Там же, с. 14].

Октябрьская революция 1917 г. явилась переломным пунктом в истории России, затронув абсолютно все стороны жизни страны, в том числе и науку. Очень метко по этому поводу высказался археолог мирового класса профессор М. И. Ростовцев: «Старая Россия боялась ученых, не верила им, ставила их в унизительное и тяжелое положение» [1917]. Его статья «Наука и революция», вышедшая в 1917 г., явилась, по сути, программой культурного строительства новой России [Лебедев, 1992, с. 417]. К сожалению, приходится констатировать, что в силу ряда объективных и субъективных причин эта программа до сих пор остается нереализованной. Однако это, конечно, вопрос особый.

В переломный для государства и всего народа период каждый человек оказался перед выбором. Значительная часть творческой интеллигенции покинула страну, и мы сегодня не вправе осуждать их за это. Однако были и такие, которые следовали «высшему из заветов русской интеллигенции: всегда и во всем разделять судьбу своей Родины и своего народа» [Там же, с. 419].

Важнейшим шагом в совершенствовании структуры организации археологии в России явилось создание на основе бывшей Археологической комиссии нового правительственного учреждения – Российской академии истории материальной культуры (РАИМК), образованной согласно Декрету Совета народных комиссаров от 18 апреля 1919 г. и открывшейся в начале августа того же года. Сам по себе факт образования академии имел исключительное значение для развития археологии в стране, в том числе и сибирской. В этой связи будет уместно обозначить в настоящей работе и главные уставные задачи РАИМК, перечисленные в упомянутом декрете: «а) Академия имеет задачею научное исследование памятников древности, искусства, старины и народного быта, распространение знаний об этих памятниках и организацию их изучения, а также разработку научных основ охраны этих памятников в пределах России; б) Академия занимается теоретическою разработкой всех вопросов, относящихся к области археологии, истории искусства и этнологии; в) Академия производит раскопки и разыскания, а также собирает предметы древности, искусства, старины

и народного быта; г) Академия предпринимает научные экспедиции в различные местности в пределах и за пределами России по делам, относящимся к ее ведению; д) ведению Академии подлежит вообще научная сторона всех археологических предприятий в пределах России, в частности раскопок и разведок, а также работ по реставрации и ремонту монументальных памятников древности, искусства и старины в пределах России; е) в непосредственном ведении Академии находятся расположенные в пределах России, исследуемые ею древние поселения, курганы и прочие сосредоточия древностей и научно-вспомогательные учреждения, существующие или вновь образуемые в связи с раскопками; ж) Академия распределяет между государственными культурно-историческими музеями добываемые ею путем раскопок и экспедиций, а также и приобретаемые ею предметы древности, искусства, старины и народного быта; з) для всестороннего осуществления поставленных себе задач Академия может открывать и в России и за границей подведомственные ей учреждения. Одним из таких учреждений в Петрограде является Институт археологической технологии….».

За годы Гражданской войны академия успела все же осуществить несколько экспедиций, а также провести непростую работу по упорядочению внутренней структуры. Начала академия и издательскую деятельность. В 1921 г. появился первый том «Известий Академии истории материальной культуры». Вышел в свет и первый выпуск «Записок Академии истории материальной культуры». Во главе РАИМК стал академик Н. Я. Марр.

Говоря о позитивной роли создания академии, приходится иметь в виду, что ее деятельность осуществлялась в сложной борьбе с традициями и устоями дореволюционной археологии, поскольку в ее стенах трудились уже вполне сложившиеся ученые, остававшиеся на старых теоретико-методологических позициях [Пряхин, 1986, с. 16].

Таким образом, следует констатировать, что Октябрьская социалистическая революция оказала безусловное качественное воздействие на организацию науки в стране в целом и археологии в частности. Как подчеркивал В. М. Матющенко, это воздействие сказалось на содержании и целевых установках исследований, подготовке научных кадров и методологических

установках. «Вместе с тем в истории сибирской археологии первые 15–17 лет после Октября не произвели каких-то качественных изменений в характере исследований с новой методологической ориентацией» [2001, с. 67].

Несмотря на чудовищные по своим масштабам трудности, вызванные Мировой войной и революцией в регионах России, в том числе и в Сибири, жизнь, что называется, продолжалась. Это в полной мере касалось и изменений в организации науки в стране. В 1919 г. в Томске состоялся съезд по организации Института исследования Сибири [Труды…, 1919], активная подготовка которого велась в 1917 и 1919 гг. Надо сказать, что это совершенно уникальное событие пока еще не нашло должной оценки в историографии. А ведь сама идея создания комплексного научного учреждения, деятельность которого должна быть направлена на изучение природных ресурсов Сибири, культуры и истории населяющих ее народов, можно сказать, опережала время. В полной мере эта идея была реализована только в 1957 г. с созданием Сибирского отделения Академии наук СССР с центром в Новосибирске, в построенном за очень короткий срок Академгородке.

Чтобы была понятна вся масштабность предприятия, задуманного в разгар Гражданской войны (!), перечислю лишь секции, по направлениям которых должен был работать институт: геодезия и физика, химия и химическая технология, минеральные источники, геология и горное дело, ботаника и почвоведение, сельское хозяйство, животноводство и лесоведение, зоология, история, этнография и археология, статистика и экономика [Там же, с. 3–5].

С докладом «Организация археологического обследования Сибири» на съезде выступил профессор В. Ф. Смолин.

Виктор Федорович Смолин оставил заметный след в археологии России [Кузьминых, 2004, с. 3]. Историк-антиковед, ученик Э. Р. фон Штерна и М. М. Хвостова, исследователь Волжской Булгарии, первооткрыватель абашевской культуры эпохи бронзы, с 1918 по 1920 г. преподавал в Томском университете и гимназии, заведовал музеем археологии и этнографии, участвовал в создании Общества этнографии, истории и археологии при историко-филологическом

факультете [Там же, с. 29]. Любопытно, что в гимназии у Смолина учился М. П. Грязнов – впоследствии выдающийся археолог, исследователь культур эпохи бронзы и раннего железа Южной Сибири [Беленицкий, Пшеницына, 1992]. Смолин был одним из организаторов Института исследования Сибири и состоял в нем старшим ассистентом, возглавив работу по составлению археологической карты Западной Сибири [Кузьминых, 2004, с. 8].

Доклад В. Ф. Смолина по сути являлся программой организации археологических исследований в новых исторических условиях [1919]. Автор определяет периодизацию отношения к древностям, выделяя три этапа ее развития и видит в третьем этапе формирование археологии как науки, способной реконструировать прошлое. Он подчеркивает необходимость следования методическим приемам (особенно фиксации) при проведении раскопок; исследователь должен быть по-настоящему образованным в области археологии; полученные при раскопках материалы должны всесторонне изучаться и классифицироваться. Напоминая эти, в общем-то, известные слушателям истины, В. Ф. Смолин подчеркивает: «Обращаясь к Сибири, мы видим, что эти правила – в забросе. Сибирь усеяна археологическими памятниками, но правильного обследования их нет. Правда, копателей много. Копают все, у кого есть руки: землемеры, инженеры, студенты, учителя и т. д. и т. п. Памятники Сибири гибнут с каждым днем» [Там же].

Высказав таким образом свою обеспокоенность состоянием археологических памятников в Сибири, В. Ф. Смолин предлагает учредить при Институте исследования Сибири специальный отдел, который бы регулировал полевые исследования археологических объектов в Сибири. В число задач отдела должны войти: «1) регистрация памятников древности на территории Сибири; 2) охрана памятников древности (и право разрешать археологические раскопки); 3) ведение археологических раскопок; 4) составление археологической карты и т. д.» [Там же].

К сожалению, деятельность задуманного института не получила дальнейшего развития, и он был закрыт по окончании Гражданской войны.

Однако активная работа В. Ф. Смолина была продолжена и в эти нелегкие годы. В 1920 г. он вновь ставит вопрос о координации археологических исследований на территории Томской губернии и Сибири. Конкретным механизмом по налаживанию этой работы могли стать издание специального сборника научных статей и созыв археологического съезда [Сенюкова, Яковлев, 1999, с. 134].

С установлением в Сибири советской власти и национализацией культурного достояния на местах создаются «Комитеты по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы», имеющие достаточно широкие функции и полномочия [Кузьминых, 2004, с. 8]. В. Ф. Смолин активно включается в деятельность такого отдела в Томске. Помимо просветительской деятельности, с целью составления археологической карты региона, комплектования музейных фондов и наблюдения за земляными работами, В. Ф. Смолин проводил исследования на Уртамском остроге, Могильницком, Вороновском, Козюлинском, Нагорно-Иштанском, Томском могильниках, а также на поселенческих комплексах Тоянов городок и Лагерное [Дульзон, 1956, с. 101–102; Чиндина, Яковлева, Ожередов, 1990, с. 119, 121, 128; Ожередов, Яковлев, 1993, с. 87–90, 110, 123, 126].

В 1918 г. в Иркутске был открыт университет, на базе которого впоследствии складывается уникальная иркутская школа археологов. Основателем ее стал Бернгард Эдуардович Петри, переехавший в Сибирь из Петербурга. Став профессором историко-филологического факультета и возглавив кафедру истории первобытной культуры, Петри создает кабинет археологии и организует кружок народоведения. Исследователь начинает полевые работы на памятниках Глазково, Рабочий Дом, Ушаковка, Черемушки и Верхоленская Гора. На последнем объекте проводятся широкие исследования уже в 1918–1920 гг., а затем и после окончания Гражданской войны. Были получены около трех тысяч палеолитических орудий, остатки фауны, выявлены кострища, очаги, косторезная мастерская [Ларичев, 1961]. В 1923 г. ученый предпринял попытку сведения всех известных материалов по палеолиту и мезолиту Сибири [Петри, 1923б]. По существу это было первое обобщающее исследование, посвященное сибирскому палеолиту.

«Сибирский палеолит» Б. Э. Петри, по оценке Г. Мергарта, представляет собой «заслуживающий всяческой благодарности обзор известных до 1923 г. памятников, их содержимого и важнейшей литературы на данную тему…» [Mergart, 1924, S. 139].

В настоящее время в фондах Иркутского областного краеведческого музея хранятся 49 археологических коллекций, собранных Б. Э. Петри в Восточной Сибири, Средней Азии и Монголии [Шергин, 2009, с. 107], насчитывающих тысячи артефактов.

Без преувеличения, главной заслугой Б. Э. Петри – чем он попросту увековечил свое имя – явилась его иркутская школа, которая закладывалась именно в эти годы. Она подарила науке таких выдающихся личностей, как академик А. П. Окладников, профессор М. М. Герасимов, Г. Ф. Дебец и др.

Вот как писал о своих учениках Бернгард Эдуардович в одном из писем Г. Мергарту: «Из моих новых учеников выделяются Герасимов, Окладников и Хадукин. Герасимов копает на Амуре, Окладников на Лене. Я очень доволен своим учеником Г. Ф. Дебец, который копает на р. Селенге. Сейчас Сосновский и Дебец пополняют свои знания в Ленинграде у Ефименко, Теплоухова и Дуженко. Таким образом, я каждому ученику даю одну великую сибирскую реку, а Хороших отдал Байкал. У нас получается плановое исследование Сибири…» [Детлова, Макаров, 2009, с. 40].

В 1920 г. в Иркутске увидело свет двухтомное сочинение профессора В. И. Огородникова «Очерки истории Сибири», написанное на основе его лекционного курса, прочитанного в 1918–1919 гг. в Иркутском университете. Для настоящей работы определенный интерес может представлять первая часть книги, посвященная истории Сибири до прихода русского населения [Огородников, 1920]. Археологические памятники Сибири представляют собой, по мнению профессора, один из главных источников, на котором воссоздается сибирская история. В работе присутствует краткая, но достаточно полная история археологических исследований региона и историография. Особый раздел посвящен, по выражению автора, «доисторической истории» [Там же, с. 118–130] и содержит анализ известных к тому времени

памятников эпохи палеолита, неолита, медного века и более поздних периодов. Делается попытка исторических реконструкций на основе китайских письменных источников. Чрезвычайно важным и, пожалуй, наиболее интересным разделом работы является характеристика этносов, проживающих в Сибири [Там же, с. 146–281], выполненная в стиле исторической этнографии.

Рецензия на эту монографию была опубликована академиком Л. С. Бергом в 1922 г. [1922, с. 60]. В ней отмечается важность предлагаемых автором обзоров представителей различных этнических групп, в частности финно-угров, самоедов, динлинов, хакасов, тунгусов, якутов, татар, енисейских киргизов, киргиз-казаков, бурят и др., проживавших в Сибири.

Еще одним центром развития археологии Сибири в эти годы являлся Красноярский музей. В годы Гражданской войны и после ее окончания археологические исследования в регионе проводили такие яркие личности, как Н. К. Ауэрбах, Г. Мергарт, Г. П. Сосновский, В. И. Громов. Раскопки велись на палеолитической стоянке Афонтова Гора (Красноярск), а также в Минусинской котловине. Здесь в исследованиях под руководством Г. П. Сосновского (начало работ – 1920 г.) принимали участие Г. Мергарт и В. П. Ермолов [Белокобыльский, 1986, с. 118]. По сути, именно источники по Минусинской котловине были положены Г. Мергартом в основу его фундаментального исследования по периодизации культур I тыс. до н. э. на Енисее, разработанного уже в Австрии, где он после возвращения из плена стал доцентом Инсбрукского университета [Mergart, 1926].

В 1920 г. Г. Мергарт вместе с Г. П. Сосновским обследовал 30 стоянок, на которых был найден ценный палеолитический материал. Детально описана стратиграфия этих комплексов [Детлова, Макаров, 2009, с. 37]. К числу изыскательских исследований можно отнести разведку Г. П. Сосновского, проведенную летом 1921 г. в долине р. Ангары от г. Балаганска до с. Распутина, где были обнаружены, по мнению исследователя, дюнные стоянки с перемешанными культурными слоями, относящиеся к каменному, бронзовому и железному векам [Сосновский, 1923].

Вообще надо сказать, что деятельность Г. Мергарта и Б. Э Петри на поприще изучения археологии Сибири неоднократно рассматривалась в специальных исследованиях целого ряда археологов, под разными углами зрения изучавших их научное творчество и эпистолярное наследие (см.: [Ларичев, 1961, с. 148–159, 216–220; Белокобыльский, 1986, с. 119–132; Макаров, 1989; Савельев, 1991; Мартынов, 1992; Китова, 1995; 2007, с. 51–59, 164–170; Kitova, 1998; Матющенко, 2001, с. 38, 79–81; Детлова, Макаров, Эренфрид, 2005; Детлова, 2007]). К этим работам мы отсылаем заинтересованного читателя.

В сложившейся в Сибири ситуации Томский университет по-прежнему оставался тем островком, где археология развивалась профессионалами, а не любителями, что уже в 1920-е гг. дало блестящие результаты. Несомненно, важную роль здесь играл университетский музей (см.: [Ожередов, 2008]), поскольку открытый в 1919 г. в Томском университете историко-филологический факультет просуществовал всего один год. Вместе с тем на физико-математическом факультете вокруг заведующего кафедрой географии и антропологии Сергея Ивановича Руденко, будущего профессора и выдающегося российского археолога, сплотился блестящий творческий коллектив [Жук, 1995, с. 16]. На базе этого коллектива в 1920 г. была создана специализированная Минусинская экспедиция, которую и возглавил С. И. Руденко. Перед экспедицией была поставлена задача – проведение комплексных археолого-этнографических и антропологических исследований в Южной Сибири. Отрядом, в состав которого входили М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер, работавшим на Енисее, руководил С. А. Теплоухов, вошедший в историю археологии как автор первой периодизации культур эпохи бронзы и раннего железа на территории Южной Сибири, и сегодня не утратившей своей научной значимости, ставшей во многом определяющей для подобных разработок в Сибири. Именно на материалах, полученных ученым в 1920, 1921, а также в 1923–1925 гг., и была разработана его периодизация южносибирских древностей [Теплоухов, 1922; 1927]. По мнению историографов, с которыми трудно не согласиться, уже в ходе работ 1920–1921 гг. у Сергея Александровича в основном сложилась его схема

периодизации [Белокобыльский, 1986, с. 134]. Исследователю потребовалось всего три года (1920–1922), чтобы выделить основные этапы развития культур эпохи бронзы и раннего железного века Минусинской котловины [Там же, с. 145].

В контексте данной работы можно сказать, что разработка С. А. Теплоухова не только явилась блестящим завершением труднейшего для российской науки почти десятилетнего лихолетья, но и, несомненно, вывела сибирскую археологию на качественно новый этап развития.

Уже в завершающей фазе Гражданской войны в стране наблюдается возрождение отечественной науки. Свидетельство тому – появление периодических изданий, выходящих в Петрограде и Москве, по интересующей нас проблематике. Это «Бюллетень Географического института», выходивший в 1921 г., и его преемник – «Географический вестник», издаваемый с 1922 г. В первом томе «Вестника» содержится информация об экспедициях Томского университета в 1921 г. Речь идет о вышеупомянутой экспедиции под руководством С. А. Теплоухова, работавшей на протяжении двух лет в Минусинском уезде [Научные экспедиции…, 1922, с. 22].

Во втором выпуске «Вестника» опубликована обзорная статья С. А. Теплоухова, посвященная археологическим исследованиям в Минусинской котловине.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы.

1. Несмотря на труднейший исторический период, отмеченный двумя войнами и революцией, многочисленными жертвами и трагедиями, наука в России и Сибири не погибла. Даже в этих экстремальных условиях были проведены важные полевые исследования, осуществлены серьезные реконструкции в плане организации российской археологии.

2. В этот период в Сибири зарождаются первые профессиональные археологические научные школы – в Иркутском университете под руководством профессора Б. Э. Петри и в Томском университете под руководством С. И. Руденко. И хотя судьба этих школ, их лидеров и молодых сотрудников сложилась по-разному (порой трагически), была сформирована та основа, на которой и сегодня базируется сибирская (да и не только сибирская!) археология.

3. Очевиден и еще один вывод, который следует из анализа научных исследований в Сибири в рассматриваемый период. К нему пришли многие специалисты – такие, например, как Ю. Г. Белокобыльский [1986], Н. А. Савельев [1989], В. И. Матющенко [2001], Г. Парцингер [Parzinger, 2006], прямо или косвенно утверждающие в своих трудах, что выдающийся вклад в изучение культур палеометалла Средней Сибири внесли Г. Мергарт и С. А. Теплоухов. Имена этих исследователей навсегда вошли в золотой фонд мировой археологии.

Список литературы

Адрианов А. В. Дневник археологических исследований 1915–1916 гг. в Урянхайском крае (Тува) / подгот. к публ. О. Б. Беликовой; под ред. В. И. Молодина. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2008. – 146 с.

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII–XVIII вв. – Иркутск: ОГИЗ; Иркут. обл. изд-во, 1932. – 612 с.

Беленицкий А. М., Пшеницына М. Н. Основные этапы жизни и научной деятельности Михаила Петровича Грязнова (1902–1984 гг.) // Археологические изыскания. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 1992. – Вып. 2. – С. 5–9.

Белокобыльский Ю. Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – 168 с.

Берг Л. В. И. Огородников, профессор Иркутского университета. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Ч. 1. Введение. История дорусской Сибири. Иркутск, 1920 // Географ. вестн. – Пг., 1922. – Т. 1. – Вып. 2–3.

Вадецкая Э. Б. К истории археологического изучения Минусинской котловины // Изв. лаборатории археологических исследований. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. пед. ин-та, 1973. – Вып. 6. – С. 91–159.

Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии. – Киев: Наук. думка, 1982. – 226 с.

Демографическая модернизация России. 1900–2000. – М.: Новое изд-во, 2006. – 601 с.

Детлова Е. В. Письма Геро фон Мергарта в Красноярский музей // Енисейская провинция. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2007. – Вып. 3. – С. 76–87.

Детлова Е. В., Макаров Н. П. Красноярск – Иркутск. К истории научных связей Б. Э. Петри и Г. К. Мергарта // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937. – Иркутск: Амтера, 2009. – С. 36–45.

Детлова Е. В., Макаров Н. П., Эренфрид А. Г. Мергарт и Красноярский музей // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск, 2005. – С. 268–270.

Дульзон А. П. Археологические памятники Томской области: материалы к археологической карте Среднего Приобья // Тр. Том. обл. краевед. музея. – Томск, 1956. – Т. 5. – С. 89–316.

Дэвлет М. А. Александр Васильевич Адрианов (К 150-летию со дня рождения). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 64 с.

Жебелев С. А. Введение в археологию. – Пг.: Наука и школа, 1923. – Ч. 1: История археологического знания. – 199 с.

Жук А. В. Организация археологических исследований в Западной Сибири. 1860–1920-е годы: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Барнаул, 1995. – 29 с.

Китова Л. Ю. К вопросу о вкладе Г. Мергарта в изучение сибирской археологии эпохи палеометалла // III Ист. чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1995. – Ч. 1. – С. 44–49.

Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 272 с.

Китова Л. Ю. Иркутская школа археологов: Г. П. Сосновский – ученик Б. Э. Петри // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937. – Иркутск: Амтера, 2009. – С. 59–65.

Коршунов Е. О. Исследования Б. Э. Петри на Южном Байкале // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937. – Иркутск: Амтера, 2009. – С. 69–78.

Кузьминых С. В. Виктор Федорович Смолин, 1890–1932. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. – 32 с.

Кызласов Л. Р. Начало сибирской археологии // Историко-археологический сб. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1962. – С. 43–52.

Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1961. – Ч. 1: Азия и проблема родины человека (История идей и исследования). – 390 с.

Лбова Л. В. Инновационный образовательный проект «Сибирская археологическая полевая школа» (2006–2008) // Вузовская

научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. – Иркутск: Амтера, 2009. – С. 368–372.

Лебедев Г. С. История отечественной археологии. – СПб.: Изд-во СПб. гос ун-та, 1992. – 465 с.

Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по Северным морям и показание возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 6. – С. 417–498.

Макаров Н. П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1989. – С. 131–189.

Мартынов А. И. Мергарт и археология Сибири // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т; Краснояр. краевой краевед. музей, 1992. – Т. 1. – С. 21–24.

Матющенко В. И. 300 лет истории сибирской археологии. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2001. – Т. 1. – 178 с.

Мергарт Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае: автореф. // Изв. Красноярск. отд. Рус. Географ. об-ва. – Красноярск, 1923. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 29–36.

Молодин В. И. От редактора // Адрианов А. В. Дневник археологических исследований 1915–1916 гг. в Урянхайском крае (Тува) / подгот. к публ. О. Б. Беликовой; под ред. В. И. Молодина. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2008.

Население России в XX веке: ист. очерки. – М.: РОССПЭН, 2000. – Т. 1. – 465 с.

Научные экспедиции. Экспедиции Томского университета летом 1921 года // Географ. вестн. – Пг., 1922. – Т. 1. – Вып. 1.

Нестеров С. П. Очерк истории археологического изучения Амурской области // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937. – Иркутск: Амтера, 2009. – С. 153–158.

Огородников В. И. Очерки истории Сибири до начала XIX столетия. – Иркутск, 1920. – Ч. 1. – 289 с.

Ожередов Ю. И. Музей археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского государственного университета: 125 лет служения // Сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. Флоринского. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2008. – Вып. 2: Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. – С. 21–38.

Ожередов Ю. И., Яковлев Я. А. Археологическая карта Томской области. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1993. – Т. 2. – 208 с.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1–2. – 412 с. – (МИА; № 18).

Отчет о деятельности Академии наук по Отделению физико-математических наук, истории и филологии за 1916 г. – Пг., 1916.

Петри Б. Э. Неолитические находки на берегу Байкала: предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада // Сб. Музея антропологии и этнографии Академии наук. – Пг., 1916а. – Т. 3. – С. 113–132.

Петри Б. Э. Отчет о командировке на Байкал в 1916 г. // Отчет о деятельности Академии наук по отделению физико-математических наук, истории и филологии. – Пг., 1916б.

Петри Б. Э. Неолитическая колония в бухте «Песчаная» на Байкале // Сб. трудов профессоров и преподавателей Иркутского ун-та. – Иркутск, 1921. – Отд. 1. – Вып. 2. – С. 56–65.

Петри Б. Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье (к вопросу о доисторическом прошлом якутов). – Чита, 1923а. – 19 с.

Петри Б. Э. Сибирский палеолит // Сб. трудов ИГУ. – Иркутск, 1923б. – Вып. 5. – С. 209–253.

Попов Н. И. Общий исторический обзор археологических изысканий в Сибири // Изв. Сиб. отд. Рус. Императорского Географ. об-ва. – Иркутск, 1871. – Т. 2. – Вып. 1–2.

Пряхин А. Д. История советской археологии. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. – 286 с.

Путешествия М. А. Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838 – 1844 – 1848) // Собрания старых и новых путешествий. Ч. II: Магазин землеведения и путешествий. Географический сборник. – М., 1860. – Т. 3. – 487 с.

Ростовцев М. И. Наука и революция // Русская мысль. – 1917. – № 9–10. – С. 8–9.

Савельев Н. А. Неолит юга Средней Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1989. – 25 с.

Савельев Н. А. Вклад Б. Э. Петри в изучение сибирского неолита // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. – С. 75–92.

Сенюкова Н. Л., Яковлев Я. А. Об охране историко-культурного наследия в Томской губернии в 1919–1924 гг. // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1999. – Вып. 4. – С. 120–145.

Смолин В. Ф. Организация археологического обследования Сибири // Тр. съезда по организации института исследования Сибири. – Томск, 1919. – Ч. 3. – С. 97–99.

Сосновский Г. П. К археологии Ангарского края (из предварительного отчета о поездке в Балаганский уезд Иркутской губернии) // Сибирская живая старина. – 1923. – Вып. 1. – С. 121–139.

Теплоухов С. А. Следы доисторической жизни в Минусинском крае // Географ. вестн. – Пг., 1922. – Т. 1. – Вып. 2–3. – С. 27–29.

Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. – Л., 1927. – Т. 3. – Вып. 2. – С. 57–112.

Тишкина Т. В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Барнаул, 2009. – 24 с.

Толкацкий А. Н. К истории изучения средневековых памятников Канского района // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937. – Иркутск: Амтера, 2009. – С. 165–166.

Труды съезда по организации Института исследования Сибири. – Томск, 1919.

Тыжнов И. И. Обзор иностранных известий о Сибири второй половины XVII в. // Сибирский сб. – СПб., 1887. – Т. 5. – С. 101–147.

Харинский А. В. Исследования Б. Э. Петри пещер у горы Танхын в Приольхонье // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937. – Иркутск: Амтера, 2009. – С. 99–106.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. – СПб.: СПб. археограф. комис., 1882. – 23 л.

Чиндина Л. А., Яковлева Я. А., Ожередов Ю. И. Археологическая карта Томской области. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1990. – Т. 1. – 340 с.

Шергин Д. Л. Коллекции археологического материала Б. Э. Петри по фондам Иркутского областного музея // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937. – Иркутск: Амтера, 2009. – С. 107–117.

Kitova L. Gero con Merhart und die Archäologie Sibiries in den Zwanzinger Jahren // Eurasia Antiqua. – Helsinki, 1998. – Bd. 4. – S. 483–487.

Mergart G. Neuere Literatur über die Steinzeit Sibiriens // Wiener Prähischae Zeitschrift 11. – Wien, 1924. – S. 139–148.

Mergart G. Die Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. – Wien, 1926.

Molodin V. I. Die Archäologie Sibiriens in der Zeit der Oktoberrevolution, des Ersten Weltkieges und des Bürgerkrieges (1914–1922) // Gero von Merhart Ein deutscher Archäologie in Sibirien 1914–1921. Kleine Schriften. Hept 59. – Marburg, 2010. – S. 101–112.

Parzinger H. Die Frühen Völker Eurasiens. Von Neolithikum bis zum Mittelalter. – München: Beck, 2006. – 1068 S.

ПАДНОЙ СИБИРИ
СИБИРСКАГО
ПРОИЗШЕДШИХЪ ВЪ
РОССІЙСКО

1.2. От Института истории, филологии и философии СО АН СССР – к Институту археологии и этнографии СО РАН. Развитие археологической науки на востоке страны*

В 1957 г. было положено начало Сибирскому отделению Академии наук СССР. Под Новосибирском возник легендарный Академгородок, ученые которого очень быстро заявили о себе не только в Советском Союзе, но и в мире.

Для формирования и развития комплекса различных научных направлений и школ основатель Сибирского отделения и первый его председатель академик М. А. Лаврентьев приглашал в Академгородок ученых, способных, что называется, с нуля создавать современные научно-исследовательские институты, творческие коллективы которых были способны в максимально короткий срок обеспечить прорывные научные результаты, в том числе по изучению Сибири [Российская академия наук…, 2007].

С целью обеспечения развития гуманитарного направления из Ленинградского отделения Института археологии АН СССР был приглашен достаточно молодой, но уже хорошо известный в стране ученый-археолог, профессор, ла-

*Впервые опубликовано в сборнике «Ученые и идеи: страницы истории археологического знания. Тезисы докладов Международной научной конференции. Москва, 24–25 февраля 2015 г.» (М.: Изд-во ИА РАН, 2015. С. 38–40).

уреат Сталинской премии Алексей Павлович Окладников. Именно ему мы обязаны созданием первого на Востоке нашей страны (1966 г.) академического научно-исследовательского института, деятельность которого была направлена на изучение богатейшей истории и культуры многочисленных народов Сибири и Дальнего Востока [Алексей…, 1981].

ИИФиФ СО АН СССР был задуман как институт комплексный, и, хотя в его названии слово «археология» не фигурировало, именно это направление стало одним из главных, что, впрочем, вполне понятно: А. П. Окладников как директор, несмотря на широту научных интересов, был прежде всего активно действующим археологом.

Для археологов института (а все они были учениками Алексея Павловича) главными направлениями научной деятельности стали широкомасштабные полевые исследования на памятниках различных эпох и культур от палеолита до русской колонизации Сибири, включая наскальные изображения. Фронт полевых исследований распространялся и на территорию Центральной Азии, Монголию и Советские республики Средней Азии.

Не менее активно велась аналитическая работа, направленная на осмысление и аккумуляцию получаемых уникальных источников. Были опубликованы сотни статей и десятки монографий (см.: [Труды…, 1974]). Венцом этих работ стала очень быстро написанная вместе с коллегами-историками пятитомная «История Сибири» (1968–1969), за которую в 1973 г. авторскому коллективу в лице редакторов – А. П. Окладникова и В. И. Шункова была присуждена Государственная премия СССР.

А. П. Окладников, избранный в 1964 г. членом-корреспондентом АН СССР, а затем в 1968 г. – академиком, отчетливо осознавал необходимость подпитки института квалифицированными научными кадрами. Для этой цели в только что созданном Новосибирском государственном университете был организован гуманитарный факультет, а также аспирантура и совет по защитам кандидатских, а затем и докторских диссертаций [Новосибирский Национальный исследовательский государственный университет…, 2012].

Одной из главных задач в деятельности института А. П. Окладников считал популяризацию научных знаний с целью повышения образовательного и культурного уровня широких слоев на-

селения. Именно для этого в институте были основаны два музея. Несмотря на дефицит площадей, был развернут Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока, который стал регулярно пополняться археологическими и этнографическими экспонатами. Для организации второго музея проводился активный сбор памятников деревянного зодчества и каменных изваяний.

Таким образом, уже в первое десятилетие своего существования институт решил важнейшие задачи по координации научной деятельности в регионе и развитию фундаментальной науки в Сибири.

После ухода в 1981 г. академика А. П. Окладникова институт возглавил его ученик – член-корреспондент АН СССР, а затем академик Анатолий Пантелеевич Деревянко [Академик…, 2013].

В 1990 г. в интересах дальнейшего развития гуманитарной науки ИИФиФ СО АН СССР был преобразован в ассоциированный Объединенный институт, состоящий из Института истории, Института филологии, Института философии и права и Института археологии и этнографии. В 2001 г. институты приобрели полную юридическую самостоятельность. За эти годы Институт археологии и этнографии СО РАН стал одним из крупнейших гуманитарных академических учреждений страны [Институт…, 2006]. Сотрудников института отличает высокий уровень теоретических, экспериментальных и экспедиционных исследований, сформировались и активно функционируют научные школы.

За эти годы существенно расширился территориальный охват археологических изысканий. На западе – Черногория и Кавказ, на востоке – Вьетнам, на севере – циркумполярная зона, на юге – Монголия и Средняя Азия.

Основополагающим принципом, заложенным А. П. Деревянко в основу деятельности института, является интеграция наук, слияние археологических и этнографических исследований с естественными науками. Глубокая интеграция наук обеспечивает получение фундаментальных научных знаний, причем не только в области гуманитарного направления, но и палеоклимата, палеоэкологии, антропологии, генетики и т. д.

В целях интеграции с академической и вузовской наукой институт создал разветвленную сеть совместных с университетскими центрами Сибири лабораторий. Особо следует отметить филиал института в г. Омске, лаборатории, совместные

с НГУ и АГУ, лабораторию палеогенетики, совместную с Институтом цитологии и генетики СО РАН.

На базе института функционирует Центр коллективного пользования (ЦКП) «Геохронология кайнозоя», в деятельности которого принимают участие (и пользуются его услугами) более десятка НИИ СО РАН, а также НГУ. Достаточно сказать, что в ЦКП запущена единственная в России установка АМС для осуществления датирования археологических и геологических объектов.

В 1990 г. на Алтае создан крупнейший в России археологический научно-исследовательский стационар «Денисова пещера». Сама пещера приобрела мировую известность после находки здесь творческим коллективом под руководством А. П. Деревянко останков ископаемого человека *Homo altaiensis*. Только за последние 10 лет на базе стационара проведено пять международных симпозиумов, в которых участвовало более 500 ведущих специалистов из научных учреждений России, Европы, Азии, Америки, Австралии.

На качественно новый уровень вышли музеи института. Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока расположен в отдельном здании лабораторно-выставочного комплекса. В семи залах развернута богатейшая экспозиция, демонстрирующая развитие материальной и духовной культуры многочисленных народов региона от древнекаменного века до этнографической современности. Некоторые экспонаты музея – уникальны. Ежегодно с учебно-научными и просветительскими целями музей посещают свыше 5 тыс. человек.

На площади 46,5 га развернута экспозиция Историко-архитектурного музея под открытым небом. Здесь экспонируются памятники деревянного зодчества, каменные изваяния различных эпох и народов. Жемчужиной комплекса является храм Спаса Нерукотворного из г. Зашиверска (1700 г.). Проведены десятки выездных выставок в России, странах Азии и Европы.

Институт располагает мощной материально-технической базой, которая включает издательско-полиграфический центр, транспортное подразделение, содержащее 40 автомашин и 2 научных судна.

С 2000 г. институт издает журнал «Археология, этнография и антропология Евразии», выпускаемый на русском и английском языках. Еще для двух научных журналов институт является со-

учредителем. Активно действует библиотека, обладающая существенным фондом научной литературы, а также научный архив.

Сегодня Институт археологии и этнографии СО РАН осуществляет полный цикл фундаментальных и охранно-спасательных исследований, работая в тесном сотрудничестве с российскими и зарубежными (европейскими, американскими и азиатскими) научными центрами и университетами. Мировой уровень работы института отражают не только мощная публикационная активность, открытие и изучение уникальных археологических и этнографических объектов, но и высокая оценка руководства страны. Достаточно сказать, что только в новом тысячелетии сотрудники института были удостоены трех государственных премий в области науки и технологий.

Обладая мощным коллективом, состоящим из маститых ученых и талантливой молодежи, институт способен решать серьезные научные задачи и с оптимизмом смотрит в будущее.

Список литературы

Академик Анатолий Пантелеевич Деревянко: биобиблиография. – 3-е изд., испр. и доп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 414 с.

Алексей Павлович Окладников: мат-лы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. истории. – М.: Наука, 1981. – Вып. 13. – 184 с.

Институт археологии и этнографии. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2006. – 144 с.

История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / под ред. А. П. Окладникова, В. И. Шункова. – Л.: Наука, 1968–1969. – Т. 1. – 454 с.; Т. 2. – 540 с.; Т. 3. – 530 с.; Т. 4. – 500 с.; Т. 5. – 469 с.

Новосибирский Национальный исследовательский государственный университет. Гуманитарный факультет. Профессора, доктора наук – выпускники факультета. Персональный состав (1962–2012). – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2012. – 348 с.

Российская академия наук. Сибирское отделение: ист. очерк / Е. Г. Водичев, С. А. Красильников, В. А. Ламин и др. – Новосибирск: Наука, 2007. – 510 с.

Труды сотрудников Института истории, филологии и философии СО АН СССР (Библиография за 1961–1973 гг.). – Новосибирск: Изд-во: ГПНТБ СО АН СССР, 1974. – 370 с.

ПАДНОЙ СИБИРИ
ОПИСА
СИБИРСКАГО
ПРОИЗШЕДШИХЪ ВЪ
РОССІЙСКО

1.3. Российско-германское сотрудничество в области изучения археологии Сибири*

«Германия и Россия: вместе строим будущее» – под таким девизом президентами двух стран – Йоахимом Гауком и Владимиром Путиным провозглашен Год Германии в России 2012–2013 гг. В рамках программы из почти тысячи мероприятий выделено шесть центральных тем, одна из которых – «Образование и наука» (см.: [Русские и немцы…, 2012]).

Россия и Германия… История наших стран переплетается самым тесным образом. Были периоды активного взаимодействия и потепления, что демонстрирует наш сегодняшний день. Были и трагические моменты во взаимоотношениях между нашими странами, которые также неправильно забывать. Мы должны сделать все, чтобы подобное никогда более не повторилось.

Сегодня Россия и Германия идут навстречу друг другу, активно взаимодействуя в области экономики, науки и культуры. Приведу лишь один пример, касающийся нашего Сибирского отделения РАН. В докладе председателя отделения академика А. Л. Асеева на общем собрании СО РАН 2012 г. приведен анализ взаимодействия институтов

*Впервые опубликовано в газете «Наука в Сибири» (2012. № 42 (2877). С. 6–7).

с зарубежными партнерами, – Германии в этом ряду принадлежит безусловное первенство. В этой связи данное сообщение – одна из иллюстраций научного сотрудничества российских и германских ученых в области археологии.

Корни этого сотрудничества, направленного именно на изучение древнейшего прошлого Сибири, уходят в далекий XVIII в. и связаны с деятельностью совсем еще юной Российской академии наук. Характерно, что, наряду с задачами естественно-научного плана, перед исследователями ставилась цель изучения народов, населяющих Сибирь, и их истории.

Первая такая экспедиция в Сибирь со специальными научными задачами была проведена в 1719–1727 гг. Ее возглавил доктор медицины Даниил Готлиб Мессершмидт (D. G. Messerschmidt). Главными задачами экспедиции были «изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей…». Пройдя за эти годы сложнейшими маршрутами от Тобольска до Байкала и Приангарья и совершив замечательные открытия в области геологии, биологии, зоологии, географии, экспедиция собрала уникальные археологические и этнографические коллекции (например каменных изваяний), а также совершила открытие пунктов древних наскальных изображений, занималась изучением «енисейской письменности, древних хакасов» и т. д. [Messerschmidt, 1962–1977].

По словам В. И. Вернадского, с путешествий Мессершмидта «начинается естественно-научное изучение России, они являются родоначальниками того великого коллективного научного труда, который беспрерывно и преемственно продолжается с 1717 г. до наших дней, все более разрастаясь как по своей силе, так и по ширине захваченных интересов» [1915].

Второй, чрезвычайно значимой, вехой в деле изучения прошлого Сибири стали работы Академического отряда Второй Камчатской экспедиции 1733–1743 гг., неофициальным руководителем которой стал Герард Фридрих (Федор Иванович) Миллер (Müller) – историк, археолог, этнограф, с 1750 г. – академик Российской академии наук, принявший российское подданство в 1748 г. Миллер по праву считается выдающимся исследователем Сибири. Его труды и собранные материалы (так называемые портфели Миллера) не утра-

тили своего научного значения и сегодня. В течение 10 лет работы в Сибири Миллер руководствовался исследовательской программой, по-настоящему комплексной, состоящей из 1 278 пунктов. Ученым собран и обобщен колоссальный научный материал. Его капитальный труд «История Сибири» (первое издание увидело свет в 1750 г.), принесший Миллеру неофициальный титул «отца сибирской историографии», является фундаментом сибирской исторической науки [Миллер, 1999; 2000]. Мне очень приятно отметить, что чрезвычайно много сегодня делается для введения материалов и трудов Миллера в научный оборот у нас в Сибирском отделении. Профессор Александр Христианович Элерт посвятил этому благородному делу свою творческую жизнь (см., напр.: [Элерт, 1990]). С удовольствием представлю последнее детище российско-германского проекта – подготовленную А. Х. Элертом к печати и опубликованную в России и Германии фундаментальную монографию Миллера «Описание сибирских народов» [2009].

Следующий значимый этап российско-германского сотрудничества в области изучения сибирской археологии связан с деятельностью академика Василия Васильевича (Фридриха Вильгельма) Радлова – выдающегося востоковеда-тюрколога, фольклориста, этнографа и археолога. Именно В. В. Радлов положил начало археологическому изучению Алтая, ему принадлежит честь открытия пазырыкской культуры и исследование погребальных комплексов с мерзлотой (Берель, Катанда), где были получены уникальные предметы, и сегодня составляющие золотой фонд Государственного исторического музея в Москве [Радлов, 1989].

Начало XX в., несмотря на глобальные потрясения, связанные с Первой мировой войной, последующей Великой Октябрьской социалистической революцией в России, а затем войной гражданской, ознаменовано, как это ни парадоксально, замечательными научными достижениями в области изучения археологии Сибири, связанными с именами российского археолога Сергея Александровича Теплоухова и германского военнопленного, осевшего в Сибири, Геро фон Мергарта. Работая фактически параллельно, эти

исследователи в сложнейших условиях только что закончившейся гражданской войны осуществили, по сути, прорыв в двухсотлетних исследованиях Сибири. Эти ученые внесли огромный вклад в изучение культур палеометалла Средней Сибири. Без преувеличения, была сформирована та теоретическая основа, на которой и сегодня базируется сибирская (да и не только сибирская!) археология.

Трагические события XX в., и прежде всего Вторая мировая война, полностью нивелировали научные контакты между советскими и германскими учеными, и археология не была исключением. Фактически только в 1960-е гг. можно говорить о зарождении нового витка этих контактов. Конечно, побудительным обстоятельством явилось понимание ведущими учеными СССР и разделенной на две части Германии, что без учета открытий, сделанных на одной шестой части суши, в Советском Союзе, невозможно себе представить древнейшую историю Евразийского субконтинента, а значит и историю человечества в целом.

К чести Сибирского отделения Академии наук СССР, эти контакты зародились у нас в Академгородке, куда по приглашению академика Алексея Павловича Окладникова, директора Института истории, филологии и философии, приехал профессор Карл Йетмар – выдающийся исследователь археологии и этнографии Центральной Азии. Тогда, в 1976 г., по просьбе моего учителя я демонстрировал профессору коллекции из раскопок памятников эпохи бронзы Обь-Иртышья. И какое же для нас обоих было счастье, когда мы встретились с профессором в его доме в Гайдельберге в 1999 г.! Карл не мог сдержать слез, вспоминая Окладникова и Сибирь...

Однако по-настоящему на качественно новый уровень наше сотрудничество вышло уже в новой Германии и новой России.

В 1999 г. директором Института археологии и этнографии СО РАН академиком А. П. Деревянко и президентом Германского археологического института (DAI) профессором Г. Парцингером был заключен договор о сотрудничестве в области изучения археологии и древней истории Евразии.

В основу соглашения были положены принципы, которыми мы руководствовались все эти годы. Главные из них заключаются в совместном полевом исследовании высоко-

информативных археологических объектов, в подготовке публикаций, организации стажировок специалистов, включая молодых ученых и аспирантов, в Германии и России; участие в полевых исследованиях ученых из наших стран, паритетное финансирование проекта, мультидисциплинарный подход к анализу и синтезу источников.

Опыт работ показал несомненную эффективность такого сотрудничества. Избранный для раскопок уникальный памятник Чича в Барабинской лесостепи оказался в высшей степени содержательным. Были получены чрезвычайно значимые научные материалы, отличающиеся необычайной информативностью. Удалось подготовить и опубликовать несколько десятков аналитических работ в высокорейтинговых журналах. Изданы четыре монографии в России и Германии, демонстрирующие пример эффективного сотрудничества специалистов разных научных направлений и разных стран [Чича…, 2001; 2004; 2009; Schneeweiβ, 2007].

Вторым циклом реализации нашего проекта явились совместные раскопки в Северо-Западной Монголии, направленные на поиск и исследование погребальных комплексов пазырыкской культуры с мерзлотой. В результате целенаправленного поиска, последующего геофизического мониторинга, осуществленного академиком М. И. Эповым, а затем раскопок получен замечательный комплекс, содержащий непотревоженное захоронение пазырыкской культуры с мерзлотой, благодаря чему до нас дошли великолепные высокохудожественные материалы из дерева, тканей, меха. Итоги работ опубликованы в центральных научных и научно-популярных изданиях. Небольшая книга была издана в Голландии. В 2012 г. итоговая коллективная монография выходит в Москве, а в будущем году – в Германии [Parzinger, Molodin, Cevendorž, 2008; Молодин, Парцингер, Цэвээндорж, 2012].

Следующим направлением совместных полевых исследований, которые продолжаются и в наши дни, являются раскопки на могильнике Тартас-1 в Новосибирской области, где изучаются захоронения преимущественно эпохи бронзы. В результате к настоящему времени исследовано более 500 погребальных комплексов, отличающихся высокой информативностью [Молодин и др., 2014].

Говоря об аналитических исследованиях специалистов из Германии и России, нельзя не отметить проект по изучению проблем древнекаменного века, реализуемый под руководством директора нашего института академика А. П. Деревянко и профессора С. Паабо (Институт Макса Планка, Лейпциг). По материалам Денисовой пещеры на Алтае установлено одно из наиболее ранних проявлений верхнего палеолита в Евразии, возрастом около 50 тыс. лет. Получены уникальные антропологические данные, позволяющие предположить существование ранее неизвестной популяции ископаемого человека, названного *Homo altaiensis*. По данным палеогенетики, речь идет о представителе до сих пор неизвестной генеалогической линии гоминидов, существенно отличающейся по типу митохондриальной и ядерной ДНК как от *Homo sapiens*, так и от *Homo neanderthalensis*. Данное открытие вообще трудно переоценить [Krause et al., 2010].

Научные результаты, полученные творческим коллективом сотрудников ИАЭТ и DAI, были не раз заслушаны на конференциях самого высокого уровня. Среди них я хочу отметить лишь несколько. В 2009 г. в Марбурге был проведен германо-российский симпозиум, посвященный выдающемуся ученому профессору Геро фон Мергарту, внесшему огромный вклад в развитие археологии Сибири [Gero…, 2010].

В марте 2010 г. в Берлине состоялся международный конгресс «Миграции в предистории и истории: изотопный метод и популяционная генетика – новые ответы на старые вопросы», на котором были впервые доложены наши результаты в области археолого-генетического проекта изучения популяций, проживавших в Западной Сибири в эпоху бронзы, полученные в рамках интеграционного проекта СО РАН с участием Института археологии и этнографии и Института цитологии и генетики [Molodin et al., 2012].

В августе 2011 г. на базе стационара «Денисова пещера» на Алтае совместно с Германским археологическим институтом мы провели международный симпозиум «Terra Scythica», на котором выступали ведущие ученые из более десяти стран Евразии [«Terra Scythica»…, 2011].

Все перечисленные научные мероприятия имели серьезный

резонанс среди научной общественности далеко за пределами России и Германии.

Работая в рамках нашего проекта, мы всегда помнили о важности научно-просветительской деятельности. Результатом стало активное участие нашего института в международной выставке, проведенной в Германии, – «Под знаком золотого грифона» и в сопровождавшем ее открытие крупном международном конгрессе [Im Zeichen…, 2007]. Отмечу также выставку «Амазонки» в Историческом музее Пфалца в г. Шпейере, вызвавшую огромный интерес общественности, в экспозиции которой были представлены материалы нашего института [Amazonen…, 2010].

В заключение несколько слов хотелось бы сказать о наших планах. Уже в будущем году мы планируем начать совместные исследования некрополя скифо-сарматского времени в Барабе – Яшкино, где центральное место занимает крупный курган, около 50 м в диаметре; продолжатся исследования памятника Тартас-1. В рамках нашего соглашения мы также планируем проведение международного симпозиума, вероятно в Грайсвальде, посвященного проблемам первобытного искусства, и семинара в Екатеринбурге, посвященного российско-германским исследованиям в Азии. Конечно, впереди новые статьи, книги, выставки, конференции, стажировки – все то, чем живет наша наука.

Список литературы

Вернадский В. И. Война и прогресс науки // Чего ждет Россия от войны. – Пг.: Прометей, 1915. – С. 63–76.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Вост. лит., 1999. – 630 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Вост. лит., 2000. – 796 с.

Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. – М.: Памятники ист. мысли, 2009. – 453 с.

Молодин В. И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). – М.: Триумф принт, 2012. – 566 с.

Молодин В. И., Хансен С., Ефремова Н. С., Рейнгольд С., Кобелева Л. С., Дураков И. А., Ковыршина Ю. Н., Мыльникова Л. Н., Ненахов Д. А., Нестерова М. С., Борзых К. А., Наглер А. Россий-

ско-германские археологические исследования в Западной Сибири в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 231–234.

Радлов В. В. Из Сибири. – М.: Вост. лит., 1989. – 749 с.

Русские и немцы. 1000 лет истории, искусства и культуры. – М.; Берлин: Michael Imhof Verlag, 2012. – 584 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследований). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 240 с. – (Мат-лы по археологии Сибири; вып. 1).

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск; Берлин: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2. – 336 с. – (Мат-лы по археологии Сибири; вып. 4).

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск; Берлин: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – 248 с.

Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. – Новосибирск: Наука, 1990. – 247 с.

Amazonen. Geheimnisvolle Kriegerinnen. – München: Minerva, 2010. – 307 S.

Gero von Merhart. Ein deutscher Archäologe in Sibirien (1913–1921). Deutsch-Russisches Symposium. 4–7 juni 2009, Marburg. – Marburg, 2010. – 152 S.

Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. – München; Berlin; L.; N. Y.: Prestel, 2007. – 340 S.

Krause J., Fu Q., Good. J., Viola B., Derevianko A. P., Shunkov M. V., Pääbo S. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. – 2010. – Vol. 464. – P. 894–897.

Messerchmidt D. G. Forschungsreiss durch Sibirien 1720–1727. – Berlin: Akademie-Verlag, 1962–1977. – T. I–V.

Molodin V. I., Pilipenko A. S., Romaschenko A. G., Zhuravlev A. A., Trapezov R. O., Chikisheva T. A., Pozdnyakov D. V. Human Migrations in the Bronze Age: Archaeological, paleogenetic and anthropological data // Population Dynamics in Prehistory and Early History. New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2012. – P. 93–112.

Parzinger H., Molodin V., Cevendorž D. Der Skythenzeitliche krieger

aus dem Eis: Neue entdeckungen im Mongolischen Altai. – Amsterdam: Joh. Enschede Amsterdam BY, 2008. – 66 S.

Scheneeweiβ J. Die Siedlung Čiča in der westsibirischen Waldsteppe. – Mainz, 2007. – 422 S. – (Archäologie in Eurasien; 22).

«Terra Scythica»: мат-лы междунар. симп. «Terra Scythica» (17–23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 407 с.

ПАДНОЙ СИБИРИ
СИБИРСКАГО
ПРОИЗШЕДШИХЪ ВЪ
РОССІЙСКО

1.4. Ретроспективный метод и опыт его применения (к вопросу о возможности этнической интерпретации археологических памятников)*

Роль ретроспективного метода в изучении исторического периода была подчеркнута К. Марксом. Он писал, в частности: «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны. Намеки же на более высокое у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно. Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д.» [Маркс, Энгельс, 1968, т. 46, с. 42].

Советские исследователи неоднократно подчеркивали роль ретроспективного метода в решении проблемы этногенеза. Так, академик Ю. В. Бромлей отмечал, что «…большие возможности его приложения (ретроспективного метода. – **В. М.**) связаны с тем, что этнические особенности отличаются высокой степенью устойчивости, и поэтому сведения о современных народах могут широко использоваться для реконструкции их этнического прошлого» [1981, с. 86]. По мнению В. В. Седова, «непременным условием для заключения о единстве этноса должна быть генетическая преемственность при смене одной археологической культуры другой. Если полной преемственности не обнаруживается, то неизбежен вывод о смене одного

*Впервые опубликовано в книге «Методологические и философские проблемы истории» (Новосибирск: Наука, 1983. С. 275–285).

этноса другим или о наслоении одной этноязыковой единицы на другую. Поэтому ведущая роль в этногенетических построениях археологов принадлежит ретроспективному методу исследования, заключающемуся в поэтапном прослеживании истоков основных элементов археологических культур» [1979, с. 39].

Весьма широко ретроспективный метод использовался в изучении этногенетических проблем в зарубежной археологии начиная еще с XIX в. Достаточно указать известные работы этого плана О. Монтелиуса, Г. Коссины, К. Г. Отто и др. [Montelius, 1888, S. 151–160; Kossina, 1911, S. 3; Otto, 1953].

Среди работ советских исследователей-археологов, применяющих ретроспективный метод и ратующих за его распространение, следует упомянуть труды А. П. Дульзона [1953], М. Ф. Косарева [1973], Л. Р. Кызласова [1973], А. П. Окладникова [1955], В. В. Седова [1979], К. Ф. Смирнова [1957], К. А. Акишева [1973], Б. А. Литвинского [1972] и др. В настоящее время как в советской, так и в зарубежной историографии пока отсутствуют работы, посвященные теоретическому обоснованию применения ретроспективного метода, однако почти каждый автор, использующий его в своем исследовании, неизбежно касается тех или иных аспектов этой проблемы. Суммируя имеющиеся данные, можно выделить ряд необходимых условий, с учетом которых задействование ретроспективного метода будет наиболее эффективным.

Так, его использование предусматривает необходимость комплексного изучения отдельных народов в плане археологии, этнографии, лингвистики и т. д. При этом необходимо оговаривать, какую линию следует считать ведущей – лингвистическую, историко-культурную или антропологическую (естественно, что археолог должен обращать внимание прежде всего на историко-культурную преемственность) [Косарев, 1974].

Необходимым условием для применения ретроспективного метода должен быть достаточный уровень изученности исследуемой территории. Разумеется, критерии этого уровня определить сложно, однако желательно, чтобы лакуны между изучаемыми эпохами отсутствовали. При наличии отдельных слабо изученных периодов можно применить данные соседних территорий, если мы убеждены, что процесс развития культуры здесь шел аналогично тому, как на территории изучаемой.

Для надежного использования ретроспективного метода одним из важных условий является выбор территории исследования. Мы имеем в виду тот факт, что в районах, достаточно замкнутых в своем развитии, изолированных от мощных этнокультурных импульсов извне, применение ретроспективного метода может быть наиболее эффективным. В таком случае при благоприятном сочетании вышеперечисленных факторов исследователь в своей работе может «спуститься» в изучении проблемы этногенеза достаточно глубоко в древность. Разумеется, такие идеальные, в полном смысле этого слова, территории найти невозможно. Особенно сложным может быть использование ретроспективного метода в пограничных районах обитания различных этносов. «Четкие, резкие границы и переходы между этносами, вероятно, отсутствовали. Соседние группы разного этнического происхождения общались и перемешивались. На этнических рубежах, очевидно, были двуязычные группы» [Гурвич, 1980, с. 9]. В этой связи исследователю необходимо учитывать в своей работе крупные миграционные процессы, происходившие на той или иной территории, либо на соседних территориях, которые могли оказывать непосредственное воздействие на соседей – как на их материальную культуру, так и на этническое развитие. Так, например, для Западной Сибири следует иметь в виду, во-первых, передвижение представителей андроновской культуры на восток, что привело к сложению ряда «андроноидных» культур в пограничной с лесостепью зоне; во-вторых, движение гуннских племен на запад; в-третьих, активное перемещение по территории Сибири тюркского населения; в-четвертых, движение на запад татаро-монголов; и в-пятых, мощное воздействие русской культуры на сибирских аборигенов. Крупные миграционные процессы охватывали не только выделенные этносы, но и подобные этнические группы. Причем, передвижение последних групп, в отличие от основного господствующего, могло происходить отнюдь не в магистральном направлении.

Негативное отношение к ретроспективному методу отдельных археологов [Монгайт, 1967] обусловлено, прежде всего, трудностями решения проблемы соотношения археологической культуры и этноса. Эту проблему нельзя решить однозначно [Брюсов, 1956; Третьяков, 1962; Каменецкий, 1970]. Вместе с тем, как справедливо подчеркивает В. В. Седов, нет оснований

для пессимизма по поводу построения систем этногенеза в археологии [1979, с. 41]. «По мере дальнейшего накопления фактического материала по той или иной археологической культуре, после выяснения ее происхождения и судеб ее носителей обычно проясняется и этническая сущность культурных общностей, выделенных по археологическим данным» [Там же, с. 41–42].

Здесь следует учитывать еще одну сложность в использовании ретроспективного метода для полиэтничных культур, которые, в отличие от культур моноэтничных, чрезвычайно многогранны и разнокомпонентны [Там же]. Тем не менее ретроспективный метод в изучении проблем этногенеза играет первостепенную роль. Попытаемся показать возможности использования ретроспективного метода для решения проблем этногенеза на территории Барабинской лесостепи.

В своем изложении полученных результатов мы будем исходить от II тыс. н. э. и продвигаться вглубь веков. На данном уровне наших знаний такой путь представляется нам единственно верным, ибо мы пока не обладаем комплексом необходимых данных для реконструкции этногенеза и этнической истории. В этой связи мы идем вразрез с точкой зрения В. В. Седова о том, что ретроспективный метод может удовлетворять археолога в кабинетной работе, но «…неприемлем при изложении результатов исследований» [1979, с. 43], ибо, во-первых, цели нашего исследования несколько отличаются от задач, которые ставил перед собой В. В. Седов, во-вторых, уровень комплексной изученности проблематики в наших условиях несравненно более низок, чем это присутствовало при исследовании В. В. Седовым этногенеза славян.

В настоящее время в Барабе исследован ряд археологических памятников середины II тыс. н. э., которые удалось достаточно надежно связать с определенным этносом. Так, на привязку конкретных археологических памятников Центральной Барабы к барабинским татарам на данный момент существует лишь одна указанная точка зрения, которая разделяется рядом специалистов [Левашова, 1950; Генинг и др., 1970; Соболев, 1978; Богомолов, Соболев, 1981] и никем не оспаривается.

То же самое можно сказать по поводу южнохантыйской принадлежности основного комплекса могильника Кыштовка-2 и связанных с ним памятников [Молодин, 1979]. Во всяком случае, значимость материалов памятника для решения проблем этно-

генеза [Матющенко, 1979, с. 41] и справедливость высказанных положений по поводу предлагаемой этнической привязки подчеркивались рядом специалистов [Савинов, 1981б].

Что касается нашего предположения о проникновении в Барабу чатов, основанного на анализе керамических комплексов ряда недавно открытых памятников, то эта мысль еще не прошла апробации, однако находит сторонников среди этнографов [Васильев, 1980, с. 46–47].

Рассматривая проблему происхождения барабинских татар и южной группы хантов, мы выделили составные компоненты, которые, по нашему мнению, характеризуют этническую принадлежность этих памятников (теоретически этот момент обоснован в ряде работ) [Кузьмина, 1981, с. 104].

Для барабинских татар это набор признаков в керамике, погребальном обряде, отчасти в предметах, ярко демонстрирующих их связи с тюркским миром. Вместе с тем нельзя не учитывать и достаточно большого количества признаков, связанных с северным, вероятно угорским, происхождением, в форме и орнаментации керамики, в погребальном обряде и конструкции жилищ. Двукомпонентность в формировании барабинских татар как этноса зафиксирована и в области других наук. Так, фактор двукомпонентности был отмечен в ряде письменных источников Л. Ланге, Д. Г. Мессершмидтом, С. Страленбергом, Г. Ф. Миллером, В. В. Радловым [Записки…, 1978; Messerschmidt, 1962; Stralenberg, 1730; Миллер, 1937, с. 188; Огородников, 1920]. Хотя данные антропологии по этой проблеме и малочисленны, однако факт двукомпонентности зафиксирован в работах Т. А. Трофимовой [1947, с. 198–199], О. Исмагулова [1979], Г. Ф. Дебеца [1948]. Северные, угорские, и южные, тюркские, компоненты как ведущие у барабинских татар отмечены этнографами Н. Ф. Прытковой, В. Б. Богомоловым, Ф. Т. Валеевым, Н. А. Томиловым, В. В. Храмовой, З. Д. Титовой [Прыткова, 1953; Богомолов, 1979; Богомолов, Томилов, 1973; Валеев, 1979; Томилов, 1973; 1976; 1979; Храмова, 1956; Титова, 1976, с. 142–143]. Для нас сейчас важно подчеркнуть, что в данной двукомпонентности превалирует тюркский пласт.

Этот факт ярко подтверждают исследования лингвистов, прежде всего Л. В. Дмитриевой [1958; 1981] и Д. Г. Тумашевой [1969], которые констатируют тюркскую принадлежность языков барабинцев.

Сходная картина двукомпонентности фиксируется и при анализе южнохантыйских памятников, где, наряду с северными, по-видимому угорскими, чертами в погребальном обряде, набором характерных предметов северного таежного происхождения, мы находим и ряд вещей, которые непосредственно связаны не только с барабинскими татарами, но и, что особенно важно, с предшествующим тюркским пластом. Особенно ярко это иллюстрируют материалы могильника Кыштовка-1, где вместе с северными чертами в обряде и инвентаре, увязывающими данный памятник с последующей по времени Кыштовкой-2, мы находим тюркские сросткинские реминисценции [Молодин, Мыльникова, 1980].

Таким образом, мы можем констатировать, что в основе сложения как барабинского, так и южнохантыйского этносов лежат два основных компонента – тюркский и угорский. Формирование этих этнических групп завершилось, по-видимому, к XVI в. Начиная с этого времени мы можем говорить о барабинских татарах и южной группе хантов как о вполне сложившихся этносах. Близость территории Центральной Барабы, с одной стороны, и Северо-Западной, с другой, а также общность основы заставляют допускать наличие в пограничной зоне смешанных этносов, не говоря уже о тесных этнокультурных связях, существующих у южных хантов и барабинцев, о чем свидетельствуют археологические данные памятников XV–XVIII вв.

Особо следует подчеркнуть, что, несмотря на мощный импульс русской материальной культуры, который отразился на памятниках всех без исключения аборигенных народов Сибири XVII–XVIII вв., этот процесс не привел к уничтожению аборигенных этносов как таковых, хотя русские, безусловно, оказывали мощное положительное воздействие на материальную и духовную культуру аборигенов, как, впрочем, в какой-то мере и на их этнос.

Чем же объяснить, что из двух одинаковых компонентов сформировались различные этносы? На наш взгляд, такое положение вещей обусловлено тем, что один из компонентов при синтезе оказался наиболее устойчивым, господствующим. Так, если мы рассмотрим изменения в материальной культуре ретроспективно от южных хантов XIV–XVIII к предшествующим культурам XIV–XVI вв., то увидим, что на этом этапе

керамика северного, таежного облика, близкая потчевашской и кинтусовской, преобладает над керамикой, присущей барабинским татарам; то же самое можно сказать и о вещевом комплексе, где предметы северного круга превалируют над тюркскими. Эта же тенденция фиксируется и в погребальном обряде, где господствует таежная, северная традиция. Памятники XI–XIII вв., относимые Б. А. Кониковым к усть-ишимской культуре, а нами к третьему (усть-ишимскому) этапу потчевашской культуры, демонстрируют все ту же неразрывную преемственность керамических традиций в форме и орнаментации керамики, а также в вещественном комплексе, для которого особо характерно бронзовое антропо- и зооморфное литье. Фиксируются связи и в погребальном обряде памятников XIV–XVI и XI–XIII вв. (небольшие насыпи курганов, трупоположение, ориентация погребенных). Наличие тюркского компонента в памятниках данного времени более ощутимо и наглядно, чем в последующее время, однако очевидно, что северный, таежный субстрат по-прежнему является господствующим. Таким образом, ретроспективно мы можем предполагать, что северный, таежный компонент следует связывать с угорским этносом. В этой связи нельзя согласиться с точкой зрения Б. А. Коникова о многокомпонентности усть-ишимских памятников в этническом отношении [Коников, 1981; 1982].

Как уже подчеркивалось выше, комплексы керамики усть-ишимского типа генетически связаны с керамикой горносталевского этапа потчевашской культуры VII–IX вв. Прослеживается несомненная связь и в вещественном инвентаре, в том числе и в антропо- и зооформном литье, и в особенностях погребального обряда [Там же]. Тюркский компонент достаточно ясно виден и в погребальных комплексах, однако практически отсутствует на поселениях. Боле того, для этого периода характерны тюркские могильники с потчевашской (горносталевской) керамикой [Молодин, Савинов, Елагин, 1981; Арсланова, 1980]. Из этого следует, что горносталевские потчевашские памятники нужно признать угорскими, а время их бытования – началом сосуществования на данной территории двух разноэтнических культур, взаимодействие которых (длительное и всестороннее) с VII по XIV вв. завершилось, при ведущей роли угорского этноса, сложением южной группы хантов. Таким образом, используя ретроспективный

метод, можно обоснованно говорить об этнической принадлежности памятников до VI в. н. э. включительно. Учитывая неразрывность и генетическую линию связей в керамике, конструкции жилищ, можно сделать вывод о том, что материалы горносталевского этапа потчевашской культуры неразрывно генетически связаны с материалами спирановского этапа (III–V вв.). Можно достаточно обоснованно предполагать угорский характер этноса у спирановцев. Однако здесь следует учитывать и факт проникновения в Барабу на спирановском этапе приобских племен саровского облика, которые, по достаточно единодушному мнению ряда исследователей, относятся к самодийскому этносу. Такая картина в плане этногенеза вырисовывается для северо-западных районов Барабы и Среднего Прииртышья.

В Центральной Барабе процесс этногенеза происходит несколько по-иному. Барабинские татары как этнос сформировались в XIV в.; к сожалению, памятники XII–XIII вв. изучены в Барабе чрезвычайно слабо. Однако имеющиеся материалы, полученные благодаря исследованиям Д. Г. Савинова двух могильников этого времени – Осинцево-3 и Венгерово-7 [1981а], позволяют говорить о двукомпонетном синтезе их культур, хотя тюркский компонент здесь явно преобладает. Идя ретроспективно, мы видим, что в X–XI вв. традиция сооружения курганов в виде усеченных пирамид из сырцового кирпича с захоронением на уровне погребенной почвы прослежена в Барабе (могильник Олтарь-1) [Соболев, 1974]. Начальный момент связей тюркского пришлого населения с местным потчевашским (горносталевским) охарактеризован нами выше. Итак, можно констатировать, что, проникая в Барабу начиная с VII в., тюркские племена кимаков сосуществуют с племенами горносталевского этапа потчевашской культуры, активно контактируя с ними. Происходит процесс взаимоассимиляции. В более южных, лесостепных районах, удобных для ведения привычной для пришельцев системы хозяйства, этот процесс взаимоассимиляции идет при преобладании тюркского этноса, чему, несомненно, способствовали и устойчивые связи пришлых в Барабу тюрок с метрополией, и постоянный приток в Барабу новых групп тюркского населения. В северо-западной части Барабы и в южнотаежной части Прииртышья также происходит этот процесс, однако при господствующей роли местного (как мы показали – угорского) населения, в силу того что

система экономики потчевашцев была более мобильна в условиях предтаежной и таежной зоны. В результате длительного процесса, происходившего на протяжении пяти-шести столетий, сложились такие этнокультурные образования, как барабинские татары, с одной стороны, и южные ханты – с другой.

Данная схема этногенеза в условиях Барабинской лесостепи представляется в настоящий момент достаточно обоснованной и приемлемой. Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что ее нельзя воспринимать как завершенную, не поддающуюся доработке и усовершенствованию. Новые данные, несомненно, прольют свет на эту проблему.

Таким образом, используя ретроспективный метод для реконструкции этногенеза, мы можем достаточно аргументированно говорить об этнических привязках отдельных культур приблизительно до III в. н. э.

Что касается этнических реконструкций более древних периодов в условиях Барабы, здесь дело обстоит значительно сложнее. В отличие от В. И. Васильева и В. А. Могильникова мы не склонны считать, что археологически прослеживается связь между саргатским и потчевашским (спирановским) или среднеиртышским населением [Васильев, Могильников, 1981]. Поэтому генетическая линия в развитии форм и орнаментации керамики, погребального обряда, конструкций жилищ на данном этапе прерывается. По нашему мнению, это было связано с проникновением в лесостепную Барабу и Прииртышье с севера угорских племен – носителей потчевашской культуры. В силу указанных обстоятельств связывать саргатскую культуру с угорским этносом, как предлагают В. Н. Чернецов и В. А. Могильников, мы считаем неправомерным.

Ставить вопрос об этнической принадлежности саргатцев можно, по нашему мнению, лишь гипотетически. Несомненная связь саргатской культуры с культурой савроматов позволяет видеть в представителях этих культур этнически родственные группы племен. Мысль о возможности частичной инфильтрации сармат на север в лесостепь высказывал и аргументировал К. Ф. Смирнов [1964]. Он полагал, что создателями сарматоидных памятников Западной Сибири и Казахстана могли быть исседоны Геродота. Оперируя широким кругом разноплановых источников, К. Ф. Смирнов убедительно доказывает индо-иран-

скую принадлежность савроматских племен. Учитывая этот факт, а также и то, что савроматы и исседоны имели при своем формировании общий андроновский субстрат (правильнее сказать, субстрат культур эпохи поздней бронзы, генетически связанных с андроновской общностью. – **В. М.**), можно предполагать, что создатели сарматоидных памятников юга Западной Сибири, прежде всего носители гороховской и саргатской культур, были ираноязычны. Разделяя гипотезу К. Ф. Смирнова, логично в таком случае относить культуру развитой и поздней бронзы рассматриваемой нами территории Западной Сибири, т. е. ирменцев и андроновцев-федоровцев, к представителям иранского пласта.

Что касается других культур эпохи раннего железа (бийский этап большереченской культуры, памятники новочекинского типа) и развитой бронзы (кротовская культура), не говоря уже о более древних памятниках эпохи бронзы и неолита, то об их этнической принадлежности, по нашему мнению, можно рассуждать пока лишь на уровне гипотез, поскольку ретроспективный метод здесь уже не действен. Это не значит, что мы вообще против этнических реконструкций на данном хронологическом уровне, напротив, эта проблематика требует к себе самого пристального внимания исследователей.

Список литературы

Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1973. – С. 43–58.

Арсланова Ф. Х. Керамика раннесредневековых курганов Казахского Прииртышья // Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука, 1980. – С. 79–104.

Богомолов В. Б. Орнамент барабинских татар как исторический источник // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1979. – С. 205–212.

Богомолов В. Б., Соболев В. И. Орнамент в этнографо-археологическом комплексе барабинских татар // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1981. – С. 129–132.

Богомолов В. Б., Томилов Н. А. К проблеме этногенеза и этнокультурных связей сибирских татар (по материалам орнаментов томских и барабинских татар) // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: [б.и.], 1973. – С. 129–131.

Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. – М.: Наука, 1981. – 390 с.

Брюсов А. Я. Археологические культуры и этнические общности // СА. – 1956. – № 26. – С. 5–27.

Валеев Ф. Т. К вопросу о роли средневековых кыпчаков и этногенезе западносибирских татар // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1979. – С. 116–120.

Васильев В. И. Проблемы этногенеза северосамодийских народов (ненцы, энцы, нганасаны) // Этногенез народов Севера. – М.: Наука, 1980. – С. 46–47.

Васильев В. И., Могильников В. А. Основные проблемы этнической ретроспекции исторического прошлого Западной Сибири. Эпоха железа // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1981. – С. 58–61.

Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В. Памятники железного века в Томском Прииртышье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – С. 203–228.

Гурвич И. С. Предисловие // Этногенез народов Севера. – М.: Наука, 1980. – С. 9.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 392 с.

Дмитриева Л. В. Заметки по языку барабинцев // Вопр. грамматики и истории восточных языков. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 143–169.

Дмитриева Л. В. Язык барабинских татар. – Л.: Наука, 1981. – 224 с.

Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Учен. зап. Томск. гос. пед. ин-та. – Томск, 1953. – Т. X. – С. 127–334.

Записки Лоренца Ланге о поездке в Пекин в 1715–1717 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII в. – М.: Наука, 1978. – Т. 1. – С. 487–489.

Исмагулов О. Антропологические материалы к проблеме происхождения тюркоязычных народов Сибири, Алтая, Средней Азии и Казахстана // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1979. – С. 5–7.

Каменецкий И. С. Археологическая культура – ее определение и интерпретация // СА. – 1970. – № 2. – С. 18–36.

Коников Б. А. К этносоциальной характеристике культур таежного Прииртышья VI–XIII вв. н. э. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1981. – С. 66–70.

Коников Б. А. Культуры таежного Прииртышья VI–XIII вв. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1982. – 17 с.

Косарев М. Ф. К вопросу о возможностях этнической интерпретации древних западносибирских культур // Проблемы этногенеза

народов Сибири и Дальнего Востока: (тез. докл. Всесоюз. конф. 18–21 дек. 1973 г.). – Новосибирск: [б.и.], 1973. – С. 59–61.

Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. – М.: Наука, 1974. – 152 с.

Кузьмина Е. Е. Происхождение индо-иранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. – М.: Наука, 1981. – С. 101–125.

Кызласов Л. Р. Роль археологических источников для изучения истории малых народов Сибири // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: (тез. докл. Всесоюз. конф. 18–21 дек. 1973 г.). – Новосибирск: [б.и.], 1973. – С. 12–15.

Левашова В. П. О городищах Сибирского юрта // СА. – 1950. – № 13. – С. 341–350.

Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». – М.: Наука, 1972. – 274 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – М.: Политиздат, 1968. – 2-е изд. – Т. 46: ч. 1. – 585 с.

Матющенко В. И. Этногенетические аспекты истории тюрков в археологических исследованиях в Сибири // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1979. – С. 39–41.

Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 1. – 607 с.

Молодин В. И. Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука, 1979. – 181 с.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н. Исследование памятника Кыштовка-1 // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976). – Новосибирск: Наука, 1980. – 172–198.

Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С. Погребения тюркского времени из могильника Преображенка-3 (Центральная Бараба) // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 123–137.

Монгайт А. Л. Археологические культуры и этнические общности (К вопросу о методике историко-археологических исследований) // Народы Азии и Африки. – 1967. – № 1. – С. 53–59.

Огородников В. И. Очерк истории Сибири до начала XIX ст. – Иркутск, 1920. – Ч. 1. – 219 с.

Окладников А. П. История Якутской АССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 1. – 432 с.

Прыткова Н. Ф. Одежда хантов // Сб. МАЭ. – Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 15. – С. 123–233.

Савинов Д. Г. Раскопки могильников в Барабинской лесостепи // АО 1980 года. – М.: Наука, 1981а. – С. 206–207.

Савинов Д. Г. [Рецензия] // СЭ. – 1981б. – № 2. – С. 180–181. – Рецензия на кн.: Молодин В. И. Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. – 181 с.

Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. – М.: Наука, 1979. – 154 с.

Смирнов К. Ф. Проблема происхождения ранних сарматов // СА. – 1957. – № 3. – С. 3–19.

Смирнов К. Ф. Савроматы. – М.: Наука, 1964. – 381 с.

Соболев В. И. Погребения IX–X вв. н. э. в районе с. Олтарь // VI Уральская науч. студенческая конф. – Ижевск, 1974. – С. 47–48.

Соболев В. И. Вознесенское городище – памятник середины II тыс. н. э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978. – С. 179–190.

Титова З. Д. Барабинские татары (историко-этнографический очерк) // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1976. – Вып. 19. – С. 108–147.

Томилов Н. А. О некоторых этногенетических и историко-культурных связях барабинских татар (по данным материальной культуры) // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. – С. 171–173.

Томилов Н. А. О тюркском компоненте в составе сибирских татар // Язык и топонимия. – Томск, 1976. – С. 134–138.

Томилов Н. А. Изучение этногенеза сибирских татар в советской литературе (К вопросу об угорских и самодийских компонентах) // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: [б.и.], 1979. – С. 132–134.

Третьяков И. Н. Этногенетический процесс в археологии // СА. – 1962. – № 4. – С. 3–15.

Трофимова Г. А. Тобольские и барабинские татары. Антропологический очерк // Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер. – 1947. – Т. 1. – С. 194–215.

Тумашева Д. Г. Отношение наречия барабинских татар к татарским диалектам и тюркским языкам Сибири // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1969. – С. 41–47.

Храмова В. В. Западносибирские татары // Народы Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 473–491.

Kossina G. Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie. – Würzburg, 1911. – 30 S.

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. – Berlin, 1962. – T. I. – 379 S.

Montelius O. Uber die Einwanderung unserer Vertater in der Norden // Archiv Anthropologie. – 1988. – Bd. 17. – S. 151–160.

Otto K. H. Archäologische Kulturen und die Erforschung der konkretten Geschichte von Stammen und Völkerschaften // Ethnographisch – archäologische Forschuugen. – Berlin, 1953. – Bd. I. – S. 2–3.

Stralenberg Ph. J. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. – Stockholm, 1730. – 438 S.

ПАДНОЙ СИБИРИ
СИБИРСКАГО
ПРОИЗШЕДШИХЪ ВЪ
РОССІЙСКО

1.5. Сибирская археология, эпоха палеометалла: итоги и перспективы междисциплинарных исследований*

Широкое использование методов естественных и точных наук всегда было присуще советско-российской археологии [Мартынов, Шер, 1989]. Такое направление, как палеолитоведение, по-видимому, можно вообще рассматривать как особую науку, в которой естественно-научные дисциплины, если не доминируют, то, по крайней мере, на равных присутствуют в творческом поиске [Деревянко А.П., Маркин, Васильев, 1994]. Что же касается раздела археологической науки, который посвящен изучению эпохи бронзы и железа, то и здесь археология всегда была достаточно тесно интегрирована с естественными и точными дисциплинами. Не вдаваясь в детали, следует отметить, что с такими науками, как антропология [Алексеев, 1989], физика (качественный анализ цветных и черных металлов) [Эйткин, 1963; Черных, 1972; Франтов, Пинкевич, 1963], палеонтология [Цалкин, 1970], математика (статистико-комбинаторные методы) [Новое…, 1979; Статистико-комбинаторные методы…, 1970], археология связана настолько тесно, что без их привлечения к исследовательской процедуре немыслимо любое по-настоящему серьезное исследование.

---

*Впервые опубликовано в книге «Историческая наука на пороге XXI века» (Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 84–102).

Вступая в третье тысячелетие и оценивая перспективы развития науки, в данном случае археологии, можно с полной уверенностью констатировать, что будущее ее заключается в тесном взаимодействии с естественными и точными дисциплинами. В Сибирском отделении РАН интеграция наук всегда была краеугольным камнем, на котором строилась стратегия организации науки, сформулированная основателем СО РАН академиком М. А. Лаврентьевым. Вот что писал по этому поводу Михаил Алексеевич: «Дело в том, что почти все наиболее важные современные проблемы науки, техники, сельского хозяйства требуют для своего разрешения знания фактов и методов широкого круга естественно-научных дисциплин. С другой стороны, само нормальное развитие каждой из наук возможно только при ее взаимодействии с сопредельными областями» [2000, с. 352].

Хочу поделиться с читателями некоторыми итогами междисциплинарных исследований, полученными творческими коллективами Института археологии и этнографии СО РАН и учеными-естественниками, работающими в институтах СО РАН, а также в других научных учреждениях, и не только российских.

С 1990 по 1996 г. на юге Горного Алтая, на плоскогорье Укок, проводились исследования двумя отрядами – Южно-Алтайским (начальник – д-р ист. наук Н. В. Полосьмак) и Западно-Сибирским (начальник – акад. В. И. Молодин), входящими в состав Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН.

Плоскогорье Укок расположено на юге Республики Алтай, на стыке государственных границ Китая, Монголии, Казахстана и России. Затерянное среди скалистых гор, труднодоступное для транспортных средств плоскогорье с суровым климатом всегда привлекало к себе человека. Здесь открыто более 300 разновременных, разнокультурных и разнотипных памятников археологии, многие из которых сохранились до наших дней в непотревоженном виде [Молодин, Новиков и др., 1999, с. 19–22].

Полученные в ходе археологических изысканий на Укоке источники оказались в высшей степени информативными, что позволяет использовать их для историко-культурных, этнических, палеоэкологических и палеосоциологических реконструк-

ций древнего населения этого района Центральной Азии.

Качественно новым этапом в истории изучения пазырыкской проблематики стали исследования, осуществлявшиеся в рамках международной программы «Пазырык» [Деревянко, Молодин, 1992, с. 227–229; Derevianko, Molodin, 1994, p. 307–311]. Пазырыкская культура, носители которой обитали на территории Горного Алтая приблизительно 2,5 тыс. лет назад, широко известна специалистам-археологам всего мира. Информация о ней имеется во всех справочниках и энциклопедиях, выпущенных самыми авторитетными издательствами. Благодаря особым природным условиям и специфике погребального обряда, в погребальных камерах курганов, заполненных линзами мерзлоты и льда, до нас дошли уникальные, обычно не сохраняющиеся в других условиях предметы, которые отражают различные стороны социального, бытового и хозяйственного уклада пазырыкцев. Культура поражает ярко выраженным художественным колоритом – почти каждую представляющую ее вещь можно считать произведением декоративно-прикладного или пластического искусства [Грязнов, 1958; Руденко, 1961]. За пять лет работ удалось не только значительно обогатить источниковую базу, пополнив ее уникальными комплексами представителей среднего слоя и рядовых членов пазырыкского общества [Молодин, 1995а, б; Molodin, 1996] из «замерзших» курганов [Полосьмак, 1994б; 1996а; Polosmak, 1991; 1994], но и, что особенно важно, на основе интеграции с данными естественных и точных наук выйти на новый уровень интерпретации артефактов.

Пазырыкские погребальные памятники Укока отличаются двумя особенностями: большинство исследованных нами объектов не подвергались антропогенному воздействию, не менее 90 % комплексов оказались не потревоженными грабителями; 6 (27,2 %) из 22 исследованных на плоскогорье курганов содержали «замерзшие» могилы, которые сохранили для нас богатейшие материалы, раскрывающие материальный и духовный мир пазырыкцев. Следует особо подчеркнуть, что впервые были изучены два непотревоженных комплекса, принадлежавших особому слою пазырыкского общества [Полосьмак, 1992а, б; 1994б, с. 29–34;1996а;

Polosmak, 1991; 1994].

Исследования «замерзших» захоронений в разных районах Алтая, начатые академиком В. В. Радловым [1989] еще в конце XIX в. и блестяще продолженные М. П. Грязновым [1950], С. И. Руденко [1948; 1953; 1960], а затем В. Д. Кубаревым [1987; 1991; 1992], получили на Укоке дальнейшее развитие. Открытые здесь захоронения, в отличие от любых других древних погребений, содержат много предметов, изготовленных из ткани, кожи, меха, войлока и дерева, обычно не сохраняющихся. Важно, что эти предметы не только существенно дополняют, и качественно, и количественно, все без исключения категории погребального инвентаря носителей пазырыкской культуры, но и представляют собой в ряде случаев единственные образцы определенных видов изделий, например, атрибуты одежды, обуви, головные уборы. Вещи, найденные на плоскогорье, – уникальны даже с учетом огромного массива материалов, полученных нашими предшественниками в «царских» курганах пазырыкской культуры.

Обнаружение укокских комплексов в захоронениях, как правило, *in situ* позволяет реконструировать отдельные нюансы погребального обряда на качественно новой, по существу – этнографической основе. Попытка реконструкции мировоззренческих представлений членов пазырыкского общества была реализована Н. В. Полосьмак [1997]. Реконструирован, например, костюм представителей тех слоев пазырыкского общества, чья одежда до сих пор не была известна: рядовых и знатных воинов-всадников, молодых девушек, матерей семейств и т. д. Воссоздан облик головных уборов и причесок пазырыкцев. Как показал анализ пазырыкских войлоков, найденных в памятниках Укока, древнее население Алтая использовало шерсть не только овец, но и верблюдов.

Благодаря обнаружению остатков мягких тканей человека, а также мумифицированных тел женщины и мужчины [Молодин, 1995а, б; Polosmak, 1994] открылись новые возможности для анализа проблем этногенеза коренных жителей Сибири вообще и носителей пазырыкской культуры в частности.

Творческое сотрудничество с исследователями из Института цитологии и генетики СО РАН позволило получить образцы ДНК из мягких тканей ископаемых объектов. Раз-

работана методика высокоэффективного выделения ДНК для последующего молекулярно-генетического анализа костных останков человека. Ее дальнейшее использование открывает перспективы расширения материалов для воссоздания этнической истории аборигенного населения региона. В ходе сравнительного эволюционно-генетического анализа особенностей структуры митохондриального генофонда выявлена наибольшая генетическая близость между пазырыкцами и современными самодийскими народностями Западной Сибири.

Данные о последовательностях контрольного района мтДНК современных самодийцев севера Западной Сибири показали, что в генофонде северных селькупов и кетов имеются высокопредставительные группы митотипов, структурно сходные со всеми тремя пазырыкскими митотипами. Таким образом, митохондриальный генофонд самодийцев по структуре наиболее близок к обнаруженному набору вариантов мтДНК пазырыкцев [Молодин, Ромащенко и др., 1999, с. 91–96].

На основе матрицы генетических дистанций было построено филогенетическое дерево генетических связей митохондриальных генофондов этнических групп Северной Евразии, получил подтверждение вывод о генетической близости пазырыкцев и самодийцев. Наиболее примечательной особенностью типологии дерева является значительная близость пазырыкцев с рядом популяций Средней и Центральной Азии. Из их числа наиболее близкими к пазырыкцам оказались казахи и уйгуры. Однако в целом, за исключением самодийцев, генетические дистанции до европеоидных и финно-угорских популяций несколько ближе, чем до среднеазиатских.

По данным антропологии, расогенез основного антропологического пласта пазырыкской культуры, который характеризуется монголоидно-европеоидной промежуточностью, уходит корнями в предшествующие эпохи и связан с представителями окуневско-каракольского и карасукского круга культур эпохи развитой и поздней бронзы [Чикишева, 1996, с. 249–252]. Признаки переднеазиатских влияний в пазырыкской культуре объясняются не только «очевидными контактами в скифское время, но и общими элементами в структуре расогенетических связей

у населения Алтая со скотоводами, обитавшими на территории Парфии, Маргианы, Северной Бактрии» [Чикишева, 1997].

В результате комплексных исследований разработана концепция этногенеза пазырыкской культуры [Молодин, 2000], которая в кратком изложении представляется следующим образом.

Этнокультурогенез пазырыкцев реконструируется с эпохи бронзы, когда на завершающей стадии существования каракольской культуры, этнически самодийской, значительная часть ее носителей вступила в тесные контакты с пришедшими с запада представителями бегазы-дандыбаевской (либо близкой ей) культуры, этнически иранской. В результате некогда монолитный самодийский блок разбился как бы на две части. Одна из них – автохтонная. Ее представляла сначала раннескифская (усть-куюмская) группа, а затем носители кара-кобинской культуры. Вторая – этнически иранско-самодийская – стала представлять пазырыкскую культуру. Длительное сосуществование этих культур объясняется их родственной (самодийской) этнической подосновой.

В конце III – начале II в. до н. э. под ударами гуннов, двигавшихся из Центральной Азии на север, часть пазырыкцев была вынуждена покинуть исконные территории Горного Алтая и мигрировать на север через зоны обитания родственного населения большереченцев и кижировцев. Двигаясь, скорее всего, вдоль Оби, пазырыкцы проникли на север Западной Сибири. Здесь они (представители ирано-самодийского этноса) вступили в контакты с представителями угорских, а возможно, и других этнических образований и сформировали первые в данном регионе самодийские сообщества.

Обнаруженные в захоронениях Укока мумии были подвержены всесторонним медико-биологическим исследованиям, в которых приняли участие десятки специалистов. Так, учеными из Научно-исследовательского и учебно-методического центра биомедицинских технологий ВИЛАР (Москва), Института геронтологии РАМН (Москва), Научного центра идентификации человека (Москва), ИЦГ СО РАН, Института терапии СО РАМН, Института судебной медицины Цюрих-Ирхельского университета (Швейцария) проведены химические и биохимические исследования тканей мумий, изучение морфологических особенностей и цветовых характеристик

их кожи и волос, патологоанатомические исследования и т. д. В результате получены уникальные научные данные, касающиеся как изучения человека, так и патологических особенностей биологических объектов, связанных с подготовкой тела к захоронению [Феномен…, 2000, с. 188–236].

Чрезвычайно важные научные результаты, касающиеся определения рациона питания носителей пазырыкской культуры, получены при исследовании их волос с помощью анализа изотопов углерода и азота, проведенного в Оксфордском университете (Великобритания). Оказалось, что основным продуктом в пищевом рационе пазырыкского населения Укока была рыба [О'Коннел, 2000], что представляется совершенно неожиданным для культуры номадов и нуждается в специальном объяснении.

Анализ татуировок, обнаруженных на укокских мумиях, показал, что на тела наносилось своего рода сакральное письмо, предназначенное для передачи информации, возможно, мифологического свойства. На плечах всех трех известных сегодня пазырыкских мумий татуировкой были запечатлены фигуры оленя с клювом грифона, с «перекрученным» туловищем, огромными рогами (оленя и козерога), увенчанными головками грифонов, что, несомненно, выполняло знаковую функцию [Полосьмак, 1994а; 2000; Polosmak, 1998]. Татуировка, по-видимому, не являлась чем-то необычным для пазырыкцев. Другое дело, что количество изображений, место их нанесения, подбор образов зависели от пола, социального статуса, возможно, родовой или племенной принадлежности и личных качеств умершего. Благодаря исследованиям, проведенным сотрудниками Института катализа СО РАН, Института неорганической химии СО РАН, Объединенного института геологии, геофизики и минералогии СО РАН, удалось получить принципиально новую информацию о составе и производстве археологических предметов, обнаруженных в захоронениях. Так, методом рентгеноспектрального микрозондового анализа установлено, что татуировка наносилась при помощи красителя растительного происхождения. В состав этой краски, по-видимому, входили обуглившиеся остатки растений – зола или сажа, характеризуемые высоким содержанием калия [Полосьмак, 1997; 1999; Полосьмак и др., 1998, с. 388].

О разнообразных манипуляциях с телами знатных пазырыкцев писал С. И. Руденко [1953; 1960]. Новые материалы и привлечение к их анализу методов естественных наук позволили представить способы бальзамирования, которыми пользовались пазырыкцы для сохранения тел умерших. Установлено, что у женщины из кургана № 1 могильника Ак-Алаха-3 удалили все внутренние органы, хрящевые части ребер, грудину, трепанировали череп, а затем его и брюшную полость заполнили особым составом, травой и овечьей шерстью. На ногах мумии имеются следы смолообразной массы, которой была покрыта кожа. Не исключено, что для консервации тела женщины из некрополя Ак-Алаха-3, как и в случае с мумией из второго Пазырыкского кургана, использовалась смоляная смесь с примесью масла и воска. При исследовании женской мумии с Укока на поверхности кожи были обнаружены следы ртути [Полосьмак, 1996б; Полосьмак и др., 1998, с. 199; 386–393], входившей в состав, которым обрабатывали тело. Это антисептическое средство способствовало сохранности мумий до момента их погребения. Очевидно, что в скифский период в Горном Алтае тела всех похороненных в курганах предварительно подвергались определенным процедурам, направленным на обеспечение их сохранности. Эти действия, сложность которых определялась социальным статусом человека, были связаны с представлениями о переходе умершего в другое качество – новом рождении и уходе в мир предков [Полосьмак, 1997].

Укокские материалы послужили основой для реконструкции роли растений в быту и обрядовой практике пазырыкцев. Благодаря исследованиям, проведенным совместно ИК СО РАН и Центральным сибирским ботаническим садом СО РАН, удалось установить, что из лиственницы древние обитатели Укока сооружали как жилища живых, так и дома мертвых – погребальные усыпальницы-колодцы; преимущественно из кедра изготавливали украшения для людей и коней; кориандр использовали как благовоние; ветки курильского чая служили подстилками в погребении; из дикорастущих злаков готовили пищу, делали основы париков и т. д. [Полосьмак, 1997, с. 31–37; Феномен…, 2000, с. 255–257; Полосьмак, Кундо, Малахов и др., 1996].

Яркий и многообразный корпус разноплановых источников, полученных в результате раскопок памятников пазырыкской культуры на плоскогорье Укок, позволил на качественно новом уровне составить представления о древних технологиях и, благодаря этому, существенно дополнить общую картину хозяйственной деятельности носителей пазырыкской культуры. Так, исследования показали местное происхождение золота, из которого сделаны многие находки. Установлено, что пазырыкцам был известен химический способ производства золотой фольги (ею украшены объемные деревянные предметы) – так называемое амальгирование [Полосьмак, Кундо, Малахов и др., 1996]. Объектом специального исследования стали также многочисленные деревянные, костяные, керамические предметы, изделия из тканей и металла (бронза, золото). В ходе их изучения выявлены характеристики структурного состава исходного материала, определен набор инструментария, прослежены технологические стадии, операции, приемы обработки и т. д. [Феномен…, 2000, с. 125–187].

Специалистами ИАЭТ СО РАН совместно с исследователями из Мак-Дональдского института археологических исследований Университета Кембридж (Великобритания), Лаборатории дерева четвертичного периода г. Адлисвиля (Швейцария), ЦСБС СО РАН проведены исследования останков лошадей, их морфологический и палеопатологический анализы, палеоботаническое изучение остатков флоры, обнаруженной в желудках этих животных [Там же, с. 237–257].

Одной из наиболее важных задач археологии является датирование археологических памятников. Большое количество деревянных конструкций хорошей сохранности в погребениях древних культур Южной Сибири и Центральной Азии позволяет использовать для решения вопросов датирования дендрохронологию – научную дисциплину, которая занимается определением возраста годичных колец деревьев, а также исследованием информации, содержащейся в их структуре. Дендрохронология, основанная на анализе изменчивости радиального прироста годичных колец деревьев, предоставляет большие возможности в плане относительного и абсолютного датирования объектов с такой высокой точностью (до одного года и даже сезона), которая невозможна другими средствами.

В настоящее время специалисты ИАЭТ СО РАН в сотрудничестве с коллегами из Института леса СО РАН (Красноярск), а также из дендролаборатории Бюро археологии Цюриха (Швейцария) проводят работу по составлению дендрохронологических шкал для археологических памятников Алтая. Источниковой базой в основном являются образцы древесины из курганов пазырыкской культуры, особенно из памятников с подкурганной мерзлотой. Среди последних наиболее ценный материал в виде деревянных конструкций великолепной сохранности дали курганы на плато Укок [Polos'mak, Seifert, 1996; Слюсаренко, 1997].

Дерево для дендрохронологических исследований собирается не только в ходе ведущихся сегодня раскопок, но и на местах археологических работ прежних лет, а также в фондах музеев и институтов. В целом коллекция образцов дерева дендрохронологической лаборатории ИАЭТ СО РАН насчитывает около 500 экз.

Результатом этих усилий явилось создание ряда «плавающих», относительных дендрохронологических шкал, наиболее протяженной из которых является обобщенная дендрохронологическая шкала длиной 415 лет, охватывающая памятники Южного Алтая (плато Укок и Чуйской степи) [Слюсаренко, 2000]. В рамках работ по созданию относительной хронологии пазырыкских памятников Южного и Юго-Восточного Алтая были также привлечены материалы сопредельных территорий, в частности из могильника Берель в Восточном Казахстане. На основе корреляции с древесно-кольцевыми хронологиями, построенными по материалам из курганов на плато Укок и в Чуйской степи, удалось перекрестно датировать курган № 11 могильника Берель, исследованный в 1998–1999 гг., и установить его относительную дату. Подобный результат позволяет ставить вопрос о создании региональной дендрохронологической шкалы, в рамках которой возможно датирование однокультурных, но территориально удаленных археологических объектов.

Получен ряд древесно-кольцевых хронологий для отдельных могильников, в том числе повторно был проделан дендрохронологический анализ дерева из больших Пазырыкских курганов, который в основном подтвердил выводы

предшествующих исследований И. М. Замоторина [1959] и Л. С. Марсадолова [1988].

Необходимо подчеркнуть еще раз, что с помощью полученных дендрошкал мы решаем вопросы, пока касающиеся только относительного датирования, т. е. устанавливаем положение памятников во времени относительно друг друга. Абсолютное датирование этих объектов собственно по годичным кольцам сегодня невозможно, поскольку существует огромный хронологический отрезок (конец I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.), не представленный образцами дерева. Вероятно, в будущем его удастся сократить за счет привлечения образцов ископаемого дерева из природных отложений и новых археологических памятников.

Проблема привязки «плавающей» археологической шкалы к абсолютному летоисчислению решается с помощью радиоуглеродного датирования в высокорейтинговых лабораториях. Так, в Германском археологическом институте (Берлин) получена абсолютная дата по образцу пазырыкской культуры с плато Укок [Феномен…, 2000, с. 265–267]. Для проверки радиоуглеродных датировок анализ одних и тех же образцов был параллельно проведен в лабораториях России (Новосибирск), Швейцарии (Цюрих) и США (Тусон, штат Аризона). Сейчас данные находятся в обработке, но первые результаты корреляции дендрохронологических и радиоуглеродных определений, полученные на базе анализа, проделанного в Швейцарии, показывают, что большинство курганов пазырыкской культуры, из которых были взяты образцы дерева, появились в конце IV – первой половине III в. до н. э.

Важным направлением междисциплинарных исследований является разработка математических методов обнаружения закономерностей на основе анализа археологической информации, получаемой в результате раскопок погребальных памятников, который проводился совместно с учеными из Института математики СО РАН.

В силу специфики исходных данных, а именно: разнотипности информации (наличие качественных и количественных характеристик), большого количества пропущенных значений, сложной иерархической структуры информационного массива – использование традиционных методов

многомерного статистического анализа данных для изучения погребального обряда сильно затруднено, в некоторых случаях вообще невозможно, а иногда связано с существенной потерей информации о структуре изучаемых объектов.

При построении математических моделей изучаемых археологических объектов (ситуаций, явлений) было предложено использовать логико-вероятностный подход на основе класса логических функций от разнотипных временных [Лбов, 1981; Лбов, Старцева, 1999]. В настоящее время ведется работа по адаптации уже имеющихся и созданию новых методов, реализующих этот подход.

Одна из решаемых задач заключается в разработке методов анализа сложных объектов, представляющих собой иерархические структуры типа деревьев. Сюда относятся и погребальные комплексы. Например, объект погребения описывается совокупностью некоторых интегральных характеристик и набором подобъектов – погребальными сооружениями, останками погребенного, сопроводительным инвентарем. Подобъекты, в свою очередь, описываются набором характеристик и могут иметь ряд своих подобъектов и т. д. [Деревянко Е. И. и др., 1998].

Разработанные методы использовались при анализе материалов погребально-поминального комплекса Сопка-2. Для создания предварительной типологии памятников кротовской культуры применялись методы группировки, основанные на логических решающих правилах. Полученные результаты позволили выделить типы погребения, дать их описания и являются отправной точкой для последующих исторических реконструкций [Гришин, 1997].

При изучении палеоантропологических находок эпохи неолита были использованы методы группировки и распознавания образов.

В целях оптимизации хранения и анализа информации о дендрохронологии в археологии создана соответствующая база данных [Рыбина, Слюсаренко, Гаркуша, 2000].

Специалисты института активно ведут исследования проблем первобытного искусства. Одним из главных и сложнейших направлений является датировка наскальных изображений. Особое место в решении проблем хронологии занимает уникальный памятник Кучерла-1 (Куйлю), распо-

ложенный на одноименной реке, в центральной части Горного Алтая и в настоящее время исследованный полностью. Объект представляет собой комплекс, в который входит массив разновременных наскальных изображений, перекрытый культурными слоями разновременных культовых комплексов, содержащих огромное количество костей животных, а также артефакты преимущественно сакрального толка [Деревянко А.П., Молодин, 1991]. Контекст памятника позволяет однозначно оценивать объект как святилище, периодически функционировавшее с эпохи ранней бронзы до позднего средневековья.

В настоящее время проводится камеральное исследование полученной информации. Анализ источников дает возможность не только предложить реконструкцию культовой практики аборигенного населения Горного Алтая в определенные периоды, но и более аргументированно рассматривать хронологию отдельных сюжетов наскального искусства, используя стратиграфические данные – перекрытия изображений надежно датированными культурными слоями [Молодин, Ефремова, 1996; 1997].

Все сказанное выше позволяет оценивать кучерлинский комплекс как чрезвычайно значимый для решения целого спектра проблем, связанных с изучением духовного мира и иррациональных представлений древнего человека.

Совместно с исследователями ЦСБС СО РАН разрабатывается специальная программа, направленная на решение проблемы изучения наскальных изображений как эколого-культурного феномена. В основу положены идеи, разработка и применение метода лихенометрии – определения возраста лишайников и перекрытых ими наскальных изображений. Данный метод, предложенный канадским биологом Р. Бешелем, впервые применяется для датировки памятников наскального искусства Южной Сибири. На исследованных ранее объектах (Калбак-Таш, Джалгыз-Тобе) и вновь открытых местонахождениях петроглифов Горного Алтая были произведены измерения сообщества лишайников, перекрывающих наскальные рисунки и соседствующие с ними скальные плоскости. Особое внимание уделено памятнику Калбак-Таш на р. Чуе. Комплекс петроглифов этого местонахожде-

ния освещен в печати и включает изображения в диапазоне от энеолита до средневековья. Е. А. Окладникова, первая исследовавшая памятник, зафиксировала около 200 композиций [1981], а работавший впоследствии В. Д. Кубарев – более 500 [Kubarev, Jakobson, 1996]. Но это стало возможным только после того, как скальные плоскости с рисунками были расчищены от перекрывавших их лишайников. В ходе экспедиционных исследований разрабатывались методы изучения наскального искусства, позволявшие не разрушать природный контекст памятника.

Помимо исследования скальных поверхностей были произведены замеры лишайников на стелах – оленных камнях, датировка которых более достоверна, чем основанная на стилистическом анализе хронология наскальных изображений. Отобраны образцы с насыпей курганов пазырыкской эпохи. Это поможет скоррелировать результаты археологических и биоиндикационных подходов. В долине р. Кара-Оюк изучены плоскости крупного сланцевого останца, заселенные множеством сообществ лишайников, перекрывающих разновременные петроглифы от эпохи энеолита до этнографической современности. Экологический контекст памятника позволяет провести сравнительный анализ лишайниковых сообществ, изучить конкурентные отношения между особями этого растения, вычислить годовой прирост различных его видов. В ходе исследований экологический контекст памятника не нарушался, что позволит отрабатывать методику дальнейших наблюдений.

Первые, предварительные результаты определения возраста лишайниковых сообществ, перекрывающих наскальные композиции, не противоречат археологической датировке петроглифов.

Проблема поиска и идентификации археологических объектов, особенно не имеющих рельефных признаков на поверхности земли, в отечественной науке стоит по-прежнему остро. В последнее десятилетие немецкими геофизиками разработан и успешно применяется в археологии археомагнитометрический градиентный метод [Becker, 1995; Archaeological Prospection…, 1999]. Используемый ими высокопроизводительный, с хорошим пространственным разре-

шением аппаратурно-программный комплекс позволил динамично расширить диапазон применения метода. Высокая чувствительность магнитометров дает возможность находить в грунте магнитные биоагрегаты в виде скопления остатков так называемых магнитных бактерий в местах, связанных с жизнедеятельностью и захоронениями древнего населения. Конечные построения при обработке данных, полученных с помощью этого метода, представляют собой карты распределения микромагнитных аномалий [Fassbinder, Stanjek, Vali, 1990; Becker, 1997]. Знакомство с такими материалами до начала раскопок расширяет возможности археологов: позволяет идентифицировать памятник, определить границы его распространения, кардинально меняет всю стратегию дальнейшего исследования объекта.

Впервые в сибирской археологии этот метод был применен летом 1999 г. в рамках Российско-германской экспедиции ИАЭТ СО РАН и Германского археологического института (Берлин) силами немецких геофизиков из Департамента археологической разведки и аэроархеологии Мюнхена. Проведено геофизическое изучение городища Чича-1 в Здвинском районе Новосибирской области, в ходе которого была подтверждена высокая эффективность метода и получены великолепные результаты [Becker, Fassbinder, 1999; Молодин, Парцингер и др., 1999].

Геофизическая микромагнитная съемка выполнена на площади в 58 800 м^2, включая территорию рельефно выраженного городища VIII–VII вв. до н. э., а также зону распространения подъемного материала на пашне. Съемка производилась при помощи двух цезиевых магнитометров SMARTMAG SM4G-S с чувствительностью в 1 пикотеслу, в режиме регистрации градиентного сигнала каждые 0,1 сек. с шагом 0,1 м. Такая высокая чувствительность позволяет находить в грунте остатки деревянных конструкций и других органических объектов, так как на месте древних жилищных построек, ремесленных площадок, продуктовых хранилищ, захоронений в почве скопились следы микроорганизмов и бактерий, способные создавать магнитные микроаномалии.

Результаты мониторинга превзошли все ожидания. Геофизическими методами на исследованной площади выявлены

новые системы укреплений, жилых и производственных площадок, составляющие единый комплекс с рельефно видимым городищем и превосходящие его по площади в пять раз. Дополнительно обнаружено более ста жилых и хозяйственных помещений с четкой архитектурной планировкой улиц и переулков, соотносимых с проходами в оборонительных конструкциях. При детальном рассмотрении отдельных жилищ микромагнитное сканирование позволяет выделить такие конструктивные особенности, как границы котлованов, выходы и очаги.

Открытие при помощи геофизических методов в центре Западно-Сибирской равнины столь грандиозного поселенческого комплекса, бытовавшего здесь на рубеже двух эпох – бронзы и железа, трудно переоценить. Прежде всего, располагая магнитограммой с планиграфией этого уникального поселенческого объекта, мы на качественно новом уровне можем судить о характере памятника и строить стратегию будущих раскопок.

В настоящее время совместно со специалистами из Института геофизики СО РАН произведены исследования на городище Чича-1, существенно дополняющие предшествующие.

Целью экспедиционных исследований являлась разработка комплексной археогеофизической методики изучения археологических памятников средствами электромагнитных частотных зондирований и высокоточной магнитной градиентной съемки на участках запланированных раскопов для выявления и обеспечения точной пространственной привязки археологических объектов, обнаружения структурных нарушений грунта и фиксации остатков древних конструкций. Были составлены планы подповерхностного размещения археологических объектов и схемы стратиграфических разрезов грунта по профилям, проведено сравнение производительности и результативности методов электромагнитного и магнитного сканирования, а также оценена возможность комплексного применения различных методов. Проведены некоторые работы методического характера, в частности опробованы различные модификации градиентного метода: выполнена съемка способом как вертикального, так и горизонтального градиента; определены систематические по-

грешности в интерпретации данных малоглубинной аппаратуры индукционного частотного зондирования. Выполнение большого объема археологических раскопок на городище Чича-1 вслед за геофизическими работами предоставляет уникальную возможность проверки геофизических построений и одновременно дает информацию для корректировки методик [Эпов и др., 2000].

Современный уровень развития отечественной геофизики позволяет изучать строение грунта в трехмерном представлении, получать данные о его составе и распознавать неоднородности на глубине около десятка метров. Исследования на городище Чича-1 проводились опытным экземпляром прибора электромагнитного сканирования ЭМС, разработанного в лаборатории электромагнитных полей ИГФ СО РАН. Получено несколько геоэлектрических разрезов, которые регистрируют распределение удельного сопротивления в грунте, четко читается граница заполнения котлована жилища и материкового суглинка, фиксируются неровности пола жилища. После привязки по глубине и ввода данных геодезической съемки впервые при использовании аппаратуры ЭМС были построены схемы разрезов с учетом рельефа дневной поверхности.

Высокая чувствительность и точность современной магнитометрической аппаратуры (протонные и квантовые магнитометры) позволяют регистрировать весьма малые пространственные изменения магнитного поля, обусловленные достаточно слабыми колебаниями магнитных свойств грунтов и погребенных объектов. В качестве измерительного прибора использовался магнитометр-градиентометр МГ-60, работающий по принципу свободной ядерной прецессии.

Магнитное картирование было выполнено на площадках предполагаемых раскопов № 2, 3 и 4. Полученные в результате съемок детальные магнитные карты являлись основой для вскрытия с учетом знания структуры и контуров объектов и их точной привязки в пределах площади раскопа.

Таким образом, в результате полевых экспериментов приобретен положительный опыт по комплексному применению электроразведочных и магнитных методов в археологии. При этом получена принципиально новая ин-

формация о глубинных и качественных характеристиках культурных слоев памятника Чича-1 до начала раскопок. Сделаны ценные методические наблюдения, которые помогут создать комплекс аппаратно-программных и методических средств исследования подповерхностного пространства для решения широкого круга задач археологии. Возможность применения новых методов и существующих опытных геофизических аппаратурных комплексов в археологии открывает новые перспективы в исследовании археологических памятников.

В заключение скажем, что в ходе раскопок не только подтвердились геофизические наблюдения, но и был получен огромный комплекс археологических материалов, которые в настоящее время всесторонне исследуются. Уже предварительные работы позволили констатировать, что на памятнике присутствуют различные, видимо, синхронно существовавшие культурные компоненты. Это отразилось, в первую очередь, на керамическом материале. Почти неразрушенная жилищная конструкция в центральной части городища и сооружение в цитадели дали в общей массе материал, аналогичный тому, который был получен 20 лет назад [Молодин, 1985, с. 155–171; Парцингер и др., 1999] и явился основой для выделения позднеирменской культуры [Молодин, 1979]. Вместе с тем конструкция, исследованная на восточной периферии памятника, содержала керамику иного культурного облика, в значительной степени аналогичную материалам красноозерской, гамаюнской и баитовской культур [Абрамова, Стефанов, 1985; Борзунов, 1992; Матвеева, 1989]. Указанные различия керамического комплекса нашли отражение в планиграфии памятника. Кроме того, обнаружено погребение, пока единственное для исследуемой культуры.

Существенным результатом явилось формирование огромной коллекции керамического, остеологического материала, а также корпуса других вещественных источников (в ряде случае – уникальных). Новый материал позволит реконструировать историко-культурные, этнические процессы, социальную структуру и разрешить проблемы палеоэкономики, палеодемографии, внутренней хронологии культур, бытовавших на

юге Западно-Сибирской равнины в переходное от бронзового к железному веку время [Молодин, Парцингер и др., 2000].

Открытие в центре Западно-Сибирской равнины столь грандиозного поселенческого комплекса, существовавшего здесь на рубеже двух эпох – бронзы и железа, вообще трудно переоценить. Сложная политическая ситуация, сложившаяся в регионе в то важнейшее для всего человечества время, предопределила появление значительного количества укрепленных поселений – городищ, характерных для многих культур данной эпохи.

Свидетельства наличия развитого земледелия, мощных металлургических центров, а с открытием Чичи – и элементов градостроения позволяют ставить на повестку дня проблему формирования в регионе в переходное от бронзы к железу время элементов цивилизации со всеми вытекающими отсюда последствиями. Разумеется, сегодня подобные предположения звучат в значительной степени как гипотеза, однако было бы неправильно закрывать глаза на очевидные факты, полученные уже на первом этапе исследований этого замечательного памятника.

Таковы в кратком изложении итоги некоторых междисциплинарных исследований археологов ИАЭТ СО РАН. Археологию наступающего века, и не только сибирскую, ждет тесная консолидация с науками естественными и точными, причем интеграция может быть самая неожиданная.

Список литературы

Абрамова М. Б., Стефанов В. И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 103–130.

Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. – М.: Наука, 1989. – 449 с.

Борзунов В. А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1992. – 188 с.

Гришин А. Е. К вопросу о типологии кротовских погребений могильника Сопка-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 11. – С. 188–192.

Грязнов М. П. Первый пазырыкский курган. – Л.: Гос. Эрмитаж,

1950. – 92 с.

Грязнов М. П. Древнее искусство Алтая. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1958. – 96 с.

Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: введение и основы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 290 с.

Деревянко А. П., Молодин В. И. Относительная хронология и культурная принадлежность памятника Кучерла-1 (Горный Алтай) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1991. – С. 3–8.

Деревянко А. П., Молодин В. И. Российско-японская программа «Пазырык» – первый год совместных исследований // Вестн. древней истории. – 1992. – № 3. – С. 227–229.

Деревянко Е. И., Лбов Г. С., Худяков Ю. С., Гришин А. Е., Бериков В. Б., Неделько В. М., Викентьев А. А. Компьютерная система анализа данных погребальных памятников эпохи неолита и ранней бронзы // Интеграционные программы фундаментальных исследований. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – С. 135–143.

Замоторин И. М. Относительная хронология пазырыкских курганов // СА. – 1959. – № 1. – С. 21–30.

Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987. – 302 с.

Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. – 190 с.

Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.

Лаврентьев М. А. Опыты жизни. 50 лет в науке // Век Лаврентьева. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – С. 347–375.

Лбов Г. С. Методы обработки разнотипных экспериментальных данных. – Новосибирск: Наука, 1981. – 160 с.

Лбов Г. С., Старцева Н. Г. Логические решающие функции и вопросы статистической устойчивости решений. – Новосибирск: Изд-во Ин-та математики, 1999. – 212 с.

Марсадолов Л. С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н. э. // АСГЭ. – 1988. – Вып. 29. – С. 65–81.

Мартынов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования. – М.: Высш. шк., 1989. – 223 с.

Матвеева Н. П. Начальный этап раннего железного века в Тобо-ло-Ишимской лесостепи // Западно-Сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1989. – С. 77–103.

Молодин В. И. Некоторые проблемы переходного от бронзы к железу времени в Новосибирском Приобье и лесостепной Барабе // Всесоюз. археол. конф. по проблемам скифско-сибирского культурно-исторического единства. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1979. – С. 110–112.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В. И. Исследование кургана с мерзлотой могильника Верх-Кальджин II // АО 1994 года. – М.: Наука, 1995а. – С. 292–293.

Молодин В. И. Укок-1995 – новые находки и открытия // III годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995б. – С. 87–89.

Молодин В. И. Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 131–148.

Молодин В. И., Ефремова Н. С. Первый (этнографический) культурный слой культового комплекса Кучерла-1 (Республика Алтай) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: мат-лы IV годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 182–184.

Молодин В. И., Ефремова Н. С. К реконструкции обрядовой практики населения Горного Алтая в эпоху средневековья (по материалам культового комплекса Кучерла-1) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – С. 172–175.

Молодин В. И., Новиков А. В., Полосьмак Н. В., Слюсаренко И. Ю., Черемисин Д. В. Актуальные проблемы охраны археологических памятников плоскогорья Укок // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – Вып. X. – С. 19–22.

Молодин В. И., Парцингер Г., Беккер Х., Фассбиндер Й., Чемякина М. А., Наглер А., Нииф Р., Новикова О. И., Манштейн А. К., Гаркуша Ю. Н., Гришин А. Е., Ефремова Н. С. Археолого-геофизические исследования российско-германской экспедиции в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 454–462.

Молодин В. И., Парцингер Г., Гаркуша Ю. Н., Шнеевайс Й., Новикова О. И., Гришин А. Е., Ефремова Н. С., Чемякина М. А. Памятник Чича-1: первые итоги полевых исследований 2000 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопре-

дельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 350–357.

Молодин В. И., Ромащенко А. Г., Воевода М. И., Чикишева Т. А. Палеогенетический анализ населения пазырыкской культуры: Первые результаты и интерпретации // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. – М.: Изд-во ИА РАН, 1999. – С. 91–95.

Новое в применении физико-математических методов в археологии. – М.: Наука, 1979. – 124 с.

О'Коннел Т. Определение рациона питания пазырыкцев с помощью анализа изотопов углерода и азота // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 234–236.

Окладникова Е. А. Петроглифы Калбак-Таша // Изв. СО АН СССР. Сер. общественных наук. – 1981. – № II; вып. 3. – С. 61–64.

Парцингер Г., Молодин В. И., Новикова О. И., Наглер А., Чемякина М. А., Гаркуша Ю. Н., Гришин А. Е., Ефремова Н. С. Первые раскопки на городище Чича-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 486–490.

Полосьмак Н. В. Курган с «замерзшей» могилой в Горном Алтае // Изв. СО АН ССР. Сер. История, филология и философия. – 1992а. – Вып. 1. – С. 26–36.

Полосьмак Н. В. Раскопки богатого захоронения пазырыкской культуры // Altaica. – 1992б. – Вып. 1. – С. 35–43.

Полосьмак Н. В. К вопросу о древней татуировке // Гуманитарные науки в Сибири. – 1994а. – № 3. – С. 29–34.

Полосьмак Н. В. Стерегущие золото грифы. – Новосибирск: Наука, 1994б. – 127 с.

Полосьмак Н. В. Погребение знатной пазырыкской женщины // Вестн. древней истории. – 1996а. – № 4. – С. 142–168.

Полосьмак Н. В. Традиция пазырыкского бальзамирования (некоторые аспекты проблемы) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996б. – С. 210–212.

Полосьмак Н. В. Пазырыкская культура: реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1997. – 54 с.

Полосьмак Н. В. Цветы в пазырыкских могилах // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1999. – С. 202–203.

Полосьмак Н. В. Татуировка у пазырыкцев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 95–102.

Полосьмак Н. В., Кундо Л. П., Малахов В. В., Власов А. А., Краевская И. Л., Овсянникова И. А., Литвак Г. С., Плясова Л. М., Соловьева Л. П., Шмаков А. Н., Щербаков Ю. Г., Рослякова Н. В. Химический анализ археологических находок из «замерзших» погребений Горного Алтая // РА. – 1997. – № 1. – С. 181–193.

Полосьмак Н. В., Кундо Л. П., Малахов В. В., Власов А. А. Физико-химические исследования уникальных археологических находок пазырыкской культуры Горного Алтая // Интеграционные программы фундаментальных исследований. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – С. 386–392.

Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 750 с.

Руденко С. И. Второй пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. – 64 с.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с.

Руденко С. И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тыс. до н. э.). – М.: Вост. лит., 1961. – 68 с.

Рыбина Е. В., Слюсаренко И. Ю., Гаркуша Ю. Н. Инфологическая модель базы данных для дендрохронологических исследований в археологии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 577–583.

Слюсаренко И. Ю. Начало дендрохронологических исследований в Институте археологии и этнографии СО РАН // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. III. – С. 276–280.

Слюсаренко И. Ю. Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 122–130.

Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М.: Наука, 1970. – 220 с.

Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.

Франтов Г. С., Пинкевич А. А. Геофизика в археологии. – Л.: Недра, 1963. – 210 с.

Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные. – М.: Наука, 1970. – 280 с.

Черных Н. Е. Металл – человек – время. – М.: Наука, 1972. – 208 с.

Чикишева Т. А. К вопросу о формировании антропологического состава населения пазырыкской культуры Горного Алтая // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 249–252.

Чикишева Т. А. К вопросу об антропологическом сходстве населения пазырыкской культуры и сакской этнокультурной общности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. III. – С. 314–320.

Эпов М. И., Чемякина М. А., Манштейн А. К., Дядьков П. Г., Парцингер Г., Молодин В. И., Балков Е. В. Геофизические исследования городища Чича-1 в 2000 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 447–456.

Эйткин М. Дж. Физика и археология. – М.: Иностранная лит., 1963. – 256 с.

Archaeological Prospection. Third International Conference on Archaeological Prospection. – Munich, 1999. – 189 p.

Becker H. From nanotesla to picotesla – a new window for magnetic prospecting in archeology // Archaeological Prospection. – 1995. – Vol. 2. – P. 217–228.

Becker H. Magnetische Prospection archaeologischer Statten am Beispiel Troia (Turken), Piramesse (Egyptian) und Sofia Anticay (Italian) // Archeology, sonderdruck. Nurnberger blatter zur. – 1997. – Heft 13. – S. 85–106.

Becker H., Fassbinder J. W. E. Magnetometry of a Scythian Settelment in Siberia near Cicah in the Baraba steppe // Archaeological Prospection. – 1999. – Vol. 108. – S. 168–172.

Derevianko A., Molodin V. The Russian-Japanese “Pazyryk” Program of the First Year of Joint Studies // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Intern. J. of Comparative Studies in History and Archaeology. – 1994. – Vol. 1. – N 3. – P. 307–311.

Fassbinder J. W. E., Stanjek H., Vali H. Occurrence of magnetic bacteria in soil // Nature. – 1990. – Vol. 343. – P. 161–163.

Kubarev V. D., Jakobson E. Sibérie du sud. 3: Kalbak-Tash I (République de l’Altai). – Paris: De Boccard, 1996. – 256 p. – (Répertoire des Petroglyphes d’Asie centrale; t. 3).

Molodin V. Un kourgane gelé d’Époque scythe dans le sud-ouest de l’Altai // Dossiers d’Archéologie. – 1996. – N 212. – P. 36–41.

Polosmak N. Un nouveau kourgane à “tombe gelée” de l’Altai // Arts Asiatiques. – 1991. – T. 46. – P. 5–20.

Polosmak N. A mummy unearthed from the Pastures of Heaven // National Geographic. – 1994. – Vol. 186. – N 4. – P. 80–103.

Polosmak N. Tatoos in the Pazyryk world // J. of the Korean Ancient Hist. Soc. Hanguk Sanggosa Hakbo. – 1998. – N 29. – P. 187–201.

Polos’mak N., Seifert M. Mengcheu aus det Eis Sibiriens // Antike Welt. – 1996. – N 2. – S. 87–108.

ПАДНОЙ СИБИРИ
СИБИРСКАГО
ПРОИЗШЕДШИХЪ ВЪ
РОССІЙСКО

1.6. Памятник Сопка-2 и его значение для изучения культур эпохи бронзы Евразии (к юбилею профессора А. Д. Пряхина)

Среди российских исследователей, целенаправленно работающих над проблемами бронзового века Евразии, Анатолий Дмитриевич Пряхин, вне сомнения, занимает одно из ведущих мест. К числу его блестящих научных достижений относятся раскопки ряда замечательных комплексов эпохи бронзы, материалы которых во многом определяют концепции историко-культурного развития населения Восточной Европы в III–II тыс. до н. э.; серия трудов по историографии и истории нашей науки, являющихся настольными для поколений исследователей [Профессор…, 2009]. К числу, возможно, главных заслуг ученого следует отнести создание прекрасной археологической школы в Воронежском государственном университете, которую он и сегодня успешно возглавляет [Борисов, Беседин, 1999; Деревянко, Сафонов, 2004].

Анатолию Дмитриевичу присущ широкий подход как к рассмотрению источников, так и к их интерпретации, поэтому любое явление он стремится осмыслить в рамках глобальных событий, протекавших не только в Восточной Европе, но и в Евразии в целом. Именно поэтому ученый всегда в курсе проблем, которыми мы занимаемся к востоку от Урала. Кстати, это не раз подталкивало нас к совместным исследованиям в

области осмысления евразийских бронз (см., напр.: [Молодин, Пряхин, 1998; 2000]. Наверняка по этой причине А. Д. Пряхин заказал мне для юбилейного сборника эту статью, которая, с его точки зрения, будет небезынтересна не только специалистам азиатской части нашей страны, но и европейским исследователям.

Жизнь человеческая – коротка. Творческая жизнь, к сожалению, – еще короче. Каждому из нас судьба дает не так уж много шансов для того, чтобы оставить определенный след в науке. За свою «полевую» жизнь исследователю отпущено найти и изучить достаточно ограниченный круг археологических комплексов, и в зависимости от того, какими оказываются эти комплексы, как они изучены и интерпретированы, по существу, и складывается научный портрет того или иного ученого. Задача эта не выглядит легкой, поскольку такой памятник (памятники) следует сначала: а) найти; б) исследовать в поле, по возможности максимально и тщательно раскопать; в) изучить в камеральных условиях; г) ввести полученные данные в научный оборот в виде монографий, статей или научных докладов. Иными словами, максимально полно опубликовать. Как видно – задача не из простых. Нередко на ее решение уходит значительная часть творческой жизни ученого (это при благоприятном сценарии!).

Разумеется, чрезвычайно важно то, что лежит в составе этого многоступенчатого процесса. Иначе говоря, насколько информативен археологический комплекс, на раскопки которого тратится, порой, не один год, а иногда и не одно десятилетие.

К числу таких по-настоящему выдающихся объектов относится памятник со скромным названием Сопка-2. Именно о нем попросил меня написать уважаемый юбиляр, что я не без удовольствия и делаю. С Сопкой связан существенный этап моей научной жизни. На сегодняшний день этап этот еще не завершен, правильнее сказать, что пройдено, пожалуй, две трети пути, а треть – возможно, самая интересная – еще впереди.

Полагаю, что заказ, сделанный мне Анатолием Дмитриевичем, не был спонтанной идеей, озвученной с целью привлечения меня, своего коллегу и друга, для простого участия в юбилейном сборнике. Для него, блестящего специалиста-историографа, было важно (как он сказал, формулируя задачу) получить не просто какие-то конкретные факты об

уникальности того или иного погребального комплекса, а, прежде всего, размышления и соображения общего характера, которые демонстрировали бы значимость объекта для широкой научной общественности; важен и сам творческий процесс.

Итак, урочище Сопка, где находится интересующий нас объект, расположено в месте слияния двух равнинных рек – Оми и Тартаса, на территории Барабинской лесостепи. Обе реки берут начало на северо-востоке, в Васюганских болотах и как бы перерезают лесостепь в широтном направлении. Уже после слияния река Омь течет далее на запад и впадает в одну из крупнейших сибирских рек – Иртыш.

В месте слияния Оми и Тартаса, скорее всего, в плейстоцене сформировался высокий останец, господствующий над широкой поймой междуречья. Этот полуостров, а в годы максимальной водной трансгрессии – и вовсе остров, является труднодоступным даже в настоящее время. Высота останца достигала 105 м над уровнем моря.

Естественно, что такое укромное и, я бы сказал, загадочное место всегда привлекало к себе человека, что и привело к устройству здесь разновременных могильников, святилищ и укрепленных поселенческих комплексов, наиболее замечательным из которых является Сопка-2. Однако выяснилось это далеко не сразу, а только в ходе многолетних стационарных исследований.

Комплекс был открыт для науки благодаря подвижнической деятельности замечательного человека, ветерана Великой Отечественной войны, страстного краеведа – жителя села Венгерово Петра Михайловича Пономаренко. Путешествуя по Венгеровскому району, изучая природу и историю родного края, Пономаренко побывал в урочище Сопка и натолкнулся на отчетливо читаемые земляные насыпи, не без основания принятые им за курганные. К тому же, среди жителей села Старый Тартас, расположенного на другой стороне р. Оми, ходила легенда, что в тридцатые годы в урочище охотники на барсуков (последние имеют обыкновение устраивать свои норы в крупных земляных курганах) при раскопках норы наткнулись на массивное серебряное копье, которое якобы было передано в Омский краеведческий музей.

Вся эта информация была передана Петром Михайловичем автору, в то время еще начинающему археологу, но имеющему уже собственный Открытый лист и небольшой археологический отряд, состоящий преимущественно из студентов-историков Новосибирского государственного педагогического института и Новосибирского государственного университета. Информация взволновала меня, прежде всего, потому, что в круг моих научных интересов входила эпоха бронзы, и легенду о «массивном серебряном копье» я, конечно, тут же связал с выдающимся памятником Ростовка с сейминско-турбинскими бронзами, который расположен также на р. Оми и активно исследовался примерно в эти годы видным советским археологом В. И. Матющенко.

В первую разведку на урочище вместе с Петром Михайловичем я направил своих друзей-учеников Виталия Елагина и Евгения Сидорова. (Кстати сказать, оба они впоследствии стали профессиональными учеными. В. С. Елагин под моим руководством защитил кандидатскую диссертацию, а ученик Татьяны Николаевны Троицкой Женя Сидоров, если бы не нелепая, трагическая гибель в экспедиции, достиг бы в науке очень многого.)

Так в урочище были открыты два археологических памятника: городище эпохи раннего средневековья Сопка-1 и выделенный первоначально как курганный могильник – Сопка-2 [Молодин, Новиков, 1998].

Уже в 1979 г. на памятнике Сопка-2 были произведены первые раскопки. Первоначально стратегия исследования строилась так, как это принято для изучения курганных могильников. В разных частях обширного комплекса я выбрал восемь насыпей, на которых и были произведены раскопки. В результате этих работ стало понятно, что мы имеем дело с совершенно нестандартной ситуацией – практически во всех случаях могильные пятна уходили за пределы насыпи кургана, а порой отсутствовали под центральной частью насыпи (или вообще отсутствовали). Было очевидно, что перед нами грунтовый могильник, который предшествовал по времени возведению земляных сооружений. Явным также было и то, что какие-то из земляных насыпей вообще не являются погребальными конструкциями. Датировка

отдельных погребальных комплексов отчетливо говорила о доандроновском историко-культурном пласте, что с учетом слабой степени изученности этой эпохи в регионе было в высшей степени актуальным.

Для меня было понятно, что стратегию изучения памятника необходимо менять. Поскольку в то время мы не имели возможности использовать геофизический мониторинг, оставалось наудачу исследовать предполагаемую площадь, на которой был расположен памятник (точнее памятники), путем сплошного вскрытия, не обращая внимания на рельефные признаки и ориентируясь на получаемую по ходу раскопок информацию по планиграфии.

Как выяснилось в дальнейшем, такой методический подход себя полностью оправдал. Уже первые раскопки показали незаурядность отдельных изучаемых комплексов, что позволяло строить долгосрочную стратегию изучения Сопки. Впоследствии используемая методика сплошного вскрытия площади, на которой теоретически могли располагаться археологические комплексы, была обоснована мною в специальной статье, написанной, кстати, по инициативе Анатолия Дмитриевича и опубликованной в Липецке [Молодин, 1992б]. Более того, для меня было несомненно, что именно такую методику следует применять и на других памятниках региона, имеющих рельефные признаки. В конечном итоге, несмотря на, казалось бы, излишние трудозатраты, такой подход себя чаще всего полностью оправдывает, поскольку позволяет фиксировать не только потенциальные грунтовые захоронения, но и сопутствующие нюансы погребальной практики.

Начиная с 1979 г. Западно-Сибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР (впоследствии Института археологии и этнографии СО РАН) продолжал ежегодные планомерные исследования памятника Сопка-2 [Молодин, 1980]. Раскопки Сопки автор был вынужден совмещать с разнообразными исследовательскими проектами, которыми занимался институт в разных районах Сибири, на памятниках различных эпох и культур. Тем не менее ежегодно мы возвращались к раскопкам Сопки, при этом – каждый год неизменно радовал нас новыми открытиями. Исследования продолжались на

протяжении 14 лет. В результате на памятнике была полностью вскрыта площадь около 25 тыс. м^2. По-видимому, практически все объекты, попадавшие в этот огромный раскоп, который простирался от р. Тартас на северо-западе до р. Оми на юго-востоке (примерно 500 м) и углублялся местами в тело террасы до 200 м, были изучены. На завершающей стадии исследований в нашем распоряжении появились геофизические методы мониторинга. Благодаря д-ру геол.-мин. наук, научному сотруднику Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН А. К. Манштейну и сотруднику нашего института, моей ученице – канд. ист. наук М. А. Чемякиной, в 2000–2001 гг. были проведены дополнительные геофизические исследования по периметру наших раскопов, которые позволили выявить последние захоронения (№ 698 и 699) эпохи раннего железного века и древнетюркского времени [Молодин, Чемякина и др., 2001].

Конечно, понимание контекста изучаемых комплексов происходило не сразу, что объясняется достаточно слабой степенью изученности древнейшей истории региона вообще. Такие культуры ранней поры бронзового века, как усть-тартасская, одиновская, кротовская, позднекротовская, были открыты впервые, погребальный обряд их носителей был практически неизвестен. Именно по этой причине идентификация и определение культурно-хронологических комплексов уточнялись (а порой и исправлялись!) уже в процессе аналитических исследований и продолжают уточняться и дополняться вплоть до настоящего времени.

Помимо исследованных погребальных комплексов на памятнике было изучено около 70 земляных сооружений – курганов, относящихся к различным эпохам и культурам от бронзового века до позднего средневековья (конструкции вписывались в общую систему сплошного раскопа). Кроме того, было исследовано еще 46 земляных сооружений явно ритуального толка, относящихся к кыштовской культуре периода позднего средневековья.

Разумеется, все годы исследования памятника мы не раз обращались к анализу получаемых материалов или введению их в научный оборот. Поскольку перечень опубликованных статей занимает достаточно много места, отошлю

заинтересованного читателя к первой обобщающей монографии, посвященной погребальным комплексам эпохи неолита и раннего металла, исследованным на Сопке-2, где в предисловии содержатся некоторые общие сведения, в том числе и основная библиография [Молодин, 2001, с. 9–11].

К настоящему времени можно сказать, что на памятнике под общим наименованием Сопка-2 были сконцентрированы, прежде всего, погребальные комплексы (могильники), а также отдельные захоронения, в связи с чем была произведена (и производится до настоящего времени) более дробная градация комплексов с особым наименованием. Представляется уместным перечислить их в настоящей работе.

Всего на памятнике исследовано 699 разновременных и разнокультурных захоронений. Сопка-2/1 – эпоха неолита, 11 захоронений; Сопка-2/2 – эпоха раннего металла (гребенчато-ямочная общность), 4 захоронения; Сопка-2/3, 3А – эпоха раннего металла, усть-тартасская культура, 67 захоронений; Сопка-2/4А – эпоха ранней–развитой бронзы, одиновская культура, 164 погребения; Сопка-2/4Б, В – эпоха развитой бронзы, кротовская культура, 249 погребений; Сопка-2/5 – эпоха развитой бронзы, позднекротовская (черноозерская) культура, 92 погребения; Сопка-2/6 – развитая бронза, андроновская (федоровская) культура, 11 погребений; Сопка-2/7 – поздняя бронза, ирменская культура, 4 погребения; Сопка-2/8 – сузгунская культура, 1 погребение; Сопка-2/9 – саргатская культура, 5 погребений; Сопка-2/9А – новочекинская культура, 1 погребение; Сопка-2/10 – гуннское время, 11 погребений; Сопка-2/11 – горносталевский этап потчевашской культуры, 1 погребение; Сопка-2/12 – древнетюркское время, 54 погребения; Сопка-2/13 – кыштовская культура, 2 погребения; Сопка-2/14 – барабинские татары, 1 погребение; а также 12 погребений неопределенного времени.

Как говорилось ранее, погребальные комплексы Сопки отличались достаточно низкой степенью нарушения (не были разграблены?), что делает эти материалы весьма информативными. Кроме того, в могилах, как правило, хорошо сохранился антропологический материал, который чрезвычайно значим для реконструкции различных нюансов погребальной практики, этногенеза и этнической истории.

Учитывая издательские возможности и многокомпонентность полученного материала, была задумана и успешно реализуется программа по введению материалов могильников Сопки в научный оборот. Первый том был посвящен могильникам эпохи неолита и раннего металла [Молодин, 2001], второй – анализу материалов эпохи средневековья [Молодин, Соловьев, 2004], третий – анализу погребальных комплексов одиновской культуры (ранняя–развитая бронза) [Молодин, 2012].

В стадии подготовки находятся еще три тома. В четвертом будет рассмотрен самый представительный на памятнике могильник кротовской культуры. В пятом томе будут проанализированы позднекротовские погребальные комплексы и небольшие могильники эпохи развитой и поздней бронзы. Наконец, последний, шестой том серии будет посвящен уникальным ритуальным комплексам периода позднего средневековья (кыштовская культура), которых выявлено около 50.

Источники, полученные на могильниках Сопки, легли в основу, по крайней мере, двух крупных аналитических исследований, одно из которых посвящено анализу антропологических комплексов периода неолита – раннего железного века Западной Сибири [Чикишева, 2012], а второе – палеогенетическим разработкам периода бронзового века Обь-Иртышской лесостепи [Молодин, Пилипенко и др., 2013]. Я уже не говорю об использовании разновременных материалов сопкинских могильников в работах, связанных с изучением проблем раннего железного века и раннего средневековья [Полосьмак, 1987; Елагин, Молодин, 1991].

При раскопках памятника было получено несколько выдающихся погребальных комплексов, о которых было бы неправильно не сказать. Их число довольно значительно, но по понятным причинам отметим наиболее яркие с нашей точки зрения.

Прежде всего, это захоронение литейщика (№ 282, кург. 25, погр. 64) [Молодин, 1983] – уникальное, непотревоженное и сохранившее удивительно масштабный набор литейщика классического сейминско-турбинского облика и другие предметы, причем не только инструментарий мастера. Материалы захоронения после отдельной публикации очень часто используются специалистами по эпохе бронзы и не раз переиздавались (см., напр.: [Черных, Кузьминых, 1987]). В настоящее

время получена калиброванная радиоуглеродная дата этого захоронения в пределах XXV–XXI вв. до н. э. (по ± 2 сигма) [Марченко и др., 2014], что во многом проясняет хронологическую позицию сейминско-турбинского феномена в Евразии.

Явлением совершенно замечательным следует считать три погребения с бронзовыми кинжалами своеобразной формы (№ 420, кург. 58, погр. 21; № 425, кург. 58, погр. 26; № 443, кург. 58, погр. 44) [Молодин, 1993]. Это достаточно широко известные сегодня изделия от Юго-Западного Китая и Синьцзяна до Алтая и Западно-Сибирской равнины, включая Казахстан и Киргизстан, в виде кладов и случайных находок, только на Сопке они обнаружены в трех погребальных комплексах, что позволило отнести их к кротовской культуре [Там же]. Калиброванная радиоуглеродная дата комплексов погребения № 425 (кург. 58, погр. 26) в пределах XXVI–XXI вв. до н. э. (по ± 2 сигма) [Марченко и др., 2014, с. 464] дала возможность надежно синхронизировать эти изделия как явление с сейминско-турбинским феноменом.

Наконец, выдающимся оказалось погребение № 688, принадлежавшее, по-видимому, представителю поздних хунну, надежно датированному IV–V вв. н. э. и попавшему в Барабинскую лесостепь в период Великого переселения народов. Похороненного воина сопровождал великолепный оружейный набор, в состав которого входили предметы из серебра, золота и нефрита [Molodin, 1995].

Нельзя не отметить позднесредневековые святилища кыштовской культуры [Молодин, 1990], на которых сохранились не только полуобгоревшие деревянные конструкции – срубы, но и богатейший набор керамики, металлических и деревянных предметов, среди которых несколько деревянных «идолов» [Молодин, 1992а].

Мне представляется, что специалисту и без особых пояснений и акцентов понятно, столь значимы полученные источники для понимания и реконструкции целого спектра проблем, связанных не только с Западной Сибирью, но и с Евро-Азиатским субконтинентом в целом. Достаточно указать хотя бы только на сейминско-турбинскую проблему, которую невозможно сегодня обсуждать без учета полученной на Сопке информации. Необходимо также отметить, что полученные на

Сопке антропологические и палеонтологические коллекции содержат поистине бесценную информацию в плане использования междисциплинарного подхода к их изучению. Я имею в виду, прежде всего, палеогенетические исследования, результаты которых делают доказательными и проверяемыми многие из построений археологов и антропологов.

В заключение, думаю, будет уместно сказать, что опубликованные статьи и монографии, посвященные анализу материалов Сопки (и методическим разработкам), получили положительные отклики в среде профессионалов (не говоря уже о постоянном обращении к ним научного сообщества), что лишний раз демонстрирует их научную значимость и актуальность (см., напр.: [Васильевский, Деревянко, 1984, с. 98; Гацак, Деревянко, Соктоев, 1990, с. 27; Матющенко, 2003; Бобров, 2004]).

Замечу, что материалы, полученные на погребальных комплексах могильников Сопки, введены в научный оборот в престижных зарубежных изданиях Берлина и Кембриджа, в которых были помещены заказные статьи по важнейшим проблемам мировой археологии [Molodin, 2001; Molodin, Polos'mak, 2014].

Я уверен, что новые книги, над которыми сегодня работаем я и мои коллеги, вызовут интерес у исследователей, занимающихся самым широким спектром проблем евразийской археологии.

Список литературы

Бобров В. В. [Рецензия] // РА. – 2004. – № 2. – С. 177–179. – Рец. на кн.: Молодин В. И., Соловьев А. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 184 с.

Борисов И. И., Беседин В. И. Научная школа Воронежского госуниверситета в области археологии // Археология восточноевропейской лесостепи: Евразийская летопись в эпоху металла. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. – Вып. 13. – С. 3–7.

Васильевский Р. С., Деревянко А. П. Археологические исследования Северной Азии // Гуманитарные исследования в Сибири (Итоги и перспективы). – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 90–106.

Гацак В. М., Деревянко А. П., Соктоев А. Б. Фольклор народов Сибири и Дальнего Востока: истоки и традиции // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1990. – Т.1: Эвенкийские героические сказания. – С. 10–71.

Деревянко А. П., Сафонов И. Е. Очерк научной, научно-организаторской и научно-педагогической деятельности профессора Анатолия Дмитриевича Пряхина // Анатолий Дмитриевич Пряхин: указ. основных науч. трудов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – С. 9–21.

Елагин В. С., Молодин В. И. Бараба в начале I тыс. н. э. – Новосибирск: Наука, 1991. – 126 с.

Марченко Ж. В., Молодин В. И., Гришин А. Е., Орлова Л. А. Погребальные комплексы с предметами сейминско-турбинского и кенкольского типов в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) и их радиоуглеродная хронология // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани, 2014 г. – Казань, 2014. – Т. 1. – С. 463–468.

Матющенко В. И. [Рецензия] // Гуманитарные науки в Сибири: культура, наука, образование. – 2003. – № 3. – С. 122. – Рец. на кн.: Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на р. Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 127 с.

Молодин В. И. Сопка-2 – могильник доандроновской бронзы в Барабинской лесостепи // АО 1979 года. – М.: Наука, 1980. – С. 221–222.

Молодин В. И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1983. – С. 96–109.

Молодин В. И. Культовые памятники угорского населения лесостепного Обь-Иртышья (по данным археологии) // Мировоззрения финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 128–140.

Молодин В. И. Деревянные антропоморфные изваяния из культовых комплексов эпохи Средневековья (Западная Сибирь) // Северная Евразия от древности до средневековья: тез. докл. конф. к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. – СПб.: [б.и.], 1992а. – С. 227–229.

Молодин В. И. Методика исследования курганных могильников сплошными площадями // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. – Липецк: Изд-во НПЦ при администрации Липецкой обл., 1992б. – С. 16–17.

Молодин В. И. Новый вид бронзовых кинжалов в погребениях кротовской культуры // Военное дело населения юга Западной Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 4–16.

Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. – 127 с.

Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – 220 с.

Молодин В. И., Новиков А. В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: Изд-во НПЦ при администрации Новосибирской обл., 1998. – 138 с.

Молодин В. И., Пилипенко А. С., Чикишева Т. А., Ромащенко А. Г., Журавлев А. А., Поздняков Д. В., Трапезов Р. О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н. э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – 220 с. – (Интеграционные проекты СО РАН; вып. 46).

Молодин В. И., Пряхин А. Д. Евразийская лесостепь в эпоху средней–поздней бронзы (некоторые проблемы) // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1998. – Вып. 11. – С. 1–7.

Молодин В. И., Пряхин А. Д. Срубная культурно-историческая общность в системе древностей евразийской степи и лесостепи // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи: мат-лы междунар. науч. конф. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000. – С. 7–10.

Молодин В. И., Соловьев А. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. – 182 с.

Молодин В. И., Чемякина М. А., Гаркуша Ю. Н., Майнштейн А. К., Дядьков П. Г., Балков Е. В. Геофизические и археологические исследования могильника Сопка-2 в 2000–2001 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 399–407.

Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 143 с.

Профессор Анатолий Дмитриевич Пряхин: библиография / сост. А. В. Моисеев; отв. ред. А. М. Ховив. – Воронеж: Изд.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2009. – 124 с.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Памятники сейминского-турбинского типа в Евразии // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 84–105.

Чикишева Т. А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железного века. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

Molodin V. Sopka-2. Grab 688-ein reiches hunno-sarmatisches Männergrab in der West-Sibirischen Waldsteppe // Transeuropen Beitrage zur Bronze und Eisenzeit sibirischen Waldsteppe zwishen Atlantik und Altai: Festschrift für M. Primas: Abhaudlungen zur Frühgeschichte, zur klassischen und povinzeill – rolischen Archäologie und zur Geschichte des Altertums. – Bonn, 1995. – Bd. 34. – S. 277–285.

Molodin V. I. Westsibirien, der Altai und Nordkazachstan in der entwickelten und spдten Bronzezeit // Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder – und zentralasiatiseher Kulturen im Umbruch. Vom 2. Zum 1. Vorchristlichen Jahrtansend. Akten des International Kolloquiums. Berlin, 23–26 November, 1999. – Bonn, 2001. – S. 85–100.

Molodin V., Polos'mak N. Southern Siberia during the Bronze and Early Iron periods // The Cambridge World Prehistory. – Vol. 3: West and Central Asia and Europe. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2014. – P. 1638–1657.

ПАДНОЙ СИБИРИ

СИБИРСКАГО
ПРОИЗШЕДШИХЪ ВЪ
РОССІЙСКО

1.7. Итоги и перспективы археологического исследования Большого Алтая в контексте развития международных программ сохранения и изучения культурного наследия Евразии*

…Не претендуя в данной статье на исчерпывающий историографический анализ, попытаюсь отметить наиболее значимые вехи этой титанической по объему работы, какой является археологическое изучение Большого Алтая. Без такого, хотя бы конспективного, анализа невозможно объективно оценивать и те международные программы, направленные на изучение прошлого, с моей точки зрения, весьма значимые, итоги работ по которым мне хотелось бы затронуть в данной статье.

Начало подлинно научных археологических исследований Алтая следует связывать с именем академика В. В. Радлова. Именно он произвел в регионе целенаправленные археологические раскопки, наметил периодизацию древних культур от каменного века к железному, открыл первые выдающиеся пазырыкские погребальные памятники с мерзлотой – Берель и Катанду, уникальные материалы которых, прежде всего одежда и высокохудожественные предметы из дерева, демонстрировали даже не специалисту яркий колорит культуры [Радлов, 1989].

---

*Статья воспроизводится в сокращенном варианте, впервые была напечатана в журнале «Вестник НГУ», серия «История, филология» (2013. Т. 12; вып. 3: Археология и этнография. С. 48–65).

Любопытно, что именно с пазырыкской культурой связан интерес международного научного сообщества, да и просвещенной общественности, к древней истории Алтая. В 1927 г. молодой ученый из Ленинграда, впоследствии профессор, М. П. Грязнов в труднейших условиях, лишенный минимальных технических средств, исследовал центральное захоронение первого кургана Пазырыкского могильника, расположенного в самом сердце Алтая. Курган, как и могильник в целом, принадлежал, без сомнения, высшему слою пазырыкского общества.

О богатейшей материальной и духовной культуре пазырыкских вождей (или царей?) стало возможным в полной мере судить после раскопок еще четырех курганов Пазырыкского и нескольких курганов Башадарского могильников, произведенных также ленинградским профессором С. И. Руденко в 1940–1950-е гг. [1953; 1960]. В замерзших погребальных камерах сохранился удивительный и неповторимый комплекс высокохудожественных предметов – одежда и утварь, убранство коней, погребальные сооружения и усыпальницы (саркофаги), переднеазиатские ковры и ткани, а также мумии людей, покрытые загадочными изображениями. Все это демонстрировало неповторимый колорит культуры, несомненно, свидетельствующий о ее яркости и самобытности.

Продолжая галерею исследователей, внесших выдающийся вклад в изучение истории Горного Алтая, нельзя не назвать имени члена-корреспондента АН СССР С. В. Киселева – автора академической истории Южной Сибири [1949], где анализу исторического прошлого этой земли принадлежит особое место. Ученый впервые разработал концепцию развития историко-культурных процессов в Саяно-Алтае, аккумулировал все имевшиеся в середине прошлого столетия данные. Многие годы его монография, выдержавшая два издания и удостоенная Сталинской премии, оставалась настольной книгой и для ученого-археолога, и для преподавателя истории в школе.

Новым этапом в изучении древней истории Горного Алтая стали исследования академика А. П. Окладникова и созданного им в Новосибирске академического института (ИИФиФ СО АН СССР). Именно академику А. П. Окладникову принадлежит честь открытия одной из древнейших стоянок на территории региона – Улалинки, расположенной

в черте г. Горно-Алтайска, а также открытие и исследование ряда палеолитических местонахождений [Окладников, 1972].

К числу ученых, внесших огромный вклад в дело изучения Горного Алтая, несомненно, относится д-р ист. наук В. Д. Кубарев. С Алтаем была связана вся творческая биография ученого: изучение серии пазырыкских могильников на юге Российского Алтая, открытие и спасение для науки замечательного могильника эпохи бронзы Каракол, сбор и публикация информации по каменным изваяниям раннескифского и древнетюркского времени, а также по огромному количеству петроглифов на территории Российского и Монгольского Алтая [Кубарев, 1979; 1984; 1987; 1988; Kubarev, Jacobson, 1996].

В заключение краткого обзора нельзя не сказать о крупных новостроечных экспедициях, работающих в зонах хозяйственного освоения региона. Наиболее значимыми были работы Московской и Горно-Алтайской экспедиций под руководством д-ра ист. наук В. А. Могильникова [1983] и канд. ист. наук А. С. Суразакова [1988], а также сотрудников Алтайского государственного университета под руководством проф. Ю. Ф. Кирюшина. Эти экспедиции не только спасли для науки и культуры десятки археологических памятников, которым грозило разрушение или полное уничтожение, но и получили фундаментальные научные результаты, существенно пополнившие наши представления об истории региона [Кирюшин, Тишкин, 1997; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003].

Таким образом, трудами вышеперечисленных и десятков не вошедших в этот перечень ученых из академических и вузовских центров Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Барнаула, Горно-Алтайска, а также Алматы, Улан-Батора, Урумчи был заложен тот фундамент, на котором базируется археология региона конца XX – начала XXI в. Эту науку сегодня отличает, прежде всего, мультидисциплинарный подход к исследовательским процедурам как в полевых, так и в камеральных условиях, а также широкое международное сотрудничество. В настоящей статье я остановлюсь только на нескольких международных программах, направленных на изучение древней истории Горного Алтая. В силу достаточной ограниченности темы за рамками данной статьи остаются широкомасштабные исследования археологических комплексов самых разных эпох и культур, проведенные

отечественными учеными в российской части Горного Алтая, а также нашими китайскими коллегами в Синьцзяне и международными экспедициями в Монгольском Алтае.

Первой такой программой, в реализации которой мне довелось принять участие (в качестве соруководителя), являлась Советско-японская программа «Пазырык» [Derevianko, Molodin, 1994], включавшая исследования на высокогорном плато Укок, расположенном в сердце горной страны, на границе современных России, Казахстана, Монголии и Китая. За пятилетний срок работы (1989–1995) экспедицией, в состав которой входило два отряда, было получено несколько важнейших результатов.

Так, впервые для Горного Алтая осуществлен полный археологический мониторинг плоскогорья, этого уникального с точки зрения экологии и сосредоточения археологических памятников природного объекта. В результате была создана археологическая карта плоскогорья – зафиксировано свыше 400 археологических памятников, включая могильники, поселения, наскальные изображения, каменные изваяния, ритуальные выкладки, святилища, этнографические комплексы. Каждый объект был снабжен легендой, топографическим и графическим планом, привязкой по системе координат. Более того, все эти данные были опубликованы в специальной монографии [Молодин и др., 2004].

Во-вторых, в результате целенаправленных раскопок археологических памятников различных эпох и культур была разработана хроностратиграфия развития историко-культурных процессов в южной части Российского Алтая от эпохи верхнего палеолита до этнографической современности, дающая наглядное представление о динамике и сути этого процесса [Там же, с. 203–228].

В-третьих, в ходе целенаправленного поиска была открыта и исследована серия погребальных комплексов пазырыкской культуры с мерзлотой, принадлежащих как рядовым членам этого сообщества, так и представителям среднего сословия. Работы выполнялись на основе самой современной методики, с применением мультидисциплинарного подхода на стадии полевых и камеральных исследований. Кроме того, все полученные реалии, в том числе и биологические объекты, незамедлительно подвер-

гались консервации и реставрации. Особенно яркий комплекс был исследован профессором, а ныне членом-корреспондентом РАН Н. В. Полосьмак. Это курган памятника Ак-Алаха-3, в котором обнаружено мумифицированное захоронение молодой женщины из среднего слоя пазырыкского общества. В результате последующих мультидисциплинарных исследований материалов из замерзших захоронений пазырыкской культуры удалось получить уникальную научную информацию, касающуюся материальной и духовной культуры ее носителей, равно как и самого человека, его биологии и генофонда [Феномен..., 2000]. Данная работа была удостоена Государственной премии в области науки и технологий Российской Федерации.

Вторая международная исследовательская программа, действующая на протяжении более двадцати последних лет, была и остается связанной с изучением первоначального появления человека на территории Северной Азии (в том числе в Горном Алтае), с оценкой изменения среды его обитания, динамики взаимодействия природного окружения и человека. Эта программа реализуется под руководством директора Института археологии и этнографии СО РАН академика А. П. Деревянко.

Важнейшими результатами, полученными творческим коллективом специалистов различных направлений науки, явились открытие и изучение раннего палеолита на стоянке Карама в долине р. Ануй, возраст которой определяется в диапазоне 600–800 тыс. лет [Derevianko, Shunkov, 2009].

Многолетние мультидисциплинарные исследования, проводимые в этом же районе Алтая на Денисовой пещере, позволили не только разработать хроностратиграфию эпохи палеолита обширного района Азии [Деревянко, 2009], но в результате совместных с палеогенетиками исследований открыть еще неизвестный науке вид гоминидов, отличающийся как от *Homo sapiens*, так и от *Homo neanderthalensis* [Krause et al., 2010; Reich et al., 2010].

В 2004–2006 гг. совместной Российско-германско-монгольской экспедицией выявлен и исследован уникальный по сохранности и научной содержательности погребальный комплекс пазырыкской культуры Олон-Курин-Гол-10 [Molodin, Parzinger, Ceveendorž, 2007]. В настоящее время уникальная научная информация введена в научный оборот [Parzinger, Molodin, Ceveendorž, 2008; Молодин, Парцингер, Цэвээндорж, 2012].

Следующий международный проект, блестяще реализованный на территории Монгольского Алтая, был связан с деятельностью Российско-монгольско-американской экспедиции по изучению памятников наскального искусства (руководители проекта – д-р ист. наук В. Д. Кубарев, проф. Д. Цэвээндорж и проф. Э. Якобсон). Экспедиция обнаружила колоссальный массив наскальных изображений от эпохи верхнего палеолита до этнографической современности. Выявлены сотни замечательных композиций, изображающих бытовые и батальные сцены, а также отдельные персонажи животного мира и антропоморфные фигуры. К достижениям экспедиции следует отнести не только фронтальную фиксацию наскальных изображений, обогатившую сокровищницу человеческой культуры, но и разработку периодизации и хронологии всего массива петроглифов, по крайней мере, для данного района Алтая. Итогом работы экспедиции явилась серия прекрасных альбомов, демонстрирующих запечатленные на фото и микалентной бумаге наскальные изображения [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2006a, b].

В заключение нельзя не сказать еще об одном международном проекте по изучению Горного Алтая. Речь идет о казахстанско-французском сотрудничестве, направленном на изучение курганов пазырыкской культуры с мерзлотой в урочище Берель (Казахстан) (руководители проекта – проф. З. С. Самашев и проф. А. П. Франкфорт). Именно на Берели, как мы помним, были сделаны блестящие находки в мерзлоте академиком В. В. Радловым. Итогом совместных работ нашего времени стали несколько высокоинформативных комплексов, среди которых особенно выделяется курган № 10. Несмотря на то, что в древности он подвергся ограблению, до нас дошли великолепные высокохудожественные предметы, прежде всего из дерева. Многоплановая, тщательно обработанная научная информация существенно дополняет представления ученых о пазырыкской культуре и ее западном ареале [Самашев, 2011].

Конечно, я остановился на характеристике далеко не всех международных проектов, направленных на сохранение и изучение археологического наследия, эффективно реализованных, в том числе в Республике Алтай, однако главные упомянуты. Какие же выводы следуют из вышесказанного?

Прежде всего, очевидно, что даже краткое изложение основных фактов из истории археологического изучения региона, равно как и результатов деятельности крупных международных проектов, однозначно свидетельствует, что территория Большого Алтая – средоточие значительного количества разнообразных археологических памятников, каждый из которых содержит уникальную научную информацию. Все это богатство требует самого тщательного сохранения и качественного изучения.

Первостепенной задачей является составление детальных археологических карт означенной территории с четкой привязкой по системе координат при выполнении планиграфии и описания объектов. К сожалению, в пределах Российского Алтая такие карты существуют лишь для части административных районов, что крайне затрудняет организацию охраны и планомерного изучения памятников археологии.

Несмотря на значительные успехи в деле изучения региона, открытие ярких и самобытных памятников и культур, следует признать, что далеко не все районы Большого Алтая исследованы глубоко и равномерно. Существует немало лакун, требующих целенаправленного научного поиска, разработки схем историко-культурного развития отдельных территорий.

Кроме того, систематические раскопки неизбежно приводят к накоплению новых фактов, что ведет порой к серьезному дополнению и уточнению уже имеющихся культурно-исторических схем, а иногда даже к их переосмыслению. Естественно, что все это требует ежегодного продолжения раскопок в интересующем нас регионе. Другое дело, что полевые исследования сегодняшнего дня мало напоминают те работы, которые проводились еще совсем недавно. Широкое использование методов естественных и точных наук в процедуре научного поиска требует оснащения экспедиции современными техническими средствами, привлечения к работе специалистов естественных и точных наук, снабженных специальным инструментарием.

Наконец, следует иметь в виду, что территория Горного Алтая, как у нас в стране, так и в соседних государствах, все чаще подвергается интенсивному антропогенному воздействию. В результате возникает насущная потребность в проведении охранно-спасательных работ в зонах планируемых промышленных разработок и строительства. Данная проблема

становится все более актуальной для страны. Реальная угроза разрушения, а порой и разграбления памятников настоятельно диктует необходимость создания государственной археологической службы, деятельность которой должна быть направлена на экстренное решение проблем охраны и изучения археологического наследия. Сегодня, когда такая служба еще не создана, перед всем научным сообществом стоит острая проблема качественной организации таких работ, исключающих всякую профанацию. В конечном счете, все это делает в высшей степени актуальным совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере сохранения и изучения культурного наследия страны.

Список литературы

Деревянко А. П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 328 с.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Ч. 2: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – 234 с.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. – 232 с.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 362 с.

Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.

Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.

Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.

Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 171 с.

Могильников В. А. Курганы Кызыл-Джар I, VIII – памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 3–39.

Молодин В. И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). – М.: Триумф-принт, 2012. – 565 с.

Молодин В. И., Полосьмак Н. В., Новиков А. В., Богданов Е. С., Слюсаренко И. Ю., Черемисин Д. В. Археологические памятники на плоскогорье Укок (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 254 с.

Окладников А. П. Улалинка – древнепалеолитический памятник Сибири // Палеолит и неолит СССР. – Л.: Наука, 1972. – Т. 7. – С. 7–19.

Радлов В. В. Из Сибири (страницы дневника). – М.: Наука, 1989. – 718 с.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.

Самашев З. Берел. Berel. – Алматы: Таймас, 2011. – 234 с.

Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурной принадлежности. – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, Горно-Алт. отд-ние, 1988. – 165 с.

Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 318 с.

Derevianko A. P., Molodin V. I. The Russian-Japanese "Pazyryk" Programme of the First Year of Joint Studies // Ansient Civilizations from Schythia to Siberia. Internat. J. of Comparative Studies in History and Archaeology. – 1994. – Vol. 8. – N 3. – P. 307–311.

Derevianko A. P., Shunkov M. V. Development of Early Human Culture in Northern Asia // Paleontological J. – 2009. – N 8. – P. 31–39.

Jacobson B., Kubarev V., Tseevendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. – P.: De Boccard, 2006a. – 48 p. – (Répertoire des Petroglyphes d'Asie centrale; N 6).

Jacobson B., Kubarev V., Tseevendorj D. Mongolie Ouest Haut Tsagan Gol. – P.: De Boccard, 2006b. – 444 p. – (Répertoire des Petroglyphes d'Asie centrale; N 7).

Krause J., Fu Q., Good M., Viola B., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Pääbo S. The Complete Mitochondrial DNA Genome of an Unknown Hominin from Southern Siberia // Nature. – 2010. – Vol. 464. – P. 894–897.

Kubarev V. D., Jacobson E. Sibérie du Sud 3: Kalbak-Tash I (République de l'Altai). – P.: De Boccard, 1996. – 662 p. – (Répertoire des Petroglyphes d'Asie centrale; N 3).

Molodin V. I., Parzinger H., Ceveendorž D. Krigergrad von Olon-Kurin-Gol // Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. – Munchen; Berlin; L.; N. Y., 2007. – S. 148–155.

Parzinger H., Molodin V., Cevendorž D. Der skythenzeitliche kriger aus dem Eis: Neue entdeckungen im Mongolischen Altai. – Amsterdam, 2008. – 66 S.

Reich D., Green R. E., Kircher M., Krause J., Patterson N., Durand E. Y., Viola B., Briggs A. W., Stenzel U., Johnson P. L. E., Maricic T., Good J. M., Marques-Bonet T., Alkan C., Fu Q., Mallick S., Li H., Meyer M., Eichler E. E., Stoneking M., Richards M., Talamo S., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Hublin J. J., Kelso J., Slatkin M., Pääbo S. Genetic History of an Archaic Hominin Group from Denisova Cave in Siberia // Nature. – 2010. – Vol. 468. – N 7327. – P. 1053–1060.

ПАДНОЙ СИБИРИ
СИБИРСКАГО
ПРОИЗШЕДШИХЪ ВЪ
РОССІЙСКО

1.8. Неизвестная Сибирь: новейшие археологические открытия*

Территория Урала, Сибири, Дальнего Востока представляет собой единое пространство, объединенное общим названием «Северная Азия». Протекающие на этой территории историко-культурные процессы с момента первоначального появления здесь человека (не говоря уже о Новом и Новейшем времени) теснейшим образом связаны. Судьбы проживающих на данной территории многочисленных коренных народов переплетаются порой самым удивительным образом!

Распознать эти процессы, представить себе историческое прошлое коренных сибирских народов невозможно без археологии. Дело в том, что письменные источники, на основании которых реконструируются исторические процессы, появляются в Северной Азии, по сравнению с более южными центрами, достаточно поздно. Появление письменных источников принято связывать со сложением в Центральном Азии и на юге Сибири государства, именуемого Первым тюркским каганатом, что относится к VI–VII вв. Однако и дошедшее до нас так называемое руническое письмо древних тюрок, расшифрованное членом-корреспондентом АН СССР Сергеем Ефимовичем

*Впервые опубликовано в журнале «Вестник Уральского отделения Российской академии наук. Наука. Общество. Человек» (2013. № 1 (43). С. 118–127).

Маловым, содержит ничтожно мало информации для понимания и реконструкции историко-культурных процессов, протекавших на данной территории. Кроме того, в таежную зону Северной Азии письменность была принесена только первыми русскими землепроходцами и мореплавателями, а значит, появилась здесь фактически не ранее XVII в.!

Вместе с тем человек в рассматриваемом регионе, по крайней мере – на Алтае, по последним данным, появился около 800 тыс. лет тому назад. Следовательно, для того чтобы реконструировать и понять историческое содержание этого гигантского по времени периода, мы обладаем только данными, полученными благодаря археологическим раскопкам. Археология «поставляет» существенную научную информацию, касающуюся не только исторического прошлого, но и существовавшего в тот или иной период растительного и животного мира, среды обитания, а также и самого человека (например, о его антропологическом типе, возможных патологических особенностях, палеодемографической ситуации и даже о его генетическом коде).

Качественно новые возможности в получении чрезвычайно важной научной информации у археологов появились благодаря системному использованию мультидисциплинарного подхода к анализу изучаемых при раскопках источников, а также, что не менее важно, к их интерпретации. В условиях Сибирского отделения РАН мультидисциплинарные исследования, когда совместно с археологами в рамках специальных конкурсных научных проектов активно работают специалисты самых разных направлений научного поиска, пользуются особой популярностью. Сегодня мы имеем опыт эффективного сотрудничества с геофизиками и геологами, биологами и генетиками, физиками и химиками, математиками и программистами. Только за последние годы в рамках конкурсов по мультидисциплинарным проектам было издано и подготовлено к изданию около десятка коллективных монографий [Население…, 2003; Текстиль…, 2006; Физико-химические исследования…, 2006; Глобальные и региональные изменения…, 2008].

Речь пойдет о новейших открытиях сибирских ученых, причем об открытиях, без преувеличения, мирового класса. Как правило, каждое из этих открытий было подготовлено

годами целенаправленного научного поиска в активном творческом сотрудничестве с нашими отечественными и зарубежными коллегами.

«Жемчужина Азии», как по праву называл Николай Константинович Рерих Горный Алтай, занимает значительную территорию Северной и Центральной Азии. Сегодня этот регион входит в состав России, Казахстана, Монголии и Китая. Здесь проживает многонациональное население, имеющее богатейшее историческое прошлое, корни которого уходят в глубокую древность. Именно здесь, на территории Горного Алтая, ранее, чем где-либо в Северной Азии, появился первый человек, активно развивались популяции древнекаменного века с высокоразвитой индустрией и искусством. Здесь сложилась яркая и самобытная каракольская культура эпохи бронзы с древнейшей на территории Евразии полихромной живописью. Здесь обитали носители удивительной пазырыкской культуры скифского времени, оставившие замерзшие погребальные усыпальницы, которые сохранили до нашего времени неповторимый колорит культуры, в том числе и мумифицированные тела ее носителей. Здесь зародилась кочевническая империя могущественных хунну, создавшая неповторимую высокохудожественную культуру, аккумулировавшая передовые достижения западной и восточной цивилизаций, наложившая колоссальный отпечаток на ход истории в Евразийском пространстве. Потомки носителей этих ярких и самобытных культур по-прежнему живут на этой благодатной земле, творят ее настоящее и будущее. Сегодня очевидно, что невозможно объективно оценивать ход мировой истории на территории всего Евро-Азиатского субконтинента без Большого Алтая. Без преувеличения можно сказать, что именно археологии современная цивилизация обязана своими знаниями об историческом прошлом населения Северной и Центральной Азии с момента появления здесь человека (т. е. около миллиона лет тому назад). При этом, учитывая известную ограниченность письменных источников, роль археологии остается достаточно значимой при изучении истории населения этой части Азии вплоть до Нового времени.

Отдавая должное вкладу международного научного сообщества в изучение древней истории Алтая, хочу подчеркнуть несомненный приоритет российской (советской) науки, учитывая не только широту охвата, но и глубину сделанного.

Прежде всего, я хочу остановиться на одном из открытий, без преувеличения, мирового класса, о котором уже немало рассказывали СМИ. Международные научные журналы с самым высоким рейтингом – «Nature» и «Science» – поместили несколько статей, посвященных этому событию.

На протяжении более двадцати последних лет в Институте археологии и этнографии СО РАН под руководством академика Анатолия Пантелеевича Деревянко реализуется международная исследовательская программа, направленная на изучение проблем первоначального появления человека в Северной Азии, изменения среды его обитания, динамики взаимодействия древнейшего человека и его природного окружения. Важнейшим достижением творческого коллектива ученых явилось открытие стоянки раннего палеолита Карама, расположенной на северо-западе Горного Алтая, в долине р. Ануй. Здесь, в средних и нижних отложениях многометрового разреза *in situ* обнаружены серии архаичных галечных изделий раннепалеолитического облика. Наиболее важным результатом является то обстоятельство, что в четких стратиграфических условиях надежно зафиксирована культурная последовательность горизонтов обитания древнего человека с яркой каменной индустрией, возраст которой определен при помощи различных методов в диапазоне 600–800 тыс. лет [Derevianko, Shunkov, 2009]. Впервые в мировой археологии академиком А. П. Деревянко разработана исчерпывающая схема развития палеолита Алтая, основанная на результатах значительных по объему интеграционных работ, аккумулирующих гуманитарные и естественно-научные знания [2009; 2011]. Результатом миграции древнейших гоминидов являются самые древние культуры Алтая и Южной Сибири (возрастом 0,8–0,3 млн лет), связанные с галечными культурами Африки и ашельскими – Ближнего Востока. На базе последних технокомплексов вырастает среднепалеолитическая культура региона. Результатом палеогенетических исследований костей человека из пещеры им. Окладникова явилось выделение неандертальской митохондриальной ДНК, что решило вопрос о видовом статусе части гоминидов Алтая, определив восточную границу распространения неандертальцев в Евразии.

Широкомасштабные мультидисциплинарные исследования проводятся все эти годы в Денисовой пещере, рядом с которой

активно функционирует научный стационар Института археологии и этнографии. Особенно яркие открытия были получены в пещере в последнее время. Здесь надежно стратиграфически зафиксировано одно из наиболее ранних проявлений верхнего палеолита в Евразии возрастом порядка 50 тыс. лет. Яркая каменная индустрия дополнена набором костяных и каменных предметов, связанных с иррациональной деятельностью человека [Деревянко, 2011]. Кроме того, получены антропологические данные, позволяющие определенно говорить о существовании ранее неизвестной популяции ископаемого человека, названного «денисовцем» или «человеком алтайским» (*Homo altaiensis*). По результатам палеогенетического анализа, выполненного в Институте эволюционной антропологии Макса Планка (г. Лейпциг, Германия), фаланга пальца, найденная в восточной галерее Денисовой пещеры, принадлежала представителю до сих пор неизвестной генеалогической линии гоминидов, существенно отличавшихся по типу митохондриальной и ядерной ДНК как от *Homo sapiens*, так и от *Homo neanderthalensis* [Krause et al., 2010; Reich et al., 2010]. Таким образом, это открытие весьма значительно дополняет наши представления о сценарии формирования человека современного типа, причем не только в Сибири.

Не могу не поделиться достижениями последних лет, полученными Западно-Сибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН по изучению культур эпохи неолита и бронзы Обь-Иртышского междуречья – Барабинской лесостепи. Данная территория на протяжении всей эпохи голоцена была населена человеком. Достаточно комфортно чувствовали себя здесь носители разных форм экономики: охотники и рыболовы, скотоводы, культивирующие как отгонное, так и кочевое скотоводство.

Замечательным открытием 2012 г. стал погребальный комплекс неолитической эпохи, обнаруженный в Центральной Барабе. Это захоронение взрослой женщины, тело которой было помещено в могильную яму в положении сидя и сопровождалось набором крупных каменных орудий [Молодин, 2012]. Особенно интересны ранее неизвестные элементы погребальной практики. Так, вместе с женщиной были похоронены еще не менее восьми человек, останки которых представлены разными частями скелета. Захоронение сопровождалось каменными и костяными

орудиями. Кроме того, центральное захоронение было обнесено по кругу системой прерывистых рвов, огораживающих сакральное пространство. С учетом морфологии каменных орудий и полученных радиоуглеродных дат, этот уникальный комплекс был отнесен к концу VI – началу V тыс. до н. э. Судя по антропологическому типу, носителями данной культуры были северные таежные монголоиды, содержащие, по определениям палеогенетиков, гаплогруппу A10, по-видимому, исконную для популяций раннего голоцена данного региона. Более того, данные палеогенетики, полученные в результате изучения последующих культур эпохи бронзы, позволяют найти этому тезису блестящие подтверждения.

Серьезные научные достижения связаны с изучением культур эпохи бронзы (IV–II тыс. до н. э.) в Западной Сибири. Конечно, как и открытия наших коллег, палеолитчиков, они подготовлены десятилетними активными полевыми исследованиями на серии базовых археологических памятников – поселенческих и погребальных комплексов, к числу которых я бы отнес такие, как некрополи Сопка-2 и Тартас-1, городище Чича и т. д.

Мультидисциплинарные исследования, проводимые здесь ежегодно, позволили не только значительно усовершенствовать схему культурно-исторического развития в Обь-Иртышской лесостепи за три тысячи лет эпохи бронзы, но и продвинуться в нашем понимании проблем этногенеза носителей культур, определить направления миграционных потоков, а также их причины и следствия. Приведу лишь несколько открытий, особо важных не только для сугубо локального региона, но и в целом для эпохи бронзы Западной Сибири.

В 2010 г. нами был изучен участок на могильнике Тартас-1, где на небольшой площадке, по удивительно удачному стечению обстоятельств, оказались захоронения практически всех известных на сегодняшний день в регионе археологических культур ранней и развитой бронзы [Молодин и др., 2011]. В результате удалось абсолютно надежно установить временную последовательность различных культурных комплексов. Так, захоронение № 422 усть-тартассой культуры ранней поры бронзового века перекрыто погребением № 379 одиновской культуры периода ранней–развитой бронзы. В свою очередь, одиновские захоронения № 382–384, 410 были перерезаны и перекрыты погребениями кротовской культуры (развитая бронза) № 381 и 409.

Кроме того, усть-тартасские захоронения были перерезаны еще и могилами позднекротовской культуры № 405 и 414. Таким образом, полученные результаты в целом подтверждают историко-культурную концепцию развития и смены археологических культур в регионе, что трудно переоценить.

Продолжая начатую тему, я бы особо отметил палеогенетические исследования упомянутых выше культур эпохи бронзы, уже давшие интереснейшие результаты.

На протяжении ряда лет межинститутский коллектив из сотрудников Института археологии и этнографии СО РАН и Института цитологии и генетики СО РАН, включающий археологов, палеогенетиков и антропологов, осуществляет масштабное исследование населения лесостепной зоны Западной Сибири различных периодов эпохи голоцена. Целью этой программы является анализ генетического состава древнего населения региона методами палеогенетики и выявление динамики генетической структуры популяций на протяжении тысячелетий. При сопоставлении полученных генетических результатов с данными археологии и антропологии выявляются популяционно-демографические процессы, обусловившие формирование генетического состава населения. В результате мы осуществляем комплексную реконструкцию взаимосвязанных этногенетических и культурогенетических процессов в регионе [Molodin et al., 2012]. Особенно важно подчеркнуть объективность такой реконструкции, основанной на достоверных и проверяемых данных. Это первое масштабное исследование такого рода в нашей стране, а по ряду параметров, таких как, например, репрезентативность исследуемых серий образцов, оно является пионерным на мировом уровне.

Стартовым и основным районом для нашего исследования является Барабинская лесостепь, расположенная в междуречье Оби и Иртыша. Для этой территории нами выполнено исследование обширных серий образцов (общей численностью более двухсот) митохондриальной ДНК населения различных периодов эпохи бронзы. Прослежена динамика генетического состава населения на протяжении четырех тысячелетий. Выявлены компоненты, маркирующие генетическую преемственность между разновременными группами. С другой стороны, установлены компоненты, появление которых связано с конкретными миграционными

волнами в регионе, ранее зафиксированными методами археологии. Например, миграция андроновского (федоровского) населения в Западную Сибирь сопровождалась появлением в генофонде линий гаплогруппы Т митохондриальной ДНК. Построено филогенетическое дерево митохондриальной ДНК древних этнокультурных групп, населявших регион в эпоху бронзы.

В настоящее время мы активно расширяем как хронологические, так и территориальные рамки нашего исследования. Так, для Барабинской лесостепи мы движемся по пути получения полного хронологического среза генетического состава населения – от эпохи неолита, к которой относятся наиболее ранние доступные для исследования материалы, до позднего Средневековья и Нового времени. Таким образом, для этого региона мы реконструируем генезис населения от формирования состава ранних групп до сложения генофонда современных аборигенных популяций. Параллельно мы начали аналогичные исследования для других территорий – Кузнецкой котловины, Горного Алтая, Верхнего Приобья, Байкальского региона.

Другим направлением развития нашей исследовательской программы является увеличение набора генетических маркеров, которые мы анализируем. Так, помимо митохондриальной ДНК, отражающей, в первую очередь, историю формирования женской части древних популяций, мы проводим анализы маркеров Y-хромосомы, отражающей историю мужской части населения. В результате мы получим комплексную картину генезиса состава населения в регионе.

Следует отметить, что палеогенетические исследования проводятся на базе Межинститутского сектора молекулярной палеогенетики Института цитологии и генетики и Института археологии и этнографии СО РАН в специально оборудованных чистых помещениях, отвечающих высокому мировому уровню оснащения палеогенетических лабораторий. Получаемые результаты соответствуют строгим требованиям достоверности, предъявляемым к палеогенетическим данным.

В начале XXI в. были получены замечательные научные результаты, существенно расширившие наши представления об очень сложной исторической эпохе, какой является переходное от бронзы к железу время, которое в Западно-Сибирском регионе приходится на конец II – начало I тыс. до н. э. Речь идет о широко-

масштабных многолетних исследованиях, проведенных на городище Чича, расположенном в акватории оз. Чаны, в Центральной Барабе. Основные раскопки на памятнике были произведены российско-германской экспедицией Института археологии и этнографии СО РАН и Германского археологического института (руководители работ – акад. В. И. Молодин и проф. Г. Парцингер).

Благодаря проведенным на памятнике геофизическим исследованиям установлено, что площадь его составляет около 50 тыс. м^2. Выявлена сложная круговая система фортификации, где особо была укреплена цитадель. Городище окружено системой рвов и валов, обнаружены развалы глинобитных стен. Отмечена строгая планировка жилых и хозяйственных сооружений, образующих подобие улиц. Рядом с городищем зафиксирован одновременный некрополь. Исследована площадь свыше 4 тыс. м^2. Было раскопано около 20 жилых и хозяйственных сооружений. В разных местах памятника изучена оборонительная система, являвшаяся функционально неоднородной. На некрополе исследовано более 20 захоронений. Жилища представляли собой однокамерные и двухкамерные полуземлянки подпрямоугольной в плане формы, полезной площадью до 200 м^2, с выраженным коридорообразным входом. Они имели прямые стены, внутри были сложены очаги. Хозяйственные сооружения были аналогичной архитектуры, но меньших размеров. Типичным являлось захоронение мальчиков в пределах жилища. Данная традиция уходит корнями в Среднюю Азию. Морфологически разноплановый комплекс керамики, существовавший на памятнике в одно и то же время, ярко демонстрирует фратриальное деление проживающего на городище сообщества. Генетические различия младенцев, похороненных на разных участках городища, подтверждают данное предположение. Различие митохондриальной ДНК детей, погребенных в пределах одного жилища, свидетельствует либо о полигамном характере семьи, либо о проживании в одном сооружении нескольких семей.

Серия бронзовых датирующих предметов (наконечники стрел, ножи) и внушительная серия радиоуглеродных дат позволяют надежно датировать весь комплекс второй половиной X – VIII в. до н. э.

Кроме огромного керамического комплекса и бронзовых предметов, на памятнике обнаружен представительный набор

изделий из рога и кости (оружие, орудия труда, конская упряжь). В жилищах, в районах очагов, найдены скопления литейных форм, тиглей, что свидетельствует о развитом бронзолитейном производстве. Оригинальными изделиями, несомненно, связанными с иррациональной деятельностью человека, являются глиняные антропоморфные скульптурки с ярко выраженным мужским и женским началом. Контекст их обнаружения (специальные ямки в полу жилищ) свидетельствует о специфичной обрядовой деятельности автохтонного населения. Обилие костей животных говорит о скотоводческом характере экономики. При этом, обитатели разных участков городища реализовывали различные модели скотоводства (культивируя к тому же разные породы животных). Так, автохтонному населению было присуще пастушеское скотоводство, тогда как пришельцам с юго-запада, запада – по-видимому, полукочевое. Такая специфика скотоводческого хозяйства, требующая особых видов пастбищных угодий, возможно, является одной из причин совместного проживания в пределах одного поселения разных в культурном и этническом отношении групп населения.

Выявленные особенности экономического и социокультурного уклада обитателей городища позволяют предполагать наличие у них зачатков классовых отношений [Чича…, 2009].

В 2004–2006 гг. на территории Монгольского Алтая (Северо-Западная Монголия) в рамках международного российско-германско-монгольского проекта (руководители акад. В. И. Молодин, проф. Парцингер и проф. Д. Цэвээндорж) исследован «замерзший» погребальный комплекс пазырыкской культуры Олон-Курин-Гол-10 [Molodin, Parzinger, Ceveendorž, 2007]. Данный памятник маркирует южную границу распространения пазырыкской культуры. По содержанию, сохранности и совокупности обнаруженных предметов он может быть назван эталонным. Благодаря мерзлоте прекрасно сохранились, в частности, высокохудожественные предметы из дерева, одежда, обувь, шуба характерного кроя из меха соболя и белки. Исследовательский проект ярко продемонстрировал возможности интеграции наук гуманитарного (археология) и естественного (геофизика, генетика, мерзлотоведение, микробиология) профиля, а также творческого взаимодействия нескольких научных школ (российской, немецкой, монгольской).

В рамках проекта проведено дендрохронологическое изучение древесины из могильников пазырыкской культуры в Северо-Западной Монголии и сопоставление полученных данных с дендрошкалами российской части Южного Алтая (плато Укок и Чуйская котловина). В результате этого установлены как относительные, так и абсолютные даты сопоставляемых комплексов. Все даты попали в короткий, около 40 лет, промежуток времени. По ^{14}C данный интервал датируется концом IV – началом III в. до н. э. Таким образом, для этого района Алтая подтвердился очень короткий период существования пазырыкской культуры.

Без преувеличения можно сказать, что человечество обогатилось уникальными комплексами, научную и культурную значимость которых трудно переоценить. Это тем более актуально в связи с последующими событиями, которые произошли в истории Центральной Азии и повлекли за собой серьезные последствия, а порой и трагические потрясения в Сибири, да и в Евразии в целом. Здесь речь идет о могущественных хунну, уже в этот период вступивших в первые контакты со своими северными соседями.

Новые удивительные страницы в истории империи хунну открыли работы российско-монгольской экспедиции (руководители – чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак и проф. Д. Цэвээндорж) на некрополе Ноин-Ула на севере Монголии.

Изучение ноин-улинских курганов имеет свою историю, во многом загадочную, а порой и драматичную, связанную с именем выдающегося отечественного ученого, путешественника, любимого ученика великого Пржевальского – Петра Кузьмича Козлова.

Именно его экспедиция в труднейшие 1920-е гг. исследовала на севере Монголии несколько курганов могильника Ноин-Ула, где были получены удивительные находки, принадлежавшие хуннской знати. Исследованные К. В. Тревер [1931] и С. И. Руденко [1962], эти материалы и на пороге XXI в. оставались по-прежнему привлекательными и во многом загадочными для ученых.

В 2006 г. российско-монгольская экспедиция произвела в Ноин-Уле новые раскопки (программа этих работ была успешно завершена в 2012 г.). В беспрецедентно короткие сроки, всего за полгода, Н. В. Полосьмак был раскопан курган № 20 Ноин-Улинского могильника [Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж,

2011]. Причем исследован он был в полном соответствии с современными методическими нормами (чего, к сожалению, по понятным причинам, невозможно было требовать от раскопок экспедиции П. К. Козлова).

Внешне курган представлял собой обычную для хунну конструкцию – усеченную земляную пирамиду с примыкающей шахтой дромоса. Могила, постепенно сужаясь, ступеньками уходила вглубь (казалось, ей не будет конца). Только к началу ноября археологи вышли на перекрытие погребального сруба, который находился на 19-метровой глубине!

Несмотря на то, что курган (как, впрочем, и все остальные объекты на памятнике) был потревожен грабителями, его погребальная камера содержала феноменальные находки! В заполнении ямы находилась китайская колесница (у хунну колесницы всегда сопровождали знатного человека в иной мир). В погребальной камере были обнаружены золотые и серебряные бляхи (также китайского производства), украшенные изображениями животных, в том числе и фантастических. Особенно замечателен серебряный фалар с изображением античного сюжета «сатир и богиня (Артемида)». Фалар, несомненно, выполнен далеко на западе, в Римской империи. Не исключено, что он принадлежал кому-то из римских легионеров, воевавших в Передней Азии, и попал к хунну в качестве трофея.

Совершенно уникальными оказались остатки тканей, украшенных великолепной сюжетной вышивкой, без сомнения, переднеазиатского происхождения. Вышиты были не только портреты воинов, но и многочисленные сцены, что позволило предложить реконструкции обрядовой практики и других действий, изображенных на этих полотнах. Выдающимися находками явились китайские лаковые чашечки с иероглифическими надписями, позволившие датировать комплекс практически с точностью до года.

Любопытно, что и последующие раскопки курганов Ноин-Улы, менее крупных и с более мелкими могилами, демонстрировали сходный, синкретичный по сути состав погребальных предметов восточного (китайского) и западного (переднеазиатского и даже римского) происхождения. Конечно, это во многом свидетельствует о тех составляющих, которые были аккумулированы хунну и активно использовались в

погребальной практике, а значит, и в обиходе высшим слоем хуннской знати. Очевидно, что уже в конце I в. до н. э. – начале I в. н. э. это было мощное раннегосударственное объединение, способное аккумулировать передовые достижения восточной и западной цивилизаций и составить им ощутимую конкуренцию.

Как видно, начало XXI в. было ознаменовано целым рядом блестящих научных открытий в области археологии. Неизвестная Сибирь делится с нами своим сокровенным, своими тайнами и загадками. Представляется, что современная археология, на вооружение которой поступают все новые методы естественных и точных наук, способна вновь порадовать нас неожиданными находками.

Кроме того, и это, может быть, самое главное, сегодня сибирскую археологию изучает мощный отряд специалистов, представляющих институты Российской академии наук, университетские и музейные центры. Замечательно, что наряду с опытными учеными старшего поколения этот творческий коллектив ежегодно пополняет талантливая молодежь, одухотворенная романтикой научного поиска, вооруженная новейшими знаниями и имеющая вкус к мультидисциплинарным исследованиям. Я с полным оптимизмом смотрю в будущее: впереди нас ждут новые замечательные открытия.

Список литературы

Глобальные и региональные изменения климата и природной среды позднего кайнозоя в Сибири – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – 511 с. – (Интеграционные проекты СО РАН; вып. 16).

Деревянко А. П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 328 с.

Деревянко А. П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного антропологического типа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 560 с.

Молодин В. И. Послание из новокаменного века // Наука из первых рук. – 2012. – № 3. – С. 14–19.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Новикова О. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С., Ефремова Н. С., Соловьев А. И. К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней–развитой бронзы

на памятнике Тартас-1 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 3. – С. 40–56.

Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы. (По данным археологии, антропологии, генетики). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 286 с. – (Интеграционные проекты СО РАН; вып. 1).

Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. – 184 с.

Руденко С. И. Культура хуннов и ноин-улинские курганы. – М., Л.: Наука, 1962. – 203 с.

Текстиль из «замерзших» могил Горного Алтая IV–III вв. до н. э. (Опыт междисциплинарного исследования). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – 267 с. – (Интеграционные проекты СО РАН; вып. 5).

Тревер К. В. Находки из раскопок в Монголии 1924–1925 гг. // Сообщ. Гос. акад. истории материальной культуры. – 1931. – Вып. 9/10. – С. 40–47.

Физико-химическое исследование керамики (на примере изделий переходного времени от бронзового к железному веку). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – 98 с. – (Интеграционные проекты СО РАН; вып. 6).

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск, Берлин: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – 248 с.

Derevianko A. P., Shunkov M. V. Development of Early Human Culture in Northen Asia // Paleontological J. – 2009. – N 8. – P. 31–39.

Krause J., Fu Q., Good J., Viola B., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Pääbo S. The Complete Mitochondrial DNA Genome of an Unknown Hominin from Southern Siberia // Nature. – 2010. – Vol. 464. – P. 894–897.

Molodin V. I., Parzinger H., Ceveendorž D. Das Krigergrab von Olon-Kurin-Gol // Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. – München; Berlin; L.; N. Y., 2007. – S. 148–155.

Molodin V. I., Pilipenko A. S., Romaschenko A. G., Zhuravlev A. A., Trapezov R. O., Chikisheva T. A., Pozdnyakov D. V. Human Migrations in the Southern Region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, Paleogenetic and Anthropological data // Population Dynamics in Prehistory and Early History. New Approaches Using Stable isotopes and Early History. New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics. – Berlin; Boston, 2012. – P. 93–111.

Reich D., Green R. E., Kircher M., Krause J., Patterson N., Durand E. Y., Viola B., Briggs A. W., Stenzel U., Johnson P. L. E., Maricic T., Good J. M., Marques-Bonet T., Alkan C., Fu Q., Mallick S., Li H., Meyer M., Eichler E. E., Stoneking M., Richards M., Talamo S., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Hublin J. J., Kelso J., Slatkin M., Pääbo S. Genetic History of an Archaic Hominin Group from Denisova Cave in Siberia // Nature. – 2010. – Vol. 468. – N 7327. – P. 1053–1060.

2.

ТВОРЦЫ СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

2.1. Владимир Бобров – исследователь сибирских древностей*

Как быстро летит время! Кажется, еще совсем недавно мы были молодыми и бесшабашными, непосредственными и открытыми! Все еще только начиналось, все было впереди! А оказывается, как же давно это было! Вот и другу моему, Володе Боброву, уже 60, да и мне до этого рубежа осталось недалеко (если, конечно, Бог даст). Однако для меня Бобров навсегда останется Володей. И не потому, что нас связывает сорокалетняя (подумать только!) дружба. Бобров остался таким же молодым, как и раньше. Душа у него молодая – вот в чем дело, поэтому и язык как-то не поворачивается назвать его юбиляром.

Последние десять лет каждую осень Володя вместо отпуска приезжает в мой отряд, в прекрасную Барабу. Мы наслаждаемся совместной работой, общением, по выходным ездим на утиную охоту. Я уже и не представляю этих удивительных осенних дней без Боброва, да и ему, думаю, они тоже дороги.

Бобров, как всегда (и десять, и двадцать лет назад), в отряде в центре внимания. Студенты и остальные сотрудники его просто боготворят. Своим здоровым юмором он располагает

*Впервые опубликовано в книге «Владимир Васильевич Бобров: биобиблиография» (Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 5–12).

к себе окружающих. На раскопе работает с юношеским азартом и каким-то самозабвением. Вот это нескончаемое стремление к познанию нового, любовь к науке, конечно же, не могут не заражать всех членов отряда. Вовремя и по делу отпущенная острота, тонкая шутка делают тяжелую земляную работу даже на осеннем морозе приятной. Все хотят работать именно на том объекте, которым руководит Владимир Васильевич. Да и вечером у костра, где традиционно собирается почти весь отряд, он остается в центре внимания. И песню добрую затянет, и забавную историю из экспедиционной жизни поведает. Но главное для него – это, конечно, наука археология, которой он бесконечно предан.

Познакомились мы, когда Володя заканчивал работу над диссертацией, а я только поступил в аспирантуру. К тому времени Володя уже многое в жизни повидал: и в армии отслужил по полной, и в многочисленных экспедициях поработал (причем серьезных! – в Кузбассе и на Амуре). Такие природные качества, как доброта и обаяние, а также, видимо, то, что учился он в Кемеровском педагогическом институте, делали его незаменимым при проведении крупных экспедиций, где главной рабочей силой были студенты и школьники. Здесь он был правой рукой своего первого учителя Анатолия Ивановича Мартынова. Да и в науку он вошел стремительно: мало ведь кто из молодых начинает с издания монографии (пусть и в соавторстве с учителем), а у Боброва случилось именно так. Далось ему, конечно, все это непросто. Будучи по натуре человеком чрезвычайно ответственным, нервов на детские лагеря потратил он очень много. Да и тема его кандидатской диссертации «Образ оленя в скифо-сибирском искусстве звериного стиля (тагарская культура)» оказалась весьма непростой. До сих пор она волнует исследователей. Тем не менее молодому ученому удалось написать оригинальную работу, научная значимость которой не утрачена и сегодня. Я все подбиваю его вернуться к этой теме и издать весь тот замечательный корпус источников, который ему удалось собрать. Может быть, он когда-нибудь меня все-таки послушает… Я был на той защите Боброва, и хотя многое из того, что он излагал, было в то время для меня новым, запомнилась его манера держаться за кафедрой уверенно и свободно, а о сложных

вещах говорить просто и доходчиво. Эти качества, кстати, сохранились у него до сих пор. Конечно, у Володи были очень хорошие учителя. Это и Анатолий Иванович Мартынов, по существу, открывший Боброва для науки и давший ему ту основу, без которой вообще невозможно встать на ноги. Это, конечно, и Алексей Павлович Окладников, прививший вкус к широте мышления. Думаю, что учителем был для него и Михаил Петрович Грязнов, умевший, как никто, проникнуть в суть источника, тщательно и всесторонне проанализировать его. Уверен, что каждый из этих ученых внес в становление молодого человека как личности немалый вклад.

Говоря о наставниках нашего юбиляра, я хочу назвать еще одного человека, которого нельзя, конечно, назвать учителем Боброва, но то, что этот человек оказал очень большое влияние на становление нашего героя как личности в науке, для меня несомненно. Я имею в виду одного из самых близких Володиных друзей – Дмитрия Глебовича Савинова. Не одно десятилетие этих людей связывают творческие контакты, которые давно уже переросли в настоящую дружбу. На протяжении многих лет Савинов и Бобров вместе работали в поле, а потом написали немало блестящих статей, преимущественно посвященных эпохе бронзы. Я всегда преклонялся перед этим творческим союзом, тем более что оба этих человека мне дороги и далеко не безразличны.

Бобров родился в 1945-м, в год Великой Победы. Отец его, Василий Иванович – прошедший дорогами войны до Берлина и Праги кадровый офицер, мама, Нина Егоровна – также участник войны, и этим все сказано (по крайней мере для меня, поскольку я сам происхожу из такой же семьи и походную жизнь в военных гарнизонах представляю не понаслышке). Жизненная модель, типичная для семьи офицера, – неустроенность быта, за период учебы несколько школ, часто суровые природные условия, порой и отсутствие самого необходимого… Естественно, что на разных людей все эти «прелести» жизни действуют по-разному. Одних ломают и озлобляют, других, напротив, делают сильными и стойкими. Последнее оказалось характерным для Боброва. Трудности закалили его характер. Я, к сожалению, близко не знаком с Володиными родителями, однако, судя по его рассказам, могу однозначно сказать, что

это по-настоящему красивая пара, рука об руку прошедшая долгую жизнь, и сегодня – надежный тыл и опора для Володи.

Наверное, такие черты характера, как честность, порядочность, принципиальность (последнее, кстати, зачастую в ущерб себе), унаследованы Володей от своих замечательных родителей. Они помогли ему по-настоящему встать на ноги.

Защитив кандидатскую диссертацию, Бобров остался работать в родном институте. Именно в это время археологическое направление находилось здесь в стадии становления. Организаторский талант Анатолия Ивановича Мартынова сделал свое дело. В пединституте появилась едва ли не первая в стране (не считая Москвы и Ленинграда) кафедра археологии. Была создана археологическая лаборатория. Молодой кандидат наук активно включился в эту работу. И хотя основной акцент был сделан на изучение археологических памятников тагарской и таштыкской культур (иными словами, скифского и гунно-сарматского времени), Бобров, работая в этом направлении, находит свою нишу. Справедливо полагая, что эпоха неолита, да в значительной степени и бронзы, изучена в регионе совершенно недостаточно, Владимир определяет для себя новое исследовательское направление и берется за его реализацию. Выкраивая время, находя деньги, он проводит целенаправленные разведки, а потом и раскопки поселений и могильников эпохи неолита и бронзы. Новые материалы ставят перед ученым весьма непростые проблемы. Вопросов пока гораздо больше, чем ответов. Я прекрасно помню то время. После каждого полевого сезона мы встречались на конференциях, когда Бобров с восторгом рассказывал о новых открытиях, не стеснялся советоваться (я все же занимался неолитом и бронзой всю свою научную жизнь). А сколько прекрасных вечеров могу вспомнить, когда дискуссии наши затягивались чуть ли не до утра! В эти годы нам не раз удавалось поработать вместе и в поле. Особенно памятным для меня был полевой сезон 1977 г., когда мой шеф, академик А. П. Окладников, поручил мне раскопки Шестаковской палеолитической стоянки. Дело было для меня совершенно новым, и как же я был благодарен Боброву, когда он на целый месяц приехал помочь! Бросив все свои дела, которых, конечно же, хватало. Да и Айдашинская

пещера, ее раскопки, а потом написание совместной книги без Володи были бы невозможны, во всяком случае, за тот срок, за который мы это сделали.

Наверное, именно в эти годы происходит становление Боброва как первоклассного вузовского преподавателя. И дело даже не в том, что он довольно рано становится доцентом, – именно в эти годы у него появляются ученики. В Кемеровском государственном университете он читает целый ряд основных курсов, активно помогает А. И. Мартынову в кафедральных делах.

И, конечно же, огромную помощь Володе всегда оказывал (и оказывает!) один из самых близких ему людей – его очаровательная Наташа, удивительно красивый во всех отношениях человек, без которой Бобров, смею это ответственно утверждать, не был бы тем Бобровым, которого мы, его друзья, так любим. В те годы Наташа ездила с Володей в экспедиции, где ему очень помогала. Вообще, Наташа, помимо природной красоты и обаяния, наделена еще и неженским умом, умением трезво и разумно взглянуть на вещи. Не раз это помогало остудить порой бьющие через край эмоции Боброва. Но бывали случаи, когда Наташа запаздывала и мой друг рубил правду-матку... Конечно, не всем и не всегда это нравилось. Одним словом, и на этом фронте, как и с выбором профессии, Боброву повезло фантастически.

Очередным, очень важным для Боброва жизненным этапом была, конечно, защита докторской диссертации. Этому событию предшествовало написание десятков статей, издание нескольких книг, среди которых я бы особо отметил монографию «Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4» – великолепно выполненное исследование, посвященное проблемам поздней поры бронзового века в Кузбассе. Книга эта сделана, с моей точки зрения, на самом высоком уровне и постоянно активно востребована научным сообществом.

Диссертацию Бобров защитил по научному докладу. Дело это особенно непростое, тем более для докторской. В очень сжатой и лаконичной форме нужно сказать о многом и многое доказать. Следует понимать еще и то обстоятельство, что выбранный Бобровым для своих исследований район во многих отношениях являлся «белым пятном» на археологической

карте Сибири. И только благодаря исследованиям Владимира Васильевича этот регион таковым быть перестал. По существу, ученым было сделано важное открытие: им была разработана периодизация историко-культурного развития в эпоху бронзы на территории Кузнецко-Салаирской ландшафтной области, выявлены закономерности поликультурного и полиэтнического развития в условиях горных экосистем Южной Сибири. Следует добавить, что Боброву принадлежит честь открытия ряда, по сути, неизвестных археологических культур в регионе. Если внимательно вдуматься в предыдущие строки, то можно констатировать, что за последние двадцать лет В. В. Бобровым, по существу, реализовано новое научное направление, связанное с изучением процессов этно- и культурогенеза в условиях горных экосистем. И, разумеется, такой вклад в историческую науку дорогого стоит.

Более десяти лет Владимир Васильевич работает на озере Танай, на самой границе Новосибирской и Кемеровской областей. В непростые для науки и образования годы ему удалось организовать крупную научную экспедицию. Самым замечательным открытием стало широкомасштабное исследование поселения самой ранней поры бронзового века (а возможно, и позднего неолита) с будничным названием Танай-4А. Экспедиция Боброва исследовала десятки древних жилищ, где получены просто удивительные материалы из камня, кости и глины. Пожалуй, я не ошибусь, сказав, что таких масштабных исследований на столь выразительном объекте, относящемся к рубежу неолита и энеолита в Сибири не производилось ни одним ученым. При этом следует особо отметить высокое качество раскопок и по-настоящему мультидисциплинарный подход к изучаемым комплексам. Подумать только, полностью исследован целый поселок, более 40 жилищ! Чего стоят только удивительные предметы пластического искусства, найденные здесь В. В. Бобровым!

Конечно же, все мы ждем от Владимира Васильевича книгу об этом замечательном памятнике. Уверен, она будет востребованной, тем более что в последние годы область научных интересов исследователя все более связана с проблемами исторических реконструкций в археологии, изучением древней цветной металлургии, социальной археологией. Хочу

особо отметить, что творческая деятельность Владимира Васильевича развивается абсолютно в ногу со временем, ибо будущее археологии, с моей точки зрения, связано, прежде всего, с мультидисциплинарным подходом к анализу источников, как в полевых, так и в лабораторных условиях. Вот и для профессора Боброва характерно стремление решать научные проблемы на интеграционной основе. В Кемерово он кооперирует научный потенциал специалистов – археологов и естественников, активно сотрудничая с химиками, физиками, биологами и генетиками. Не случайно, профессор Бобров недавно избран заместителем директора по науке созданного в Кемеровском научном центре Научно-исследовательского института экологии человека СО РАН. Уникальным опытом глубокой интеграции академической и вузовской науки явилась и созданная Владимиром Васильевичем Кузбасская лаборатория археологии и этнографии, учредителями которой явились Институт археологии и этнографии СО РАН и Кемеровский государственный университет. Только за пять лет своего существования, в стенах этого, в общем-то, небольшого подразделения, подготовлено и опубликовано 17 монографий, 5 сборников научных статей. А сколько аспирантов и студентов проходят здесь углубленную профессиональную подготовку!

Однако было бы неправильным оставить в этом очерке за кадром еще одну составляющую (может быть, даже главную составляющую!) в жизни Боброва – преподавательскую деятельность в стенах родного для него Кемеровского государственного университета. Вот уже более семи лет Бобров успешно возглавляет кафедру археологии КемГУ, созданную профессором А. И. Мартыновым. Приняв от своего учителя прекрасно работающее подразделение, Боброву удалось не только не утратить достигнутого, но в чем-то и приумножить его. Именно в этом в полной мере проявилась преемственность поколений в рамках научной школы. Не ошибусь, если скажу, что в течение ряда лет кафедра занимает лидирующее место среди гуманитарных кафедр университета. Будучи заведующим кафедрой, Бобров не оставляет активной преподавательской деятельности, читая обширные лекционные курсы, сам руководит археологической практикой студентов. С моей

точки зрения, налицо прекрасный пример, когда ученый блестяще сочетает научную и образовательную деятельность. Не менее значителен вклад Владимира Васильевича в подготовку кадров высшей квалификации. Среди его учеников пятеро стали кандидатами исторических наук, двое из них подготовили и защитили докторские диссертации.

Вообще, с именем Боброва связана огромная работа по развитию гуманитарной науки в Кузбассе. Не случайно, что он уже много лет входит в ученые советы по защитам докторских и кандидатских диссертаций государственных университетов, возглавляемые им научные проекты не раз получали поддержку РФФИ, РГНФ, ФЦПР «Интеграция», программы Президиума СО РАН, фонда Сороса. Профессор В. В. Бобров является членом Ученого совета Кемеровского государственного университета, членом Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам СО РАН, членом Президиума Кемеровского научного центра СО РАН. Он входит в редакционный совет периодического журнала «Археология, этнография и антропология Евразии», «Исторической энциклопедии Кузбасса». И, конечно, особенно важно, что Владимир Васильевич является автором и соавтором более 260 печатных работ, в том числе 7 монографий.

Наверное, портрет Владимира Васильевича как ученого и преподавателя был бы неполон, если бы я не сказал о той востребованности, которой он пользуется в научно-образовательном комплексе Сибири. Об этом свидетельствуют частые приглашения В. В. Боброва в качестве преподавателя для чтения лекций в различные университеты Сибири и в качестве официального оппонента на защиты кандидатских и докторских диссертаций в советах Новосибирска, Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Кемерово и Томска. Важно и то, что как лектор и преподаватель В. В. Бобров тесно связан с работой Центра непрерывного образования – уникальной образовательной структурой, функционирующей под руководством ректора КемГУ, члена-корреспондента РАН Ю. С. Захарова. Владимир Васильевич оказывает методическую и научную помощь Классическому лицею, осуществляет научное руководство молодежным археологическим лагерем, созданным на базе Кузбасской археологической экспедиции.

Как на все эти дела хватает у Владимира Васильевича времени и сил, – я не знаю. При этом он еще и достойный подражания семьянин, уделяющий огромное внимание родителям и Наталье Александровне.

Конечно, здесь тот случай, когда человек работает, что называется, на износ, по-другому он просто не может и не умеет. А ведь, по большому счету, это здорово! Так живут и работают только выдающиеся люди, целиком и без остатка отдающие себя обществу и науке.

2.2. Первопроходец*

Вся творческая жизнь академика Анатолия Пантелеевича Деревянко является образцом служения науке, примером полной самоотдачи любимому делу.

Анатолий Пантелеевич родился в простой рабочей семье в дальневосточном селе Козьмо-Демьяновка. Именно родителями Евдокией Семеновной и Пантелеем Алексеевичем были заложены и воспитаны те черты его личности, которые и сегодня характеризуют А. П. Деревянко, – доброта и отзывчивость, природный ум и целеустремленность, наконец, воля и настойчивость в достижении намеченной цели. В детстве Анатолию пришлось испытать немало лишений, выпавших на долю поколений военного и послевоенного времени. Достаточно сказать, что первая трудовая копейка была им заработана едва ли не в десятилетнем возрасте.

После окончания средней школы Анатолий поступил на историко-филологический факультет Благовещенского государственного педагогического института. Судьбоносным в жизни молодого человека оказалось знакомство с выдающимся

---

*Впервые опубликовано в сборнике «Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии. К 70-летию академика А. П. Деревянко» (Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 7–14).

отечественным ученым-археологом, впоследствии академиком, Алексеем Павловичем Окладниковым. У А. П. Окладникова было немало учеников, достигших серьезных успехов в науке, однако самым талантливым, несомненно, оказался А. П. Деревянко. Попав студентом-второкурсником в археологическую экспедицию, Анатолий влюбился в археологию, и с этого момента наука становится главным смыслом его жизни. Экстерном (на год раньше!) с отличием окончив институт, он поступает в аспирантуру к Окладникову, в недавно созданный в Новосибирском Академгородке Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, в котором проходит путь от аспиранта до директора.

Поражают масштабы достижений молодого ученого уже на первом, самом раннем этапе творческой деятельности. Ежегодные полугодовые экспедиции, в режиме которых работала тогда команда А. П. Окладникова, не помешали Анатолию Пантелеевичу успешно подготовить кандидатскую диссертацию и блестяще защитить ее в 22 года. Именно на этом этапе молодой ученый формируется как прекрасный полевик, способный качественно исследовать сложнейшие поселенческие комплексы различных эпох и культур. Кроме того, уже тогда в нем проснулся, несомненно заложенный от природы, талант поисковика-разведчика. В это же время у ученого формируется широта творческого подхода (характерный принцип окладниковской школы), что позволило не только исследовать в поле археологические объекты различного времени, но блестяще аккумулировать полученные источники – от эпохи неолита до железного века, причем на различных территориях Восточной Сибири, Дальнего Востока и Монголии. В этот период А. П. Деревянко публикует серию (!) монографий, до настоящего времени активно востребованных научным сообществом. Одна из книг – «Новопетровская культура пластин на Среднем Амуре» была удостоена весьма престижной для молодых ученых премии Ленинского комсомола. Анатолий Пантелеевич – единственный среди археологов, кто был удостоен в СССР этой высокой государственной награды.

Трудно представить, но за десять лет ученый не только опубликовал девять книг (он явился одним из авторов многотомной «Истории Сибири», удостоенной Государственной премии) и десятки статей, но и блестяще защитил докторскую диссертацию. Научная работа сочеталась с активной препо-

давательской деятельностью в Новосибирском государственном университете, а также административными обязанностями в рамках родного института, в котором после защиты докторской диссертации он становится заместителем директора по науке. И все это к 30 годам.

Конечно, такие творческие успехи не могли остаться незамеченными. В 1974 г. Деревянко был избран председателем Совета молодых ученых страны, а в 1976 г. стал секретарем ЦК ВЛКСМ. В судьбе молодого человека наступил новый серьезный жизненный этап, который потребовал немало усилий в овладении, по существу, принципиально новой профессией.

С позиции сегодняшнего дня можно однозначно сказать, что эти годы партийно-комсомольской работы оказались чрезвычайно значимыми в формировании А. П. Деревянко как уникального организатора науки. Однако и в это время Анатолий Пантелеевич ездил в экспедицию на родной Дальний Восток – правда, за счет отпуска. Именно тогда он проявил себя как блестящий разведчик-поисковик, открыв на реке Зее серию прекрасно стратифицированных стоянок древнекаменного века, которые ему еще предстояло раскопать. Все эти годы его не покидает желание вернуться в любимую науку и вновь оказаться в Академгородке. Наконец случай представился. Поводом послужило избрание Анатолия Пантелеевича членом-корреспондентом АН СССР, которым он стал в 36 лет!

Несмотря на трудности, А. П. Деревянко переезжает в Новосибирск, где окончательно уходит с партийной работы сначала на пост ректора НГУ, а затем, уже после кончины академика А. П. Окладникова, становится директором Института истории, филологии и философии СО АН СССР. По существу, именно к этому времени следует относить очередной этап в творчестве ученого, проходящий под девизом создания лучшего в мире института археологии. Для достижения поставленной цели были необходимы серьезные реформы, наверняка заранее продуманные Анатолием Пантелеевичем.

Прежде всего, Деревянко преобразует сам институт, который к тому времени превратился в комплексное многопрофильное учреждение, где сформировались и окрепли научные школы историков, филологов, философов и археологов. Эти научные направления были уже слабо интегрированы, однако самое главное, что понял А. П. Деревянко, – каждое из них могло уже

эффективно функционировать само по себе, в рамках собственного института. По многим очень серьезным причинам реализовать задуманное было весьма и весьма непросто. Противники были и среди руководства академического сообщества. Тем не менее преобразование блестяще удалось. Сегодня уже не надо никого убеждать, что четыре самостоятельных института вполне состоялись и эффективно работают во благо науки и нашего Отечества.

В связи с реорганизацией гуманитарной науки в Сибирском отделении А. П. Деревянко удается еще одно сложнейшее начинание: став в 1987 г. академиком, Анатолий Пантелеевич приложил огромные усилия для пополнения отряда членов Российской академии наук учеными-сибиряками. В результате за последнее двадцатилетие ряды академии пополнили десять новых ее членов – археологов, историков, филологов и философов. В конечном итоге эта команда стала мощной опорой А. П. Деревянко во всех его начинаниях!

На данном этапе ученый определяет и приоритетные направления для своего института, главнейшим из которых явилось мультидисциплинарное изучение древнейшего периода человеческой истории – эпохи палеолита со всеми вытекающими проблемами. Это направление возглавил Анатолий Пантелеевич. Полигонами для массированного изучения были избраны Монголия и Горный Алтай (хотя и другие регионы не были забыты). А далее вновь, как и прежде, пошли полугодовые экспедиции, систематические целенаправленные разведки в труднейших районах гор и пустынь.

Экспедиция Деревянко, в которой он всегда был первым поисковиком, прошла сотни километров нелегких маршрутов по Монголии, Средней Азии, Казахстану, Алтаю, Дальнему Востоку. В результате были открыты многие сотни (!) археологических объектов, получены и обработаны, а затем и опубликованы десятки тысяч артефактов! Наконец, среди сотен стоянок найдены десятки совершенно уникальных, на которых развернуты стационарные раскопки, руководимые им самим и его учениками. Именно тогда, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Деревянко начинает фундаментальные исследования на реке Ануй – в Денисовой пещере и ее окрестностях, на открытых им многослойных палеолитических объектах. Чрезвычайно важно, что в этот период А. П. Деревянко формирует команду единомышленников, постоянно пополняя ее талантливой мо-

лодежью, причем из числа выпускников не только НГУ, но и других вузов Сибири и Дальнего Востока.

Структура нового, по сути, созданного Анатолием Пантелеевичем Института археологии и этнографии СО РАН, была тщательно продумана и подчинена развитию главных направлений. Кроме палеолита это археология палеометалла, этнография, антропология. Вообще, с приходом Анатолия Пантелеевича на место директора радикально изменился стиль руководства. Все было подчинено делу и только делу. Исключительно по делам оцениваются сотрудники, творческая активность – публикации, защиты кандидатских и докторских диссертаций – только приветствуются и поощряются, наконец, каленым железом выжигается интриганство. Деревянко всегда поддерживал и поддерживает все новое, даже если это новое кажется крайне дискуссионным и проблемным. Буквально за несколько лет атмосфера в институте радикально изменилась к лучшему. Такой она остается и сегодня.

В эти годы А. П. Деревянко удается установить действенные научные связи с зарубежными коллегами. Он проводит несколько крупных международных конференций, организует уникальные по своей содержательности поездки группы сотрудников в Канаду и Японию. Как же это обогатило всех нас! Эффективно работают несколько международных проектов, которые в довольно короткий срок дали блестящие научные результаты. Причем эти успехи достигнуты не только в области любимого палеолитоведения, но и в русле других направлений. Вот только некоторые значимые результаты: программа «Пазырык» в отделе палеометалла, изучение культовых комплексов хантов и манси – у этнографов, осуществленная в кратчайшие сроки компьютеризация института, проведение нескольких международных выставок, завершение реставрации Зашиверской церкви и башен Казымского острога в Музее под открытым небом.

Столь масштабные деяния особенно поражают, если вспомнить, в какое время все это происходило. Девяностые, развал страны со всеми вытекающими последствиями, труднейшие для науки годы борьбы за выживание. На этом сложнейшем этапе талант Анатолия Пантелеевича как организатора науки проявился особенно ярко. Сотрудники института вслед за своим лидером очень быстро перешли на программный и грантовый принцип организации научно-исследовательского

процесса; была создана собственная автобаза с парком экспедиционных машин, позволившая даже увеличить (!) масштабы экспедиционных исследований в Азии. Именно в этот период А. П. Деревянко блестяще реализует еще одну идею, создав вместе с несколькими крупными сибирскими университетами археологические лаборатории двойного подчинения, показав (и доказав!) чиновникам от науки реальные пути подлинной интеграции академической и вузовской науки.

В 2002 г. в жизни Анатолия Пантелеевича происходит важное событие. Он избран академиком-секретарем Отделения историко-филологических наук РАН. Фактически, на его плечи легла полная ответственность за организацию гуманитарной науки в стране. А. П. Деревянко становится членом Президиума РАН. Можно с полной уверенностью констатировать, что за эти 10 лет удалось сделать очень много. В масштабах России успешно реализовано несколько крупных научных программ, определенные итоги которых были подведены в фундаментальных изданиях, выполненных под эгидой РАН. Реализована масштабная идея о возрождении всероссийских археологических съездов, четыре съезда уже блестяще проведены (Новосибирск, 2006; Суздаль, 2008; Великий Новгород, 2011; Казань, 2014). Я уже не говорю о многочисленных конгрессах и симпозиумах, конференциях и семинарах, причем не только археологических и исторических, но и филологических. В этой связи уместно сказать об одном из выдающихся начинаний Анатолия Пантелеевича – вместе с Александром Бадмаевичем Соктоевым задуманной и блестяще реализованной в масштабах Сибирского отделения РАН подготовке и издании многотомной серии «Памятники фольклора народов Сибири», удостоенной Государственной премии в области науки и техники. Сегодня увидели свет 30 уникальных томов, впереди еще как минимум столько же.

Несмотря на широкомасштабную деятельность, направленную на развитие гуманитарной науки в России, родной институт по-прежнему занимает в делах и в мыслях А. П. Деревянко наиважнейшее место. Существенно расширилась и качественно углубилась экспедиционная деятельность. Для Анатолия Пантелеевича экспедиции с постоянными разведками и раскопками остаются важнейшей составляющей его жизни и научной деятельности. Более того, они становятся, по сути, круглогодичными! Начинаются экспедиции ранней весной в

пещерах Черногории, где Деревянко открыта серия палеолитических объектов; летом продолжаются на Алтае и в Монголии, а также в Иране и Дагестане, на берегу Каспийского моря, где им найдены десятки совершенно великолепных стоянок, а уникальные открытия совершаются, по существу, ежегодно; осенью – работы в Средней Азии, в пещере Оби-Рахмат в Узбекистане; наконец, полевые исследования завершаются поздней осенью – зимой в пещерах Вьетнама, в которых помимо палеолитической индустрии найдены и останки древнего человека. Вот таков полевой сезон. Примеров подобного не знаю, да их попросту и нет. Может быть, не следовало здесь вспоминать об оппонентах Деревянко – в общем-то, не тот случай, но уж больно заманчиво продемонстрировать этим примером, какой же ценой даются успехи, открытия и многочисленные публикации. Работать надо, господа хорошие!

Разумеется, вряд ли можно было бы столь эффективно осуществлять такие грандиозные планы, если бы не прекрасная команда, выпестованная А. П. Деревянко. Это команда единомышленников и вместе с тем ученых, имеющих свое творческое кредо, свое видение проблемы. Прежде всего назову безвременно ушедших – А. Н. Зенина, А. И. Мазина, В. Т. Петрина. Сегодня костяк отдела каменного века составляют крупные отечественные археологи – доктора исторических наук М. В. Шуньков, С. В. Маркин, В. Н. Зенин, А. И. Кривошапкин, К. А. Колобова. Подрастает прекрасная молодежь, уже успевшая сказать свое слово в науке и внести вклад в общее дело, – кандидаты исторических наук А. А. Цыбанков, А. В. Кандыба, К. К. Павленок. В команде трудятся немало аспирантов, магистрантов, студентов. Могу без преувеличения сказать, что каждый талантливый молодой человек, работающий у нас в институте, имеет прекрасные шансы проявить себя – активно работать в поле, в лаборатории, публиковать научные статьи и монографии, причем в серьезных высокорейтинговых журналах у нас в стране и за рубежом.

А. П. Деревянко удалось воплотить в жизнь свою давнюю мечту – в институте создан и успешно функционирует редакционно-издательский отдел, оснащенный самым современным полиграфическим оборудованием. Создано прекрасно функционирующее книжное издательство, выпускающее монографии и сборники научных статей на самом высоком

полиграфическом уровне. Любимым детищем Анатолия Пантелеевича является основанный им научный журнал «Археология, этнография и антропология Евразии», который позволяет оперативно вводить в научный оборот новейшую научную информацию. Журнал выходит с периодичностью четыре номера в год; издательством «Эльзевир» параллельно выпускается англоязычная версия журнала. На сегодняшний день увидели свет более пятидесяти его номеров.

Не ошибусь, если особо подчеркну, что главным научным кредо ученого всегда был мультидисциплинарный подход на всех уровнях исследовательской процедуры. Поэтому не случайно очень серьезные силы и средства были брошены А. П. Деревянко на создание Центра коллективного пользования «Геохронология кайнозоя» в масштабах Новосибирского научного центра СО РАН, который уже функционирует при Институте археологии и этнографии. Здесь сосредоточены научные структуры, оснащенные новейшим оборудованием. Особое место в центре занимают лаборатории по датированию – радиоуглеродная, дендрохронологическая, а также уникальная установка УМС (AMS), способная датировать очень древние образцы на основе минимальных по объему проб. Здесь же работает палинологическая лаборатория, в стадии развертывания на новых площадях сектор антропологии. Самую активную роль в создании этого уникального центра сыграли ведущие ученые Сибирского отделения РАН – физики, геологи, исследователи с мировым именем академики А. Л. Асеев, Н. Л. Добрецов, Г. Н. Кулипанов, А. Н. Скринский, член-корреспондент РАН В. В. Пархомчук.

Самый широкий спектр мультидисциплинарных исследований активно осуществляется еще на одном любимом детище Деревянко – базе-стационаре «Денисова пещера». Анатолий Пантелеевич начал создавать ее в труднейшие девяностые годы, когда положение в науке, мягко говоря, было крайне тяжелым. По большому счету, зарабатывали на ее создание сами сотрудники. Это и международные выставки, и научный туризм – сферы деятельности, которые были абсолютно не свойственны Академии наук. Тем не менее А. П. Деревянко удалось все это не только организовать в масштабах института, но и блестяще реализовать!

Теперь же база-стационар с ее десятками коттеджей, удобных для жизни и плодотворной работы, используется не только археологами, но и учеными всего Сибирского отделения. Каждое

лето здесь проводят симпозиумы и семинары геологи, биологи, физики, математики. Именно в таком общении возникают новые идеи интеграции самых разных научных направлений.

Отдавая дань фундаментальной науке, Деревянко всегда был и остается ее активным популяризатором. Им написано несколько научно-популярных книг, в том числе выдержавших переиздания у нас в стране и за рубежом. В масштабах института – это и два музея, задуманных еще А. П. Окладниковым. Анатолий Пантелеевич всегда принимал в их судьбе активное участие. На заре своей научной деятельности (с 1968 по 1970 г.) он был заведующим Музеем истории и культуры народов Сибири ИИФиФ СО АН СССР. Что же касается Музея под открытым небом, то именно при непосредственном участии и руководстве А. П. Деревянко музей пополнился пожалуй своим лучшим экспонатом – деревянной Спасо-Зашиверской церковью, которая была разобрана и доставлена в Академгородок с реки Индигирки.

Сегодня оба музея приобрели новое, совершенно неповторимое лицо, а Спасо-Зашиверская церковь стала, если хотите, настоящим брендом Академгородка. Разумеется, все это не произошло по мановению волшебной палочки. Для первого музея Деревянко удалось получить свое здание, в котором сегодня развернута прекрасная экспозиция, ярко демонстрирующая историю человека в Сибири с момента его появления, то есть с древнекаменного века, до этнографической современности. Практически все многочисленные гости Академгородка (а порой и города) считают за честь побывать в музее. Его посещают сотни школьников города и области, музейная экспозиция служит прекрасным полигоном для профессиональной подготовки студентов, магистратов и аспирантов Новосибирского государственного университета и других вузов. Активно работает и второй музей, также имеющий уникальную экспозицию. Совершенствование его работы – одна из первостепенных задач руководства института и его директора. Кроме того, А. П. Деревянко удалось создать собственные реставрационные лаборатории, оснастить их новейшим оборудованием и, может быть, самое главное – подготовить великолепных профессионалов-реставраторов, прошедших стажировку в Эрмитаже, музеях Московского кремля, а также в специальных центрах Швейцарии, Германии, Японии и Кореи.

Новым, весьма значимым этапом в организаторской деятельности Анатолия Пантелеевича в последние годы его директорства явилось налаживание в институте активной деятельности по спасению историко-культурного наследия Сибири. Было создано специальное подразделение, которое занимается работами на археологических объектах, расположенных в зонах новостроек. При отсутствии в стране специальной археологической службы, кстати сказать, эффективно функционирующей в высокоразвитых странах, академик Деревянко справедливо считает это направление деятельности делом государственной важности, долгом ученого. В результате блестяще реализуются археологические изыскания в рамках таких масштабных проектов, как «Богучанская ГЭС», «Газопровод Западная Сибирь – Алтай», а также многих других, менее масштабных, но никак не менее значимых. К этой работе активно подключились дочерние вузовско-институтские лаборатории. У института теперь не только своя мощная автобаза, но и свой флот, позволяющие решать как фундаментальные, так и прикладные научные задачи.

Наверное, беспристрастный читатель согласится со мной, что сегодня мы едва ли можем найти аналог такому институту, какой удалось создать академику Деревянко. Значит цель, которую он перед собой ставил – лучший институт в мире, – можно считать достигнутой?!

Полагать так – значит не знать Деревянко. К его организаторскому таланту относится редкая способность видеть перспективы развития. И конечно, проблем хватает и в повседневной работе такого масштабного организма, и в делах, которые требуют завершения (тот же Центр коллективного пользования), и, тем более, в начинаниях, одно из которых – совместная с Институтом цитологии и генетики палеогенетическая лаборатория, уже получившая первые уникальные результаты. Кроме того, нельзя останавливаться на достигнутом. Результаты необходимо постоянно наращивать. Именно этого требует Анатолий Пантелеевич и от своих сотрудников, и, к его чести, прежде всего от самого себя.

Несмотря на чудовищную нагрузку в качестве организатора науки, академик Деревянко остается, что называется, действующим ученым. Масштаб сделанного им потрясает. Это сотни статей и десятки книг, написанных как самим ученым, так и

совместно с коллегами и учениками. Поразительно еще и то, что объем печатной продукции год от года только возрастает! Последние годы были вообще ознаменованы открытиями, без преувеличения, мирового класса! Приведу лишь некоторые, с моей точки зрения наиболее яркие. Так, важнейшим достижением в области изучения ранней стадии палеолита на территории Северной Евразии стало открытие в Горном Алтае многослойной стоянки Карама, в нижних слоях которой *in situ* обнаружен яркий каменный инвентарь с архаичной обработкой. Данная серия каменных изделий относится к раннепалеолитическим индустриям галечного типа. Четкая стратиграфия памятника позволила выделить четыре горизонта обитания раннепалеолитического человека, возраст которых определен в диапазоне 600–800 тыс. лет. Сегодня это древнейший стратиграфически безупречный памятник на территории Северной Азии.

Второе открытие, о котором я хочу сказать, буквально потрясло не только археологов, но и всю мировую общественность. Дело в том, что в слоях Денисовой пещеры наряду с ярким каменным инвентарем, в том числе предметами иррациональной деятельности (возраст слоя порядка 50 тыс. лет), обнаружен совершенно уникальный антропологический материал, палеогенетические анализы которого, проведенные в Институте эволюционной антропологии Макса Планка (г. Лейпциг) под руководством профессора С. Паабо, позволили засвидетельствовать его принадлежность представителю до сих пор неизвестной генеалогической линии гоминидов, существенно отличающемуся как от *Homo sapiens*, так и от *Homo neanderthalensis.* На основании молекулярных часов удалось установить, что отклонение этого гоминида, получившего название *Homo altaiensis*, от эволюционной линии человека произошло около 1 млн лет назад.

Без преувеличения скажу, что любого из двух указанных выше открытий вполне хватило бы, чтобы войти в историю науки! На этом примере особенно видна масштабность личности ученого, свершений руководимой им научной школы.

Таков в предельно кратком изложении сегодняшний портрет академика А. П. Деревянко – первопроходца в науке!

За спиной – горы свершений, впереди – загадочные, еще более трудные, но столь притягательные вершины, которые еще предстоит покорить.

2.3. К 70-летию Михаила Федоровича Косарева*

Юбилеи – вещь, конечно, не очень веселая. Тем не менее все мы через это «испытание» проходили, и в памяти оставалось все-таки немало приятного, греющего душу, дающего осознание своей нужности людям и делу, которому служишь. Поэтому, надеюсь, что предлагаемый читателю юбилейный сборник, подготовленный в честь 70-летия прекрасного ученого и редкого Человека – Михаила Федоровича Косарева, вызовет у юбиляра исключительно положительные эмоции.

Мне особенно приятно писать эти строки, поскольку не только давно знаю Косарева, но и соприкасался с ним в разных ситуациях, порой непростых для нас обоих. И еще мне приятно потому, что мы с Михаилом Федоровичем земляки, и не просто сибиряки (Сибирь – велика) – корни наши ведутся из соседних районов Новосибирской области, а чем дольше живешь на свете, тем больше понимаешь, насколько значимы для человека эти корни.

Сразу скажу, что, несмотря на серьезный жанр сборника, я решил уйти от сухой характеристики научных деяний юбиляра и попытался поговорить о нем как о человеке и об ученом,

---

*Впервые опубликовано в книге «Мировоззрение древнего населения Евразии» (М.: Науч. мир, 2001. С. 4–9).

каким я его знаю все эти годы и каким себе представляю. Не является этот очерк и биографическим, поскольку написан исходя из моих личных и субъективных впечатлений от общения с этим человеком, ну и, конечно, на основании, смею надеяться, неплохого знания его научного творчества.

Со слов Михаила Федоровича я знаю, что в детстве он вовсе не «болел» археологией, и его приход в науку был даже случайным. Однако то, что выпускник Томского государственного университета оказался в шестидесятые годы в аспирантуре ведущего научного учреждения страны, – факт, сам по себе характеризующий начинающего ученого. Попасть в аспирантуру Института археологии АН СССР выпускнику из периферийного ВУЗа в эти годы было очень сложно. Да это и понятно: на институт работали специальные кафедры археологии МГУ и ЛГУ. Студенты этих ВУЗов получали блестящую подготовку, поскольку на кафедрах преподавали ведущие археологи страны, тогда как на периферии еще шел нелегкий процесс формирования местных школ, не избалованных вниманием корифеев. И все же Косарев поступил, и не просто поступил, но и был оставлен в институте после завершения аспирантуры. Вот это событие случайным уже никак назвать нельзя. В то время в науке, как правило, закреплялись наиболее талантливые, наука была занятием престижным и попасть в штат академического института было непросто, а в московский или ленинградский институты – особенно непросто. Я думаю, произошло это не только потому, что Михаил Федорович в срок подготовил и успешно защитил кандидатскую диссертацию. Его научный руководитель (им был замечательный ученый, этнограф и археолог Валерий Николаевич Чернецов), несомненно, увидел в Косареве талантливого исследователя, способного внести реальный вклад в науку, и, наверное, достойного продолжателя своих идей.

Оставшись в Институте археологии АН СССР, нашем главном археологическом центре, Михаил Федорович Косарев прошел практически все ступеньки иерархической лестницы от аспиранта до доктора наук и заведующего отделом каменного и бронзового веков, члена Ученого совета института [Институт…, 2000, с. 52]. При этом карьера Косарева

складывалась, по-моему, абсолютно логично. Он никогда никого не подсиживал, интриговать не любил, да и не умел. По молодости, еще будучи кандидатом наук, мог выступить достаточно резко и в печати, и в открытой дискуссии – «похулиганить», как он сам называл эти поступки, но продиктованы они были исключительно одним – борьбой за научную истину и чистоту науки. Никогда не забуду, как на одной из моих первых «взрослых», послестуденческих, конференций, он просто-напросто не оставил камня на камне от моего доклада – «за отсутствие свежих идей», и это стало для меня уроком на всю жизнь.

Однако с годами Косарев менялся, и если и позволял себе слабость публично «похулиганить», то оппонентами его становились ученые одной с ним весовой категории, а молодежь он щадил, защищал и поддерживал.

Помню, какие возникли сложности у Михаила Федоровича, когда он после смерти моего учителя академика А. П. Окладникова рискнул обсуждать мою диссертацию на заседании руководимой им Группы урало-сибирской археологии. В то время это было непросто даже не потому, что соискатель был, по академическим канонам, до неприличия юн, но и потому, что я был представителем другой школы, мягко говоря, не всегда ладившей со столичным институтом. Всех перипетий Косарев мне никогда не рассказывал, однако мир не без добрых людей, и когда началось это «хождение по мукам», которое, в общем-то, я выбрал для себя сам, Михаил Федорович уже не отступился от меня до тех пор, пока не помог по-настоящему отшлифовать работу и довести ее до необходимого уровня. Он был и одним из официальных оппонентов на моей защите, что, знаю, понравилось далеко не всем в его родном институте… Спасибо Вам, Михаил Федорович!

К особенностям М. Ф. Косарева как археолога следует отнести то обстоятельство, что за свою достаточно продолжительную творческую жизнь он раскопал не так уж много памятников. Хотя его исследования таких замечательных объектов, как Десятовское поселение, Чудская Гора, на которой Косарев провел первые раскопки, хорошо известны специалистам. В значительной степени построения ученого основываются на аккумуляции огромного корпуса источни-

ков, накопленных его коллегами из разных городов Урала и Сибири. Конечно, оценивать такой подход можно по-разному. С одной стороны, информацию, которую археолог получает в поле, трудно переоценить, ее лишь отчасти восполняют сухие строчки научного отчета, коллекции или публикации. С другой стороны, очевидно, что исследуя любой памятник, археолог разрушает его. Отсюда – огромная ответственность, которая ложится на плечи ученого. Осознание этого парадокса приходит к археологу не сразу. Знаю по себе, что в молодости хочется перекопать весь мир… У Михаила Федоровича все было по-другому. Он не раз говорил мне, что ему… «жалко». Ему жаль тревожить культурные слои, от содержимого которых нас отделяют порой даже не столетия, а тысячелетия, ему жаль трогать кусты и деревья, которые на этом памятнике растут… В таком подходе, по большому счету, заключается мудрость этого человека, если хотите, необыкновенная глубина души русской, о которой так удивительно точно писал великий Толстой. Чем больше я думаю о таком своеобразном подходе Косарева к археологическому памятнику, тем отчетливей осознаю, что его всегдашнее увлечение проблемами взаимодействия материальной культуры и природно-географической среды совсем не случайно, ибо он сам внутренне ощущает себя неотделимой частью этой среды.

Такой подход к археологическому источнику выработал у Косарева самое трепетное отношение к каждому фрагменту керамики, к каждому предмету, обнаруженному на раскопках. При работе с материалом он и рисовал-то его всегда сам, может быть, не очень красиво, не как это делает художник, зато всегда правильно. На это тратилась, конечно, уйма времени, но знаю по собственному опыту (хотя в последнее десятилетие рисовать самому уже совершенно не позволяет постоянная занятость), что, рисуя археологический предмет, археолог не только навсегда запоминает вещь, что в нашей профессии очень важно, но и значительно глубже понимает ее. Вообще, анализ источников отличается у М. Ф. Косарева своей глубиной, а прекрасное знание этнографических и фольклорных материалов позволяет блестяще интерпретировать археологические источники, в чем он ничуть не уступает своим великим предшественникам – В. Н. Чернецову и А. П. Окладникову,

работавшим в близкой манере, а в чем-то и превосходит их.

Палеогеографический аспект, действительно, приобрел в работах М. Ф. Косарева особое место. Его труды можно назвать новаторскими в сравнении с исследованиями других ученых, ставивших историю этноса в прямую зависимость от палеогеографического фактора (к примеру Л. Н. Гумилев) и весьма поверхностно касавшихся археологических источников. Косарев же пытался, оперируя конкретным археологическим материалом, коррелировать механику историко-культурных процессов с динамикой изменения границ природно-географических зон и климата в целом.

Надо сказать, что в те времена, когда ученый отстаивал такой подход, излишняя политизация исторической науки, несомненно, имевшая место в стране, делала позицию исследователя небезопасной. К чести оппонентов Косарева дискуссия с ним велась в целом корректно и обвинений в «географическом детерминизме» не звучало, хотя казус с якобы отступлением нашего героя «от принципов марксистско-ленинской теории», в котором его однажды упрекнули коллеги, все-таки имел место.

Думаю, что не будет большим преувеличением сказать, что начиная с середины 70-х гг. прошедшего века Михаил Федорович стал занимать особое место в археологии Западной Сибири. Во многом это было предопределено серией его блестящих монографий, выходивших с завидным постоянством. Среди них я бы особо отметил следующие работы: «Бронзовый век Западной Сибири» [1981], в которой систематизированы материалы по эпохе бронзы обширнейшего региона, разработана общая историко-культурная стратиграфия, рассмотрены различные модели хозяйственной деятельности человека и некоторые стороны социальных отношений; «Западная Сибирь в древности» [1984], посвященная экологическим аспектам древней истории региона, обусловившим социально-экономическую адаптацию первобытных коллективов к различным условиям природной среды; «Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда» [1991] – уникальное по широте охвата и глубине рассматриваемых проблем исследование, затрагивающее развитие культуры, хозяйства, этноса, верований на территории Западной Сибири от эпохи верхнего

палеолита до средневековья включительно. Все эти книги, как впрочем и многие другие работы ученого, являются, что называется, настольными для археологов-сибиреведов. Позволю себе привести одну цитату, показательную тем, что она написана извечным оппонентом Косарева, крупным сибирским археологом профессором В. И. Матющенко [1995, с. 32]. «Пожалуй, можно сказать, – пишет Владимир Иванович, – что книги М. Ф. Косарева по глубине анализа, всесторонности подхода к изучаемым явлениям не имеют себе равных среди публикаций такого рода в археологии Сибири 1980-х годов». Предельно емкая и точная оценка!

Говоря о фундаментальных трудах М. Ф. Косарева, нельзя не сказать еще о двух работах. Речь идет о 20-томной серии «Археология СССР». В томе «Неолит Северной Евразии» М. Ф. Косаревым [1996] написана глава, посвященная неолиту Восточного Зауралья и Западной Сибири. В томе «Эпоха бронзы лесной полосы СССР» [1987] он автор половины книги, посвященной бронзовому веку Западной Сибири. Важность этих трудов (как и всей серии в целом), с моей точки зрения, трудно переоценить: это достойный итог археологическим изысканиям, проведенным отечественными археологами на пороге нового тысячелетия. Работая над томами, Косарев не раз говорил мне, сколько сил и времени забирала у него эта работа, требовавшая скрупулезного обобщения накопленных фактов. Она, может быть, отвлекала от других творческих замыслов, однако ученый сознавал исключительную важность этой работы как для современников, так и для молодого поколения исследователей.

Мне кажется, что в преддверии юбилея Михаил Федорович находится в прекрасной форме. Знаю, что он недавно закончил новую научно-популярную книгу, как говорят, интереснейшую, читающуюся как роман. Книг, в которых об очень сложных вещах написано доступно и интересно, сегодня ждут от нас наши соотечественники и, что очень важно, – молодежь, заваленная потоком низкопробного чтива. Не оставляет Косарев и научного творчества, публикуя статьи и участвуя в работе конференций. Думается, что и научный семинар «Проблемы изучения и реконструкции древнего мировоззрения», организатором и руководителем которого он является в Институте археологии РАН

с 1990 г., подарит нам еще немало неожиданных открытий.

С юбилеем Вас, дорогой Михаил Федорович! Уверен, что все отечественные археологи, и особенно Ваши земляки – сибиряки, присоединяются к этому поздравлению. Здоровья Вам, счастья и новых творческих свершений! А завалинка у домика в сибирской деревне, посидеть на которой Вы порой мечтаете, – еще подождет.

Список литературы

Институт археологии сегодня: сб. науч. биографий. – М.: ИА РАН, 2000. – 256 с.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 282 с.

Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 245 с.

Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. – М.: Наука, 1991. – 227 с.

Косарев М. Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – Ч. 2, гл. 5. – С. 259–269. – (Археология СССР).

Матющенко В. И. Археология Сибири 1960 – начала 1990-х гг. Проблематика: учеб. пособие. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1995. – 127 с.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – 482 с. – (Археология СССР).

2.4. К юбилею Александра Матвеева*

Я с удовольствием принял предложение написать это небольшое предисловие в сборник, выпускаемый в честь замечательного человека и крупного археолога-сибиреведа – профессора, доктора исторических наук Александра Васильевича Матвеева. Приятно мне это сделать по нескольким причинам.

Во-первых, мы с Сашей происходим из одной научной школы – школы Татьяны Николаевны Троицкой и по этой причине являемся «научными братьями».

Во-вторых, мне всегда (со студенческих лет) импонировал характер этого человека: доброжелательный к людям, спокойный, где-то даже неторопливый, однако на редкость обаятельный – все эти качества ярко проявились в научном творчестве Александра Васильевича и как археолога-полевика, и как ученого-аналитика, и как организатора науки.

Наконец, в-третьих, его очаровательная супруга Наташа оказалась моей аспиранткой, а потом и докторанткой, и, конечно, это не могло не способствовать укреплению и усилению наших контактов, не только профессиональных, но и чисто человеческих, что называется, неформальных.

---

*Впервые опубликовано в книге «Андроновский мир: сборник статей» (Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2010. С. 4–7).

Начну с того, что уже со студенческих лет Матвеев выделялся среди Троицкинских «птенцов» – кружковцев-археологов. Мягкий, доброжелательный характер удивительно сочетался у него с талантом организатора, с ним с удовольствием работали его сверстники – студенты. Умение организовать работу удачно подкреплялось несомненным талантом Матвеева как полевика, быстро освоившего азы полевой методики. Портрет довершало еще и то, что у Саши, как любила говорить Татьяна Николаевна, «хорошая голова». Все эти качества способствовали тому, что Матвеев очень скоро стал работать самостоятельно, блестяще проявив себя и как разведчик, открыв немало археологических памятников в Новосибирском Приобье, и как умелый раскопщик.

Еще в студенческие годы отчетливо проявился его научный интерес, связанный с эпохой поздней бронзы, и прежде всего – с ирменской культурой. Очевидно, что на выбор темы будущей кандидатской диссертации «Ирменские поселения лесостепного Приобья» повлияло и знакомство, состоявшееся с подачи все той же Троицкой, с выдающимся советским археологом профессором М. П. Грязновым, автором раскопок знаменитого поселения Ирмень-1, с которого, собственно говоря, и началась ирменская культура, и материалы которого практически не были опубликованы. Михаил Петрович не только «подарил» Матвееву этот комплекс, но и, несомненно, оказал серьезное влияние на стиль работы молодого ученого. По-видимому, это не составляло для них обоих особой сложности, поскольку по менталитету Александр всегда напоминал мне именно Грязнова. Неторопливость, внимательность к процедуре раскопок, тщательная собственноручная прорисовка и анализ полученных материалов, стремление сконцентрироваться на узловых проблемах изучаемых объектов – все эти качества, присущие М. П. Грязнову, стали стилем работы молодого исследователя.

Немало давало Александру и постоянное творческое общение с коллегами-кружковцами, прежде всего с Евгением Сидоровым, Людмилой Мыльниковой, Виктором Захом – не просто коллегами, но и друзьями. Особо я бы отметил творческие контакты Матвеева и Сидорова, вылившиеся, кроме всего прочего, и в совместные сочинения, и если бы

не нелепая, трагическая смерть Евгения Алексеевича, уверен – этот тандем еще не раз восхищал бы нас своими работами…

Среди серьезных научных достижений этого периода я бы особенно отметил его раскопки многослойного поселенческого комплекса Быстровка-4, ставшего во многом эталонным памятником для Верхнего Приобья.

Нельзя не отметить, что важнейшим итогом работы над кандидатской диссертацией А. В. Матвеева стала его первая монография «Ирменская культура в лесостепном Приобье» [1993], и сегодня постоянно востребованная специалистами.

Конечно, особенно важной ступенью в жизни Александра Васильевича стал переезд в Тюмень, где он проявил себя и как блестящий ученый, и как талантливый организатор науки. Так сложилась жизнь, что ему выпало стать организатором и руководителем нескольких археологических структур, и сегодня успешно работающих в этом городе.

Приехав в Тюмень и начав работать в университете, где археологов, по сути, не было, Матвеев сумел организовать хоздоговорную научно-исследовательскую археологическую лабораторию, в штате которой работало семь молодых специалистов. Начав, что называется, с нуля, уже через несколько лет он добился того, что в поле выезжало до пяти археологических отрядов. Однако особенно важно, что лаборатория не зацикливалась только на хоздоговорной деятельности, за эти не многим более десяти лет ее сотрудниками (и в первую очередь руководителем) были написаны десятки научных статей, защищены кандидатские диссертации, выпущено несколько научных сборников, проведены всероссийские и региональные научные конференции. Кроме того, была еще и активная работа в университете по подготовке преподавателей истории. Нужно было проводить археологическую практику, читать общеобразовательные и специальные курсы лекций. В результате у Матвеева появляются ученики, впоследствии посвятившие себя нелегкому труду ученого.

Вся эта огромная работа способствовала росту научного рейтинга молодого ученого, и не случайно, что в 1990 г. Александру Васильевичу было предложено возглавить лабораторию археологии и этнографии Института проблем освоения Севера СО РАН в Тюменском научном центре. Костяк

лаборатории составили сотрудники, перешедшие вместе с ним из университетской лаборатории.

С моей точки зрения, именно здесь по-настоящему раскрылся талант Матвеева и как ученого, и как организатора науки. Став заместителем директора института, руководителем гуманитарного отдела, Александр Васильевич получил возможность не только активно заниматься фундаментальной наукой, но и сформировать по своему видению гуманитарную составляющую этого комплексного учреждения. За время, которое А. В. Матвеев отдал институту, в нем появились лаборатории археологии, антропологии и этнографии, палеоэкологии. По существу, институту стала свойственна разноплановая междисциплинарная тематика, которой он силен и по сей день. За эти десять лет работы молодого талантливого творческого коллектива археологов, антропологов, этнографов стали выходить монографии и десятки статей, посвященных древней истории Сибири, издавался ежегодный альманах «Вестник археологии, антропологии и этнографии», ставший в настоящее время научным журналом. Матвеев сумел в непростые для отечественной науки годы не только сохранить добрые старые традиции отечественной археологии, но и успешно овладеть новыми формами организации науки, прежде всего, проводя активную грантовую политику.

Поэтому для меня стало большой неожиданностью, когда в 2001 г. я узнал, что Матвеев вновь перешел на работу в Тюменский государственный университет. Александру Васильевичу было предложено возглавить новое масштабное дело. По инициативе ректора университета профессора Г. Ф. Куцева при ТюмГУ был создан Институт гуманитарных исследований с целой серией научных направлений. Матвееву предстояло возглавить институт и сформировать его кадровый состав, что и было впоследствии успешно сделано. Теперь, через 7 лет существования и развития молодого научного учреждения, в нем успешно работают несколько докторов и десяток кандидатов наук. Выходят монографии, альманахи, реализуются региональные и международные проекты, сотрудники получают гранты, проводятся масштабные конференции. Активно ведется и образовательная деятельность.

Однако за всей этой многотрудной и, в общем-то, успешной работой организатора науки Матвеев никогда не забывал своего главного предназначения, постоянно работая как ученый на всех вышеперечисленных жизненных этапах.

Волею судеб, и этого постоянно требовала от А. В. Матвеева жизнь, работая руководителем научных структур, ученый вынужден был заниматься самым широким спектром научных проблем от эпохи неолита до позднего средневековья, но любимой научной темой по-прежнему оставалась эпоха бронзы. В результате была подготовлена и успешно защищена докторская диссертация, в основу которой легла оригинальная авторская концепция историко-культурного развития Зауралья в бронзовом веке. Основные идеи этой работы нашли отражение в монографии А. В. Матвеева «Первые андроновцы в лесах Зауралья» [1998], ставшей как бы прообразом докторской диссертации.

Несомненным научным достижением Александра Васильевича явились его полевые и аналитические исследования бархатовской культуры поздней поры бронзового века. Совсем недавно увидела свет интересная монография на эту тему, написанная вместе с его талантливой ученицей Оксаной Аношко [2009].

Из работ последних лет следует особо отметить успешный коллективный проект, реализуемый под руководством А. В. Матвеева. Речь идет о широкомасштабном археолого-палеогеографическом изучении комплекса разновременных и разнокультурных памятников в Ингальской долине. Здесь Матвеевым и его коллегами были сделаны удивительные научные открытия, обобщенные в ряде серьезных статей и монографий. Кроме того, Ингальская долина превратилась в полигон для учебной работы студентов-историков ТюмГУ, зону развития научного туризма в Тюменской области. Отмечу, что популяризацию науки Матвеев всегда считал одним из важнейших направлений в творчестве ученого. Поскольку речь идет об Ингальской долине, назову лишь одну недавно вышедшую научно-популярную книгу Александра Васильевича – «Затерянный мир Ингальской долины» [2004], которую лично я прочел, что называется, на одном дыхании. И сегодня замечательный «мир Ингальской долины» остается зоной перспективных работ команды тюменских археологов, руководимой их лидером.

Интересно, что в последние годы Александр Васильевич уделяет значительное внимание изучению все более «молодых» периодов истории Сибири. Сейчас его интересует проблема возникновения государственности у сибирских татар, героическая эпоха присоединения Западной Сибири к Российскому государству, становление первых русских городов в Сибири, культура землепроходцев. В результате одним из направлений научно-исследовательской деятельности Института проблем освоения Севера стал поиск и обследование мест, связанных с походом Ермака: начаты раскопки замечательного по своей сохранности и информативности культурного слоя исторической части г. Тобольска, которые уже дали уникальные материалы и, несомненно, принесут много новых открытий. Это направление в творчестве Матвеева потребовало овладения, по существу, новой полевой методикой, используемой при раскопках городов.

В этой связи несколько слов следует сказать об Александре Васильевиче как об ученом, внесшем серьезный вклад в разработку полевой методики раскопок поселений. Им предложен «фронтально-стратиграфический» метод раскопок, который во многом совершенствует подход к полевым исследованиям древнего памятника, разработаны методики применения статистических методов анализа керамики, реконструкции древних построек и многое другое. Все это лишний раз свидетельствует о творческом, новаторском подходе ученого к, казалось бы, давно известным истинам, постоянном стремлении совершенствовать инструментарий научного поиска.

…У меня в рабочем кабинете висит картина, подаренная мне Александром Васильевичем. Это произведение, на котором талантливо изображена река Катунь в районе Манжерока – места, связанные с моей археологической молодостью. Произведение, дорогое для нас обоих, написано отцом Саши и подарено мне в память о нем. Думаю, что вполне уместным будет в заключение этого краткого очерка добрым словом помянуть родителей Александра Васильевича, родивших на свет и воспитавших такого сына. Особое мое восхищение и Наталье Петровне – настоящей боевой подруге Матвеева, прошедшей с ним рука об руку не одну сложнейшую экспедицию в суровом сибирском поле. Достойно идет по жизни и

их дочь Катерина, избравшая для себя не менее сложный, чем у родителей путь. И я счастлив, что жизнь подарила мне возможность знать и общаться с этими замечательными людьми, а с Сашей и Натальей еще и вместе работать.

Я уверен, что у нашего героя впереди еще долгая творческая жизнь, и как знать, не удивит ли он всех нас в очередной раз, завершая третье тюменское десятилетие и вступая в десятилетие четвертое? Поживем-увидим. Для меня же очевидно, что в любом случае этот новый жизненный этап подарит всем нам – его друзьям и коллегам – новые блестящие открытия в науке, которой Александр Васильевич предан безгранично.

* * *

Александр Васильевич ушел от нас внезапно. Неизлечимая болезнь подкосила его буквально на взлете. Многие творческие планы ученого остались нереализованными. Отечественная наука и особенно мы, сибиряки, понесли совершенно невосполнимую утрату.

Думаю, уместным будет добавить, что о жизни и творчестве А. В. Матвеева уже появились статьи и книги, которые могут быть полезными всем, кому покажется небезынтересной творческая судьба этого замечательного человека [Троицкая и др., 2013].

Список литературы

Матвеев А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1993. – 180 с.

Матвеев А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука, 1998. – 417 с.

Матвеев А. В. Затерянный мир Ингальской долины. – Тюмень: Тюм. дом печати, 2004. – 144 с.

Матвеев А. В., Аношко О. М. Зауралье после андроновцев. – Тюмень: Тюм. дом печати, 2009. – 416 с.

Троицкая Т. Н., Деревянко А. П., Молодин В. И., Полосьмак Н. В., Матвеева Н. П. Памяти Александра Васильевича Матвеева // РА. – 2013. – № 4. – С. 186–187.

2.5. Владимир Павлович Мыльников*

27 октября 2008 г. исполнилось 60 лет заведующему отделом музееведения Института археологии и этнографии СО РАН доктору исторических наук Владимиру Павловичу Мыльникову. Он родился в г. Новосибирске в рабочей семье. Нелегкие послевоенные годы способствовали формированию у молодого человека стойкого характера, не боящегося трудностей и тяжелой работы. После окончания средней школы Владимир освоил несколько рабочих профессий, пока судьба не привела его в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, где он стал работать в фотолаборатории под руководством прекрасного мастера полевой фотографии Юрия Васильевича Полумискова. Так судьба свела Владимира с наукой и с археологами института, что и предопределило всю его дальнейшую жизнь.

Основное в деятельности фотографа – участие в многомесячных экспедициях, что, как оказалось, было для Владимира отнюдь не обременительным, а, напротив, весьма притягательным. В конечном итоге, экспедиционная работа стала главным делом его жизни. Судьбоносным было,

*Впервые опубликовано в журнале «Археология, этнография и антропология Евразии» (2009. № 1. С. 156–157).

конечно, и то, что Владимир попал в поле к Алексею Павловичу Окладникову, который сразу обратил внимание на скромного и трудолюбивого юношу. За 12 лет В. П. Мыльников прошел нелегкую, но замечательную школу. В экспедициях А. П. Окладникова ему приходилось заниматься не только фотосъемкой. Это был каждодневный труд на раскопе и, если требовалось, на кухне или в разведывательном маршруте. Тем не менее научная фотография на долгие годы стала для В. П. Мыльникова основной профессией. Одно время он заведовал фотолабораторией. Фотографии В. П. Мыльникова использованы в десятках научных изданий, полевых отчетах сотрудников института. Да и сегодня, став уже доктором наук, Владимир Павлович, если того требуют обстоятельства, делает великолепные снимки археологических объектов и артефактов.

Главное влияние на формирование личности будущего ученого оказал академик А. П. Окладников. В. П. Мыльникову посчастливилось участвовать в полевых исследованиях археологических памятников практических всех эпох, начиная от древнекаменного века и кончая этнографическим временем, на территориях Дальнего Востока, Забайкалья и Прибайкалья, Западной и Восточной Сибири, Тувы, Алтая, Казахстана, Урала и Монголии. Кроме того, как считает сам Владимир Павлович, многое дало ему и участие в работах археологических отрядов других сотрудников института, в т. ч. и в международных экспедициях вместе с монгольскими, американскими, немецкими и казахскими коллегами.

Стремление стать профессиональным ученым привело В. П. Мыльникова, уже вполне сформировавшегося молодого человека, на студенческую скамью. В 1983 г. Владимир Павлович поступил на исторический факультет Кемеровского государственного университета, где специализировался на кафедре археологии. Его учителями были хорошо известные в Сибири археологи – профессора А. И. Мартынов, Я. А. Шер, В. В. Бобров. В 1989 г., окончив университет, В. П. Мыльников начал работать младшим научным сотрудником в секторе археологии Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Уже в университете Владимир Павлович определился с главным направлением

научной деятельности: его привлекают древние технологии и прежде всего проблемы, связанные с деревообработкой в скифское время. В. П. Мыльников изучил и обобщил опыт предшественников – С. А. Семенова, Н. И. Сокольского, В. В. Ольховского и др. – и сумел во многом пойти дальше в плане методики исследования и интерпретации материалов. Изучение богатейшего массива деревянных изделий из комплексов пазырыкской культуры, полученных М. П. Грязновым, С. И. Руденко, В. Д. Кубаревым, Н. В. Полосьмак и другими исследователями, позволило Владимиру Павловичу реконструировать технологические процессы, выявить ранее неизвестные приемы, инструментарий, технологии, использовавшиеся носителями пазырыкской культуры в домостроительстве, погребальной практике, хозяйстве и прикладном искусстве. Результатом работы стала его кандидатская диссертация, которая впоследствии была переработана в монографию «Обработка дерева носителями пазырыкской культуры» [1999], широко востребованную у специалистов. Особенно важно, что В. П. Мыльников не только самым тщательным образом изучил музейные коллекции, но и принимал активное участие в исследовании пазырыкских комплексов на плато Укок в южной части Горного Алтая.

В 2003 г. В. П. Мыльников успешно защитил докторскую диссертацию «Деревообработка в эпоху палеометалла (Северная Азия)». На этот раз проблемы, связанные с деревообработкой, рассматривались в максимально широком хронологическом и территориальном диапазоне. Многие фрагменты из диссертации в дальнейшем были опубликованы.

В 2003 г. Владимир Павлович был назначен на должность заведующего сектором музейных технологий и реставрации, а в 2005 г. возглавил отдел музееведения. Эту работу он успешно сочетает с научно-исследовательской. В. П. Мыльников автор и соавтор около 100 публикаций, в т. ч. девяти монографий и одного учебного пособия. Среди работ, вышедших в последние годы, следует особо отметить его совместную с З. Самашевым монографию «Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильни-

ка Берел)» [2004], посвященную уникальному комплексу высокохудожественных предметов из дерева.

Свой юбилей Владимир Павлович встречает полный творческих замыслов. Вне сомнения, он еще не раз порадует научное сообщество новыми открытиями, поскольку в его лице мы, безусловно, имеем уникального специалиста, пожалуй, единственного в своем роде. Конечно, не забывает В. П. Мыльников и профессиональной фотографии, и кинодела, которым отдает немало времени.

Приятным сюрпризом для всех нас оказалось недавнее издание книги стихов Владимира Павловича, где его талант творческой личности раскрылся в совершенно новом качестве [2008].

Список литературы

Мыльников В. П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 232 с.

Мыльников В. П. Деревообработка в эпоху палеометалла (Северная Азия): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2003. – 54 с.

Мыльников В. П. Дороги ветров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 147 с.

Самашев З., Мыльников В. П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). – Алматы: Берел, 2004. – 312 с.

2.6. Зося*

В самом начале сентября 1974 года меня, в то время младшего научного сотрудника Института истории, филологии и философии СО АН СССР, неожиданно пригласили в кабинет директора. Я только что вернулся из экспедиции и занимался разборкой полученных коллекций. Сезон в целом прошел неплохо. Были интересные и важные для меня научные результаты.

Алексей Павлович был в кабинете один. Он довольно подробно стал расспрашивать о прошедшем полевом сезоне. Особенно его волновал Илимский острог. Дело в том, что памятник находился в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС, а раскопки в городе Илимске, которого уже не существовало, требовали расширения. Казалось, Окладников был доволен услышанным. Пообещал в ближайшее время заглянуть на чердак, где в то время размещались наши лаборатории, чтобы ознакомиться с коллекциями (это было вообще в правилах Алексея Павловича).

Я уже собрался откланяться, как вдруг мой шеф, как-то загадочно улыбнувшись, спросил:

– А не хотите-ли, Слава, съездить еще в экспедицию? Погода на дворе прекрасная (действительно, было по-летнему жарко).

---

*Так звали Айну Петровну Погожеву все ее коллеги из Института археологии АН СССР.

У Вас есть что-нибудь на примете недалеко от города? Возьмите УАЗик, студентов своих и на пару недель я Вас благословляю.

Думаю, Алексей Павлович прекрасно знал, что я ему отвечу. Кто же откажется еще на целых две недели поехать в поле?! К тому же машину и деньги дают!

– Куда поедете? – продолжая лукаво улыбаться, спросил Алексей Павлович.

Я уже знал, что отвечу. Недалеко от Новосибирска, у села Крохалевка есть прекрасный археологический микрорайон. Там открыты и поселения, и городища, и могильник. Можно провести раскопки на нескольких поселениях с целью определения перспектив. Да мало ли, что можно сделать за полмесяца? В своих ребятах – студентах Новосибирского государственного пединститута и Новосибирского государственного университета я был тоже уверен. Кто же откажется от такого путешествия?!

Все это я с жаром выложил Окладникову, дополнив рассказом о полуфантастических перспективах Крохалевского микрорайона. К тому же у меня был Открытый лист на данный микрорайон. Мне показалось, что Алексей Павлович остался вполне доволен услышанным. Неожиданно, правда, спросил, кого я возьму. Узнав, что за несколько лет самостоятельных работ у меня сформировалась группа студентов, которая и археологией занимается, и в поле ездит с энтузиазмом и удовольствием, похоже, тоже был вполне удовлетворен.

Посчитав, что разговор окончен, я поднялся и стал благодарить Алексея Павловича за такой подарок. И тут, как бы что-то вспомнив, Окладников сказал:

– Да, вот еще что, Слава. Поступила к нам на работу новая сотрудница. Археолог. Работала в Институте археологии, в Москве. Занималась трипольской культурой, мелкой пластикой. Муж ее, один из ближайших сотрудников академика Марчука, переведен из Москвы в институт Гурия Ивановича, а Айна Петровна (так зовут супругу этого математика) будет работать у нас. Мы недавно познакомились, и Айна Петровна попросила отправить ее в какую-нибудь экспедицию. Для вхождения в тему. Ведь теперь ей придется работать в Сибири. Намерение, безусловно, достойное уважения… Но вот только не знаем мы совсем человека…. А столица есть столица. Головной институт… К нам, сибирякам, там относятся поразному… Так что… Ну, Вы меня поняли… Нужно показать марку. О Вас будут судить как о представителе института, и

не только московские археологи, но и наши академгородковские математики…

Я сказал Окладникову, что все понимаю, постараюсь сделать все, чтобы и наука, и быт в отряде были «на уровне».

О москвичах в нашей среде разговоры ходили разные и, скажу откровенно, не очень восторженные. Правда, с археологами, занимающимися западносибирской проблематикой, у меня были неплохие творческие контакты, но люди в Институте археологии работали разные и относились там к нашему совсем еще молодому институту тоже по-разному. Не на много проще была обстановка и в Академгородке, где наш институт был единственным гуманитарным учреждением среди многочисленных физических, химических, математических, геологических НИИ, твердо вставших на ноги и не без основания заявивших о себе не только в стране, но и в мире. Так что репутацию свою мы только начинали зарабатывать. Понятно, что мнение одного-двух человек, даже хороших ученых – это еще далеко не все, но справедливо и то, что из таких крупиц в конечном итоге и складывается репутация не только отдельного ученого, но и учреждения.

Тогда я все это в полной мере не знал и не понимал, однако кое-что все-таки было ясно и для меня, да и Алексей Павлович без особых деталей, но все же понятно объяснил ситуацию. И тем не менее, говорю совершенно откровенно, мои положительные эмоции все-таки перевешивали все остальное. Я очень любил полевую археологию (как люблю ее и сейчас), а все остальное было для меня вторичным. «Может быть, и человек эта Айна Петровна не такой уж плохой (хотя и москвичка)», – думалось мне.

Вечером мы собрались всем нашим отрядом в педовском студенческом общежитии, где я рассказал ребятам о неожиданно свалившемся на нас подарке. Конечно, с одной стороны, все были в восторге. И в мыслях не было, что деканат кого-то не отпустит на две недели. Все без исключения ребята учились очень прилично, да и письменная просьба академика Окладникова была более чем весомым аргументом. С другой же стороны, присутствие в отряде незнакомого человека, без сомнения хорошего профессионала (кандидата наук), привносило известные проблемы. Может так случиться, что эти две недели покажутся весьма и весьма нелегкими, ведь люди бывают разные… Однако все мы были тогда молодыми, полными

оптимизма, задора и о плохом если и думали, то тоже с оптимизмом – все равно преодолеем! Все же, не скрою, некоторую нравоучительную лекцию я ребятам прочел. Я был их постарше и кое-какой жизненный опыт у меня уже был.

Кажется, на следующий день я позвонил по данному мне в приемной телефону Айне Петровне. Ответили вполне приветливо и дружелюбно. Айну Петровну Окладников уже обрадовал, и мне показалось, что ее желание поскорее познакомиться с сибирским полем вполне искреннее. Договорились, что мы заедем за ней и отправимся прямо от ее дома в Крохалевку.

Солнечным ранним утром мы подъехали к дому в глубине Морского. Нас уже ждали. Красивая молодая женщина со слегка выраженными восточными чертами лица, одетая в черную кожаную куртку, джинсы и короткие сапожки. Рядом стоял рослый моложавый мужчина.

Я вышел из машины. Мы поздоровались. Айна Петровна представила мужа – Иван Борисович Погожев. Мне показалось тогда, что Иван Борисович был не очень доволен отъездом жены в экспедицию. Да еще осенью, да еще с совершенно незнакомыми людьми, да еще с до неприличия юным начальником. Может быть, впрочем, это мне показалось, и я был совсем не прав? Скорее всего, Иван Борисович просто настолько обожал свою супругу, что даже две недели были для него мучительно долгим сроком… Вообще-то, он был безусловно прав, и в этом как я, так и весь наш отряд убедились очень скоро.

В Крохалевке мы разместились в корпусах пионерского лагеря. Сторож Иван Васильевич, местный крестьянин, был знаком по прошлым нашим экспедициям и всегда помогал нам, как, впрочем, и мы ему.

Лагерь был уже пуст, и поэтому разместились мы с комфортом. Конечно, в экспедиции в те времена жили мы очень скромно (в сравнении с сегодняшним нашим бытом). Но так тогда жили все, и не только мы, новосибирцы, но и москвичи. Питались тоже скромно. К государственному полевому довольствию каждый добавлял, что мог, из каких-то домашних запасов.

Мы были приятно удивлены, когда на кухню, где помещались наши продукты, Айна Петровна сразу принесла довольно объемную сумку, из которой стала извлекать вещи, в наших магазинах в те времена не виданные (как потом выяснилось, прямиком из докторского стола заказов для членов академии и ведущих ученых Академгородка). Груду консер-

вов и копченых колбас дополнила большая бутылка армянского коньяка, что, несомненно, добавило наших симпатий новому члену отряда. Потом был вечер, а точнее – вечера, на которых вообще происходило нечто из ряда вон выходящее.

Наш отряд был поющим. Мы очень любили и неплохо знали русские и советские песни. Саша Липатов на своем баяне мог с лету исполнить все что угодно. И тут вдруг мы увидели, а точнее услышали, что Айна Петровна не только прекрасно поет весь наш репертуар и ее вкус полностью совпадает с нашим, она знала, кроме того, такие песни, которые мы если и слышали, то в каких-то отрывках. В ее репертуаре был редчайший в то время песенный набор, состоящий из бардовских, а также эмигрантских, белогвардейских, даже блатных и полублатных, песен.

В ее исполнении все это звучало по-настоящему красиво: если нужно – трагично, если нужно – с юмором. Пела она прекрасно. Песни дополняли очень серьезные рассказы о вещах, казалось бы, известных: о революции, Гражданской и Великой Отечественной войнах, репрессиях, Сталине и, конечно, ее многочисленных экспедициях в Среднюю Азию, Казахстан, да и другие места Союза. Что было важным при этом, может быть, самым важным – мы услышали тогда очень много правдивого и честного, что стало доступным для многих только в девяностые, однако в отличие от девяностых, когда развенчивалось все, что надо и не надо, мы услышали эту правду, прежде всего, с болью и безмерной любовью к стране, к ее людям. С пониманием трагедии и красных, и белых. Пожалуй, так мог только Шолохов в своем гениальном «Тихом Доне».

Вот это по-настоящему потрясло нас. И эти общения для всех оказались великолепными уроками на всю оставшуюся жизнь. Особенно важно, что уроки эти, по крайней мере для меня, продолжались еще много лет, как минимум до переезда Погожевых в Москву.

Однако не только это подкупало в Айне Петровне. Она сразу же проявила себя как великолепный археолог, прекрасный полевик, тонко чувствующий и понимающий характер археологического памятника. Она с удовольствием работала на тех объектах, которые я ей предлагал (а это были поселения эпохи бронзы, причем памятник Крохалевка-4 был многослойным и довольно сложным), при этом совершенно не чуралась физической работы, когда это было необходимо.

Она не стеснялась спрашивать, причем задавала очень дельные вопросы не только по тому, что мы делали, но и по бронзе Западной Сибири вообще. Как правило, это были малоизученные и крайне дискуссионные проблемы, говорить о которых было просто интересно.

Понятно, что вернулись мы в город через две недели уже друзьями. Все мы, и я, и ребята, были просто очарованы нашей московской «практиканткой», да и у нее, как потом выяснилось, осталось о нас самое хорошее впечатление.

Так, в Крохалевке, началась наша дружба, которой и сегодня мы дорожим.

Потом были и совместные экспедиции. Тему Айне Петровне определили хотя бы как-то близкую к ее бывшим работам по Триполью, а именно бронзовый век Горного Алтая. Кроме афанасьевской культуры здесь мало что было известно, да и афанасьевская культура несла больше загадок, чем мы о ней в то время знали.

Надо сказать, что за весьма короткое время (буквально за несколько лет!) ей удалось сделать несколько фундаментальных открытий по горно-алтайской бронзе. Именно с ее работами в Центральной части Горного Алтая у поселка Озерное связано последующее совершенно оригинальное открытие погребального комплекса с каменными ящиками в могилах, где на одной из плит имелось антропоморфное изображение, выполненное красной краской [Погожева, Кадиков, 1979]. Это был первый памятник еще не известной тогда культуры эпохи развитой бронзы, и это прекрасно понимала Айна Петровна. Через несколько лет В. Д. Кубарев исследовал в Онгудае знаменитый своими полихромными изображениями каракольский могильник [1988]. Все эти материалы (как и уже известные к тому времени), были позднее квалифицированы как особая каракольская культура эпохи развитой бронзы [Молодин, 1991].

Именно Айне Петровне принадлежит честь открытия замечательной плиты из того же Озерного – удивительного произведения наскального искусства, статью о которой мы с ней совместно подготовили и опубликовали [Молодин, Погожева, 1990].

Навсегда останутся в памяти совместные раскопки афанасьевского поселения Кара-Тенеш, где были исследованы (впервые!) остатки жилых сооружений [Погожева, Молодин, 1980]. Замечательны ее исследования погребальных комплексов

афанасьевской культуры в районе села Черный Ануй [Погожева, 1984; 1988]. Совсем недавно Айна Петровна вновь вернулась к этим материалам и опубликовала их в виде монографии [Погожева и др., 2006].

Вообще, Айне Петровне были свойственны очень смелые и нестандартные поступки. Чего только стоил инициированный и реализованный ею приезд на Денисову пещеру, где я в то время исследовал голоценовые отложения, известного в мире археолога из ФРГ, профессора Г. Мюллера-Карпе. Официальное разрешение на эту поездку у нее было устное (то есть его, по сути, не было). К счастью, обошлось без неприятностей.

В 2008 году я встретился с профессором на симпозиуме в Германии, мы оба с огромной теплотой вспоминали этот эпизод и, конечно, его организатора и вдохновителя – Айну Петровну Погожеву.

Конечно, останься она в Сибири, многое в ее творчестве сложилось бы по-другому. Она попросту не успела в полной мере себя реализовать… Хотя за это время было немало сделано. Айна Петровна подготовила и опубликовала прекрасную монографию по трипольской пластике (скульптурным изображениям женщин) [Погожева, 1983], в которой мне довелось поучаствовать в качестве ответственного редактора. А несколько позже эта работа, уже существенно дополненная, была издана в Германии [Pogoševa, 1985]. Ивана Борисовича в 1983 г. вновь перевели в столицу вслед за академиком Г. И. Марчуком, который возглавил сначала Государственный комитет по науке и технике, а затем Академию наук СССР. Помню, незадолго до отъезда в Москву Айна Петровна помогла мне отредактировать и подсократить автореферат моей докторской диссертации (как оказалось, у нее был опыт работы научным редактором).

Дальнейшая жизнь так сложилась, что Айна Петровна не долго проработала в Институте археологии, ушла по собственному желанию. Я не знаю истинных причин, но уверен, что это была огромная потеря не только для института, но и для всей нашей науки.

Хотя из науки, к счастью, она не ушла. Айна Петровна стала блестящим популяризатором. Ее особый, сугубо индивидуальный подход к источникам, который всегда ощущался уже на стадии полевого изучения памятника, позволял совершенно по-особому воспринимать, а затем интерпретировать источник. Она всегда пыталась проникнуть в ту прошлую жизнь, такую далекую от нас, понять мироощущение людей того

времени, прочувствовать их обряды, традиции, религию... Думаю, что очень часто это ей удавалось.

Поэтому я совсем не удивился, когда получил от нее детскую археологическую книжку под интригующим названием «Агни. История одной девочки» [2003]. Именно в этой замечательной работе отчетливо проявилось не только великолепное мастерство писателя (причем детского!), но и удивительно глубокое, прочувствованное знание наших далеких-далеких предков. Мне было интересно читать это произведение не только как человеку хорошо знающему (и любящему) автора, но и как профессионалу, поскольку многие нюансы жизни древних трипольцев были показаны (так и хочется сказать – подмечены) автором удивительно правдиво. Казалось, будто Айна Петровна была знакома с этой далекой от нас девочкой. Благодаря книге трипольская девочка стала нам по-настоящему близкой и дорогой. Наверное, и у детей, и у внуков наших возникло это чувство близости с девочкой Агни из далекой культуры эпохи ранней бронзы, когда они читали это замечательное произведение.

Вторая книжка удивила меня не меньше. Она была посвящена маме – Полине Тимофеевне Кусургашевой, прожившей трудную, но удивительно интересную жизнь [Погожева, 2004]. Одно то, что ей выпало быть одним из секретарей А. М. Горького, не может не вызывать интереса и уважения. В этой работе Айна Петровна выступает уже в роли публициста. Замечательно, что, читая книгу, я невольно вспоминаю наши крохалевские беседы у костра, в которых о сложнейших проблемах говорилось по-человечески просто, доходчиво и понятно, где надо – с болью, но без «чернухи» и охаивания. «Не судите» – вот тот мудрейший принцип, которым руководствуется наш автор. К сожалению, такого подхода многим из нас недостает. Гражданская война давным-давно закончилась, а мы и сейчас продолжаем воевать…

С Айной Петровной мы дружны до сих пор и будем дружить ровно столько, сколько нам отпущено. Это родной и близкий человек для меня и моей жены Наташи, которая совсем еще юной девочкой была в нашей крохалевской экспедиции.

А в настоящее время Айна Петровна работает над мемуарами. Я уверен, что рассказ о ее интересной, удивительно насыщенной событиями жизни при ее писательском таланте станет настоящим бестселлером!

Список литературы

Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 172 с.

Кубарев В. Д. Загадочные росписи Каракола. – М.: Изд-во СО РАН, 2013. – 75 с.

Молодин В. И. Развитая бронза Горного Алтая // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. – Уфа: Изд-во Башкир. гос. ун-та, 1991. – С. 9–13.

Молодин В. И., Погожева А. П. Плита из Озерного (Горный Алтай) // СА. – 1990. – № 1. – С. 167–177.

Погожева А. П. Антропоморфная пластика Триполья. – Новосибирск: Наука, 1983. – 145 с.

Погожева А. П. Курганы эпохи бронзы на западе Горного Алтая // АО 1982 года. – М.: Наука, 1984. – С. 225–226.

Погожева А. П. Горно-Алтайский разведывательный отряд // АО 1986 года. – М.: Наука, 1988. – С. 248–249.

Погожева А. П. Агни. История одной девочки. – М.: Рубиновый луч, 2003. – 184 с.

Погожева А. П. Славная моя человечеще. Горький и его окружение (1928–1936 гг.) Воспоминания Айлым (П. Т. Кусургашевой). – М.: Муравей, 2004. – 115 с.

Погожева А. П., Кадиков Б. Х. Могильник эпохи бронзы и пос. Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 80–84.

Погожева А. П., Молодин В. И. Раскопки на поселении Кара-Тенеш (1978) // Археологический поиск. Северная Азия. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 92–98.

Погожева А. П., Рыкун М. П., Степанова Н. Ф., Тур С. С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. – Барнаул: Из-во Алт. гос. ун-та, 2006. – Ч. 1. – 233 с.

Pogoševa A. P. Die Statuetten der Tripolje-Kultur // Beitrage zur Allgemeinen und vergleichenden Archäologie. – Sonderdruk, 1985. – Bd. 7. – S. 95–242.

2.7. Учитель
(к 90-летию со дня рождения профессора Т. Н. Троицкой)

Учитель. Какой же глубочайший смысл таится в одном этом слове! Сколько лет прошло, а учителей, которые учили в школе, помнишь. И институтские преподаватели на всю жизнь в памяти. Потом аспирантура – и здесь учитель. Наконец уже самостоятельная работа, но счастлив тот, у кого и в это время есть учителя. Вот, кажется, и возраст вполне солидный, и собственных учеников хватает, а учителя и сейчас есть! Прав был К. С. Станиславский, когда говорил: «Не тот учитель, который учит, а тот, у которого учатся». Однако последнее справедливо уже для старшего возраста. В детстве и юности учитель, несомненно, должен учить и в то же время воспитывать. Настоящий учитель в значительной степени походит на отца или мать: с одной стороны, добрый, мудрый, отзывчивый, если хотите, любящий, с другой – строгий и справедливый, а порой и суровый.

Если подумать серьезно и беспристрастно, то, наверное, каждый из учителей (или почти каждый) оставил в душе след и сделал для тебя что-то доброе и хорошее. Даже тот, которого ты не любил, или который не любил тебя.

Однако, если повезет, появляется в твоей жизни человек, который, по существу, становится в ней определяющим.

Определяющим твою дальнейшую жизнь и судьбу. Наверное, это и есть тот самый Учитель с большой буквы. Именно таким людям мы обязаны в жизни многим, если не всем.

Это может показаться странным, но очень часто учителей своих мы выбираем для себя сами, и по-настоящему бывают счастливы и ученики, и учителя, когда испытывают от взаимодействия удовлетворенность и удовольствие.

Я счастлив, что в моей жизни настоящих учителей несколько, и первой среди них была и остается Татьяна Николаевна Троицкая – человек, которому я обязан очень и очень многим. Именно Т. Н. Троицкая дала мне, что называется, путевку в жизнь, именно она заложила во мне профессиональную основу, которая остается до сих пор.

И, кажется, все, о чем пойдет речь, было совсем-совсем недавно. Как в той песне: «Это было недавно, это было давно…».

…Мечта стать археологом сформировалась у меня примерно за два года до окончания средней школы. То, что это случилось достаточно рано и в итоге действительно оказалось любимым делом жизни, конечно, огромная удача. Но пока это была просто наивная детская мечта, родившаяся под влиянием хороших книг, пронизанных романтикой поиска и путешествий. О существе профессии я, конечно же, ничего не знал. Однако мечта определила цель, и к этой цели я стал стремиться со школьной скамьи, изучая первый том «Всемирной истории».

В археологии меня привлекала, прежде всего, античность, а о сибирских древностях я впервые узнал из популярной лекции академика Алексея Павловича Окладникова, прочитанной им на заседании Географического общества Новосибирска, куда был открыт доступ самой широкой публике. После этой лекции, посвященной работам сибирских ученых в Монголии, для меня как-то сразу определилось мое будущее. Я решил поступать на гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета и учиться археологии у Окладникова.

Однако в жизни все оказалось значительно сложнее, чем в книжках, где декларировалось, что «все пути для нас открыты». В университет я не прошел по конкурсу, который был в тот год просто жесточайший: одновременно поступали ребята после одиннадцатилетки и после десятилетки, так что шансы попасть в ВУЗ уменьшались в среднем где-то в два раза.

Нужно было собираться в армию. Хотя перспектива эта меня особо не страшила, но я бы покривил душой, если бы сказал, что воспринимал ее с восторгом.

Все решил, как это часто бывает, Его Величество случай. В это время у нас дома гостил мой двоюродный брат Леонид Захарович Горбачев (для меня, естественно, просто Леня). Недавний выпускник истфака Новосибирского государственного педагогического института, он много рассказывал мне о бурных днях студенческой жизни. Он был в курсе моих стремлений, вполне разделял их и искренне сочувствовал по поводу неудачи. Именно Леня и предложил мне поступать на истфак пединститута (экзамены там начинались на месяц позже, чем в НГУ). Мотивировка у брата была одна – в пединституте работает археолог Татьяна Николаевна Троицкая. Ежегодно ребята ездят в поле, ведут раскопки в Новосибирской области под ее руководством, а один из сокурсников Лени (Володя Дремов) поступил после окончания ВУЗа в аспирантуру Томского университета, где профессионально занимается антропологией.

– Почему бы тебе не последовать его примеру? – убеждал меня брат.

Трезво все обдумав, я решил все-таки предпочесть армии истфак пединститута, на который, впрочем, еще нужно было поступить. Как оказалось, конкурс сюда был не на много меньше, чем в университете, и среди абитуриентов я во многих узнавал неудачников, как и я, не прошедших на гумфак НГУ.

На вступительных экзаменах в пединституте мне повезло больше – я поступил. Истфак института размещался в то время на последнем этаже здания средней школы на ул. Кубановской, что около железнодорожного вокзала. Оно никак не напоминало высшее учебное заведение ни внутри, ни снаружи. Однако с началом занятий все как-то встало на свои места. Объяснялось это очень хорошим уровнем преподавания на факультете практически всех без исключения дисциплин, включая, разумеется, и исторические. Я, конечно, помнил о Т. Н. Троицкой и с нетерпением ждал ее лекций. Татьяна Николаевна читала на первом курсе две дисциплины: археологию и историю Древнего мира. Читала она их весьма академично, без особых эмоций, лишь иногда отвлекаясь на колкое замечание в адрес какого-нибудь нерадивого, слегка

задремавшего студента или еще на что-нибудь в этом же духе. Впрочем, поскольку мне были интересны сами предметы, на форму изложения я внимания особо не обращал.

Все резко изменилось с того момента, когда Троицкая стала вести семинарские занятия. Татьяна Николаевна стала учить нас размышлять и анализировать факты, делать на их основании исторические выводы. Особенно мне почему-то запомнились семинары по законам царя Хаммурапи.

Если же учесть, что в школе от нас требовали запоминать прочитанное или изложенное на уроке преподавателями, то ее семинары отличались разительно, поскольку Троицкая требовала от нас анализа прочитанного. Самостоятельная мысль студента, порой, мягко говоря, очень спорная, приводила Татьяну Николаевну в хорошее настроение, но замечательно было и то, что ты сам, совершив для себя это маленькое научное открытие, был счастлив. Действительно, это было очень приятно, тем более что случалось не часто.

Как-то, после одной из лекций, я осмелился и подошел к Татьяне Николаевне. Заметно волнуясь, я сказал, что хотел бы заниматься у нее в археологическом кружке, который, как я узнал, функционировал на факультете. Троицкая, кажется, ничуть не удивилась и несколько оживилась лишь тогда, когда узнала, что я немного рисую. После занятий мы спустились с ней на первый этаж, в маленькую комнатку без окон, тускло освещенную единственной лампочкой. В этой каморке под лестницей, в буквальном смысле этого слова, стоял стол, стул и стеллаж, заставленный деревянными ящичками. В ящичках лежали обломки глиняных сосудов. Эти необычные черепки были украшены затейливыми узорами, а некоторые подклеивались друг к другу, что тут же продемонстрировала мне Троицкая.

Как сейчас помню, меня просто потрясло, что черепки эти относятся к VIII–VII векам до нашей эры и происходят не из Причерноморья или с Дальнего Востока, а с берегов нашего родного Обского моря.

Черепки эти нужно было максимально подклеить, потом зашифровать, а потом и попробовать зарисовать. Как это ни странно, я занялся этими процедурами с большим удовольствием и пропадал в нашем чуланчике все свободное время. Должен сказать, что и сегодня работа с керамикой

доставляет мне истинное удовольствие. Эту любовь я стараюсь культивировать и у своих учеников.

Ребят в кружке было немного. На выпускном курсе учился Вася Есин, которого Татьяна Николаевна очень хвалила как способного полевика-разведчика. Курсом старше меня училась Валя Романцова, несомненно, тоже «помешанная» на археологии. Я внимательно слушал старших товарищей, которые уже не раз бывали в экспедициях и на студенческих конференциях. Рассказывали мне и про легендарного Володю Дремова, теперь аспиранта ТГУ, а в недалеком прошлом – активного кружковца-фанатика, отличавшегося тем, что в экспедиции он даже спал в палатке вместе с только что извлеченными из курганов черепами и костями скелетов. Татьяна Николаевна о Дремове всегда рассказывала с большим удовольствием, демонстрировала его полевые зарисовки планов поселений и городищ из самостоятельной разведки Володи на р. Уень, которую тот предпринял на последнем курсе института. Передо мной был несомненный образец для подражания.

Учился я с удовольствием и, в общем-то, успешно. Исторические дисциплины вели прекрасные преподаватели, своеобразные по манере изложения, любящие свои предметы. Да и остальные дисциплины особенно не отягощали и были по-своему интересны, чему в немалой степени способствовал высокий уровень чтения лекций и ведения семинарских занятий.

Приближалась первая сессия. Два экзамена мы должны были сдавать Татьяне Николаевне – археологию и первую часть истории Древнего мира. Готовился к ним я очень серьезно. Мне хотелось не ударить лицом в грязь, что и удалось сделать. Не проявляя никаких эмоций и изрядно погоняв меня по обоим предметам, Троицкая поставила мне отличные оценки. Я был счастлив.

По-видимому, как-то оценив мое рвение, Татьяна Николаевна после сессии направила меня в настоящую командировку в Кемеровский государственный пединститут, в археологическую лабораторию, возглавляемую Анатолием Ивановичем Мартыновым. Я должен был познакомиться с методами реставрации древних металлов, что для Троицкой было весьма актуально. Ее экспедиция добыла уже немало древних предметов из бронзы и железа, требующих реставрации и консервации.

Наверняка, из-за хорошего отношения к Татьяне Николаевне встретили меня, первокурсника (!), весьма радушно. Показали и роскошные тагарские бронзы, и все необходимое для их реставрации. Более того, удалось получить уроки профессионального археологического рисунка у очень хорошего художника и замечательного человека – Эмиля Ивановича Биглера. Кажется, Татьяна Николаевна осталась довольна этой моей поездкой.

Второй семестр в трудах и заботах пролетел незаметно. Уже в середине мая Татьяна Николаевна собиралась выехать в экспедицию. Поездка намечалась с учениками школы села Листвянские Шахты, где директором и учителем истории работал выпускник пединститута Борис Никитин. Мне, конечно, тоже хотелось поехать, хотелось попробовать себя в поле. Надо сказать, что я был домашним ребенком. В походы и различные поездки особо не рвался. По этой причине экспедицию ожидал с тревогой. «Смогу ли переносить все тяготы полевой жизни?» – думалось мне. Жить в палатке, готовить обед на костре, по восемь часов в день «стоять на лопате» – все это не то чтобы пугало, но, скажу откровенно, настораживало. Однако проверить себя было необходимо.

Для того чтобы поехать в поле уже в мае, нужно было досрочно сдать летнюю сессию. Прямо скажу, далеко не все преподаватели приветствовали это мое желание. Тем не менее Троицкая договорилась с деканатом, и я, получив разрешение и сдав все экзамены на «отлично», выехал в свое первое поле. Замечу, что практика эта вошла в традицию, и я на протяжении последующих четырех лет в летнюю сессию поступал аналогичным образом.

Первые экспедиции запомнились на всю жизнь. Татьяна Николаевна на практике учила меня методике полевых исследований погребальных и поселенческих комплексов, ведению планов и чертежей, но, пожалуй, самое главное – она учила меня пониманию памятника, умению распознавать культурные слои, всевозможные конструкции.

Научиться по-настоящему всем этим премудростям можно было только на практике. Помню, как мы мучились, исследуя печь для обжига керамики на поселении Ордынское-6. Сложнейший объект! И как мастерски раскопала его Т. Н. Троицкая!

Кроме умения «копать» Татьяна Николаевна сразу же прививала мне чувство ответственности, ведь, раскапывая археологический объект, археолог, как правило, уничтожает его. И от того, как составлены чертежи, сделано описание, фотофиксация, зависит и интерпретация объекта, а следовательно, и его новая жизнь в науке. Собственно говоря, то, ради чего и проводятся археологические раскопки.

В поле Т. Н. Троицкая всегда была предельно неприхотлива. Питалась вместе с нами скромной едой и ко всем остальным трудностям походной жизни относилась стоически.

Из нашего более чем скромного полевого довольствия (50 копеек в сутки!), Татьяна Николаевна умудрялась что-то экономить и по завершении сезона выдавать нам еще какие-то деньги на руки. Частенько она просто вкладывала и свои деньги, чтобы нам жилось посытнее. Это правило стало для меня законом на всю жизнь. Как бы трудно мы ни жили, но члены отряда всегда получают у меня остаток полевого довольствия. Для многих ребят, живущих небогато, это очень важно.

К следующему учебному году истфак переехал в новое здание на улице Советской. И хотя по проекту оно представляло собой типовую школу, все же это было несравнимо с Кубановской.

Т. Н. Троицкая «выбила» у деканата помещение под археологический музей, где разместились и наши коллекции. Кроме того, нам, археологам, дали еще и маленькую комнатку, в которой мы устроили настоящую камеральную лабораторию. Какими же чудесными были эти часы работы над материалом! И когда из груды бесформенных черепков у тебя в руках вдруг складывается целый глиняный кувшин, которому несколько тысяч лет, – дух захватывает!

Со второго курса для меня настал новый, следующий этап обучения. Теперь я отчетливо понимал, что экспедиция – это не только не страшно, это прекрасно! Я понял, что это мое и выбор мой правилен.

Татьяна Николаевна, думаю, тоже это вполне поняла, тем не менее она никогда не пыталась как-то повлиять на мой выбор. Между тем соблазняли меня дважды. Сначала на первом курсе профессор Михаил Михайлович Шорников – блестящий ученый, замечательный человек, весьма котирующийся в профессорско-преподавательских кругах Новосибирска,

одним из первых получивший очень высокий орден Октябрьской революции – предложил мне серьезно заняться историей КПСС. Соблазн был велик. Я рассказал об этом Троицкой. Никакого совета я от нее не получил. Слава богу, хватило ума отказаться, и Михаил Михайлович меня прекрасно понял.

Второй раз все было гораздо сложнее. На третьем курсе профессор Екатерина Ивановна Соловьева предложила мне перевестись в НГУ с дальнейшей подготовкой в аспирантуре для ее кафедры. Тематика была вроде бы тоже подходящей. Соловьева предлагала мне совершенствоваться по феодализму с последующей разработкой первой части курса истории СССР. Я вновь пошел за советом к Троицкой. Ответ был аналогичным. «Решай сам», – сказала Татьяна Николаевна. Таких условий, в том числе аспирантуры, она не предлагала, потому что просто не могла мне этого предложить. После ВУЗа всех нас ждала сельская школа. Было бы неискренним сказать, что я ни минуты не колебался. Причем, с кем ни советовался – с родителями, друзьями, все говорили: «Не будь дураком! Такой шанс в жизни представился – соглашайся!». А вот Троицкая, чье мнение для меня было очень важным, отказалась что-либо советовать.

В результате мучительных раздумий предложения Екатерины Ивановны я не принял. Она, по-моему, слегка даже обиделась за этот отказ. Впоследствии я не раз благодарил в душе Татьяну Николаевну за проявленную ею мудрость. Такое судьбоносное для человека решение, как выбор профессии, каждый должен принимать для себя сам. Ведь, в конечном итоге, ему же жить! А всю жизнь заниматься делом, пусть приятным, но не любимым – это, наверняка, трагедия для человека.

Итак, на втором курсе Татьяна Николаевна стала давать мне темы для научных докладов. Сначала я работал над печью для производства керамики, готовясь к Московской всесоюзной студенческой конференции, которую ежегодно проводила кафедра археологии МГУ. Дело было абсолютно новое, опыта у меня никакого не было. Я, конечно, прочел довольно много специальной литературы, склеил и нарисовал керамику, найденную в печи на памятнике Ордынское-6, подготовил красивые чертежи и рисунки. То, что я принимал участие в раскопках памятника, конечно, облегчало дело, однако текст доклада мне пришлось переписывать несколько раз. В резуль-

тате моего там осталось не так уж много. Татьяна Николаевна, по существу, написала за меня этот доклад. Однако это было прекрасной школой. И то, что моя первая научная статья, посвященная этой самой печи, увидевшая свет в 1968 г., используется научным сообществом до сих пор, – заслуга моего учителя.

Второй доклад, уже на первую региональную научную студенческую конференцию в Свердловск, был посвящен андроновской культуре эпохи бронзы, точнее сказать – Вахрушевскому могильнику, исследованному Татьяной Николаевной. Сценарий подготовки доклада был прежним. Я читал и писал, Троицкая беспощадно правила. В результате мой доклад получил диплом первой степени и был рекомендован на Московскую всесоюзную студенческую конференцию. На меня обратил внимание Владимир Федорович Генинг, создававший в то время уральскую археологическую школу. Эйфория у меня, конечно, зародилась, но Татьяна Николаевна встретила все это без особых эмоций, и до меня, слава богу, дошло, что моя личная роль в этом успехе, в общем-то, невелика. Это понимание было очень важным, поскольку стимулировало к дальнейшей тяжелой работе. Это сказалось уже на следующем моем докладе, подготовленном на четвертом курсе и посвященном проблемам развития бронзы и кротовскому поселению Преображенка-3, который я в значительной степени писал самостоятельно, хотя и его, конечно, Троицкая правила очень серьезно.

Все это было очень хорошей школой. Татьяна Николаевна рекомендовала, что нужно читать и где искать необходимую информацию. Она посоветовала начать собирать специальную литературу, и моя (теперь огромная) библиотека начала формироваться именно тогда.

Получив в новом здании комнату под музей, Татьяна Николаевна, действуя через заочников, многие из которых работали на серьезных должностях и немало могли, оборудовала его прекрасными экспозиционными витринами, которые я, в меру своих возможностей художника, оформил по ею же разработанным эскизам. Получилось, по-моему, неплохо, и эта экспозиция, если мне не изменяет память, просуществовала довольно долго. В это же время Троицкая оформила меня в качестве лаборанта-полставочника, и я горжусь, что

мой профессиональный стаж был начат именно тогда. И, конечно, дело не в деньгах, которые были символическими, а в том, что я стал по-настоящему работать, и это придавало мне особое чувство ответственности за порученное дело.

Так интересная учеба и работа зимой сменялись долгожданными экспедициями, где постепенно Троицкая стала доверять мне какие-то самостоятельные кусочки работы, тщательно их контролируя и исправляя, если это требовалось. По-моему, курсе на четвертом я получил свой первый Открытый лист на разведки, и, конечно же, в этом событии, сделавшем меня по-настоящему счастливым, главным «виновником» была Татьяна Николаевна.

Со временем Троицкая стала доверять мне самостоятельные раскопки. Убедившись, что я уже что-то могу делать, Татьяна Николаевна поручилась за меня в отделе полевых исследований, и я еще в студенчестве получил Открытый лист на право проведения самостоятельных раскопок. Конечно, я был страшно горд и счастлив. Татьяна Николаевна была неизменно критичной. Хвалила редко и, как правило, за глаза. В студенчестве я был впервые допущен на взрослую научную конференцию в Томске. Доклад там сделать, правда, не пришлось, но наслушался я многого. Дискуссии были очень острыми, и я, по натуре человек не конфликтный, с ужасом думал: «Зачем я связался с этой наукой?!». На наших молодежных форумах мы хотя и спорили, но как-то по-товарищески. А здесь, на взрослой конференции, все оказалось неизмеримо жестче.

Поделившись с Троицкой своими впечатлениями на сей счет, я услышал еще один мудрый совет: настоящая наука – вещь жестокая, и, как и вообще в жизни, встречаются в ней всякие люди, к этому нужно себя готовить. Почти дословно она тогда мне сказала: «Если будешь предан археологии, станешь трудиться не щадя себя – розы будут, но в любом случае – шипы будут непременно!».

Конечно, Троицкая, происходящая из профессорской семьи и всю жизнь проработавшая в ВУЗе, прекрасно знала, что говорит!

Надо сказать, что курса с четвертого отношения наши стали более доверительными. Мы уже говорили о многом в жизни, и определенные советы Татьяна Николаевна мне давала, правда,

к сожалению, я не всегда им следовал. Но, наверное, это закономерно: через все человек должен, по-видимому, пройти сам.

Быстро пролетели студенческие годы. Очень памятные и, по большому счету, счастливые дни жизни. На пятом курсе мы уже серьезно думали о трудоустройстве. Впереди была сельская школа, и речь шла, по существу, о том, как выбрать место поближе к городу.

В это время Татьяна Николаевна осуществила судьбоносное для меня действие. На одной из конференций в Академгородке она договорилась с академиком Окладниковым о моей заочной аспирантуре. Алексей Павлович согласился, но аспирантура в то время была целевая, то есть пединститут должен был дать мне соответствующие рекомендации и после окончания аспирантуры взять на работу. Похоже, что решить второй вопрос было для Троицкой гораздо сложнее, чем первый. Однако с помощью заведующего кафедрой Александра Максимовича Шиндина ей это удалось. Мне разрешили сдавать экзамен в заочную аспирантуру, при этом я получил направление в довольно-таки отдаленное село Елбань, в Маслянинский район Новосибирской области.

Какие чувства испытывала Троицкая, отдавая меня Алексею Павловичу? Думаю, что ей не очень хотелось этого. Она вложила в меня очень много, и, если бы мы работали вместе, археология в пединституте, наверное, выглядела бы посильнее. Тем не менее она пошла на это и никак не препятствовала, когда Окладников забрал меня впоследствии в свой академический институт. Конечно, к тому времени появились у Татьяны Николаевны и новые ученики: Витя Соболев, Женя Сидоров, Виталий Елагин, Витя Зах, Люба Антонова и другие ребята. Впрочем, в это время я был аспирантом – целевиком пединститута и по окончании аспирантуры должен был вернуться в alma mater.

В общем, Татьяна Николаевна сделала в то время все возможное (и даже невозможное), чтобы я не перестал заниматься археологией. За пять лет я прошел прекрасную научную школу, ведь я был у Троицкой уж если не единственным, то, по крайней мере, одним из тех, кто готовил себя к профессии археолога. Она, несомненно, понимала это и возилась со мной как ни с кем. Более того, со временем наши отношения с Татьяной Николаевной переросли в дружеские. Она была в курсе моей личной

жизни, всегда помогала и поддерживала, если вдруг возникали какие-то проблемы, которых, как известно, всегда хватает.

Столь же тесными оставались наши отношения, когда я стал работать в штате Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Итак, моя мечта заниматься «чистой наукой» осуществилась. Тем не менее специфика пединститута и направленность, которую давал этот ВУЗ, не могли не оказать на меня своего влияния. Я, в общем, с удовольствием занимался со студентами, руководил археологической практикой пединститута, что давало мне уникальную возможность уже на ранней стадии моей научной карьеры работать, что называется, на себя, делать то, что я хочу сам, а значит, активно собирать собственный научный материал. Надо сказать, что этому процессу целенаправленной работы над темой неолита и ранней бронзы лесостепного Обь-Иртышья, которую Троицкая, по существу, и сформулировала для меня, она всячески способствовала, передав в мое распоряжение сначала для дипломной работы, а затем и для кандидатской диссертации все, что у нее было по этой проблематике накоплено. Поэтому моему первому учителю я обязан тем, что защитил диссертацию в срок, сразу по окончании аспирантуры, что бывает не часто. Уже работая с Окладниковым, я по-прежнему часто бывал в пединституте и советовался с Троицкой. Я был счастлив, когда Татьяна Николаевна защитила докторскую. Думаю, что и она с радостью приняла мою защиту кандидатской. Теперь нашим тесным контактам способствовало еще и то обстоятельство, что кружковцы тех лет, серьезно занимающиеся археологией (Соболев, Сидоров, Елагин, Зах), были моими друзьями, а Витя Соболев и Виталик Елагин – в определенной степени и учениками.

Конечно, со временем жизнь все больше разводила нас по разным дорогам, но я, и когда стал уже окончательно взрослым, нет-нет да звонил Татьяне Николаевне посоветоваться по какому-нибудь нелегкому вопросу, как, впрочем, и она мне. Доверительность и теплота наших отношений не были утрачены, несмотря на нечастые теперь встречи, и это, думаю, чрезвычайно значимо для нас обоих.

Трагедией для нас стал безвременный уход наших ребят, воспитанников Татьяны Николаевны. Сначала трагически погиб Женя Сидоров – любимый ученик Троицкой, очень та-

лантливый молодой ученый и очень светлый человек. Потом от тяжелой, неизлечимой болезни скончался Витя Соболев, не менее талантливый, чем Женя, но уже по части организации образования. Он довольно быстро поднялся по служебной лестнице до должности первого проректора педуниверситета, к тому времени ставшего одним из крупнейших в России. По большому счету, от меня ушли братья, а от Троицкой – дети. А что может быть ужаснее?! Жесточайшим ударом для Татьяны Николаевны стал безвременный уход дочери Евгении, великолепного ученого-биолога, лауреата Государственной премии.

Все эти удары судьбы Т. Н. Троицкая пережила стоически, и один Господь знает, чего это ей стоило.

У Татьяны Николаевны эти беды, наверняка, отобрали не один год жизни, но тем не менее ее не сломали. Она по-прежнему не перестает работать со студентами, с завидным постоянством отыскивая и готовя для жизни все новых талантливых, преданных нашему делу молодых людей. Из ее воспитанников, которых Троицкая передала для нашего института, профессиональными археологами стали Люда Мыльникова, Андрей Бородовский, Андрей и Ольга Новиковы; докторами наук стали Саша Матвеев, работающий в Тюменском госуниверситете, и Витя Зах, который руководит лабораторией в ИПОС СО РАН. Художественно-графическим факультетом пединститута блестяще руководит профессор Виталий Елагин. Активно и небезуспешно занимаются археологией и руководят музеями: в нашем институте Ира Сальникова, а в пединституте, по существу, наследник Т. Н. Троицкой Игорь Дураков. И это, конечно, далеко не все, достаточно посмотреть хотя бы на содержание этого сборника.

И сегодня Татьяна Николаевна продолжает активно работать. Она просто не мыслит себя без студентов, без любимой археологии. С завидной регулярностью выходят глубокие, как всегда, статьи, учебные пособия, монографии. И еще. Любой мой хотя бы небольшой творческий успех она всегда отмечает теплым телефонным звонком. К стыду своему, далеко не всегда плачу ей тем же, тем не менее поступки свои всегда мысленно сопоставляю с ее возможной оценкой.

Так останется до тех пор, пока я занимаюсь археологией, а значит – до конца…

2.8. Оружиеведение в сибирской археологии (к 60-летию профессора Ю. С. Худякова)*

Во все без исключения эпохи в истории человечества сфера хозяйственной деятельности, связанная с производством оружия, была наиболее важной в экономической жизни общества. Если оружейный набор отставал от веяний времени, обществу угрожала опасность быть порабощенным либо вовсе уничтоженным. Поэтому технологии оружейного дела были обычно передовыми, ведущими в комплексе материального производства. Как известно, археолог, реконструируя исторический процесс, имеет дело с артефактами, которые он находит при изучении поселенческих, погребальных и иных комплексов. Обнаруженные предметы несут разную информативную нагрузку. Оружие в этом отношении имеет исключительное значение для реконструкции чрезвычайно важных аспектов изучаемой археологической культуры. Именно оружейный набор, динамично изменяющийся во времени и в пространстве, может являться надежным индикатором относительной (а порой и абсолютной) хронологии изучаемых археологических комплексов. Кроме того, оружие нередко обладает и культурно-диагностическими показате-

*Впервые опубликовано в сборнике «Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии» (Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2007. С. 5–14).

лями, по крайней мере в масштабах экономически близких культурных общностей. Изучение оружия позволяет также реконструировать стратегию и тактику ведения боевых операций, предоставляя тем самым информацию о социальной структуре того или иного сообщества. Все выше перечисленные факторы предопределяют актуальность использования данного вида археологических источников, делают эту тематику в высшей степени важной и научно значимой.

Оружиеведческая проблематика традиционно находилась в поле зрения ученых Института археологии и этнографии СО РАН (ранее – Института истории, филологии и философии СО АН СССР). Достаточно вспомнить, что у первого директора института – лидера сибирских гуманитариев академика А. П. Окладникова имелось немало исследований, относящихся к оружиеведению. К числу классических работ можно отнести его статью, посвященную луку, этому универсальному оружию, возникшему, вероятно, в конце палеолитической эпохи и до настоящего времени (!) используемому отдельными популяциями на охоте и в бою [1940]. Однако не будет преувеличением сказать, что в нынешнем виде оружиеведение в этом ведущем научном учреждении, да в значительной степени и в Сибирском регионе, получило многоплановое развитие благодаря Юлию Сергеевичу Худякову, ныне доктору исторических наук, профессору, главному научному сотруднику ИАЭТ СО РАН и одновременно заведующему кафедрой археологии и этнографии одного из самых известных вузов нашей страны – Новосибирского государственного университета.

Проблемами, связанными с изучением оружия и военного дела древних обществ Сибири и сопредельных регионов, Ю. С. Худяков занимается со студенческой скамьи. Достаточно сказать, что его первая опубликованная научная работа касалась вопросов изучения военной организации кочевников Евразии V–XII вв. [1971]. Этой же проблематике (с акцентом на анализ военного дела и изучение комплекса вооружения енисейских кыргызов, а затем и всех средневековых кочевников Южной Сибири и соседних территорий) были посвящены его диссертации на соискание ученой степени кандидата [1977а] и доктора [1987а] исторических наук.

Говоря о громадных научных заслугах Ю. С. Худякова в области оружиеведения, в рамках данной небольшой статьи я

коснусь лишь главных направлений деятельности юбиляра в этой области, которые, с моей точки зрения, можно назвать в значительной степени новаторскими.

Прежде всего, следует подчеркнуть факт высочайшей методической квалификации исследователя, его способность создавать блестящие типологии вооружения в целом, а также осуществлять глубокий анализ морфологии различных видов и конкретных предметов наступательного и защитного вооружения. В этой сфере им были разработаны типологические матрицы для разных видов вооружения, как оборонительного, так и наступательного, как дальнего, так и ближнего боя, относящегося к раннему железу и всей эпохе средневековья. Типологические построения сопровождались детальным анализом эволюции форм всех видов вооружения, скрупулезным подбором круга аналогий. Исследователь иллюстрирует сложные теоретические построения подробными и наглядными корреляционными таблицами и схемами. Подобные разработки выполнены Ю. С. Худяковым для целого ряда эпох и культур, народов и государств Южной Сибири, Центральной Азии и ряда сопредельных территорий [1977б; 1978; 1979; 1983].

К числу несомненных творческих успехов Ю. С. Худякова в решении актуальных проблем оружиеведения, имеющих большое значение для собственно исторического знания, следует отнести детальные характеристики комплексов вооружения народов, проживавших на различных территориях в разные эпохи. Им на высоком исследовательском уровне воссозданы максимально приближенные к действительности модели, отражающие реальную картину военного потенциала той или иной группы населения Северной Азии и соседних территорий. Наиболее фундаментально проработанными выглядят реконструкции исследователя, связанные с популяциями, проживавшими здесь в раннем, развитом и позднем средневековье [1980; 1986; 1991; 1995; 1997; 2002; 2003а, б].

Особую значимость (что является редкостью среди ученых-гуманитариев) представляют его работы, выполненные в рамках совместных проектов с коллегами – представителями естественных и точных наук из Института математики и Института гидродинамики СО РАН, а также из Института прикладной физики, в русле мультидисциплинарного подхода к анализу археоло-

гических реалий. Речь идет об изучении баллистических свойств и проникательных способностей таких предметов вооружения, как стрелы (их наконечников в частности), а также об анализе функциональных свойств защитного вооружения средневековых номадов Центральной Азии. Проведенные исследования стали примером продуктивного синтеза гуманитарного и естественно-научного подходов к исследованию вооружения народов прошедших эпох. Так, на основе обширной серии экспериментов (натурных и с использованием аэродинамической трубы для продувки моделей) были получены детальные баллистические характеристики стрел с различными типами наконечников, выполненных из разных материалов. В результате впервые в мировой научной практике была выработана основанная на эксперименте теория исторического предсказания для определения закономерностей развития ручного метательного оружия древних и средневековых кочевников евразийских степей [Ведерников, Худяков, Омелаев, 1995; Коробейников, Худяков, 2001; Коробейников, Худяков, Шутов, 2002; Худяков, Бобров, Филиппович, 2005]. Результаты исторического изучения опыта наших далеких предков были использованы нынешними учеными-баллистиками для выработки наиболее оптимальных форм современных проникателей, предназначенных для поражения защищенных различными видами брони наземных и воздушных целей. Подобного рода деятельность убедительно показала способность такой дисциплины гуманитарного профиля, как археология, внести свой вклад в развитие современного материального производства, в частности, направленного на укрепление обороноспособности нашей страны.

Отдельно следует остановиться на умении нашего уважаемого юбиляра прекрасно иллюстрировать свои научные работы. В его трудах всевозможные графические реконструкции воинского убранства, доспеха и конского снаряжения занимают особое место. Будучи прекрасным художником, Ю. С. Худяков наглядно, со знанием всех сторон технологии графического изображения представляет воинские аксессуары так, как они использовались в действительности. Подобные аспекты исследовательской деятельности имеют важное значение не только для профессиональных ученых, но и студентов, многочисленных любителей и ценителей древностей.

К числу бесспорных удач Ю. С. Худякова следует отнести оружиеведческие работы, выполненные на основе изучения им наскальных изображений. Исследования изображений батальных сцен, предметов вооружения, их сопоставление с реальными вещами, представленными в хорошо датированных археологических комплексах, позволили ему и иным авторам достаточно обоснованно определить во времени ряд петроглифических комплексов, открытых в Монголии и Горном Алтае [Худяков, 1981; 1987б].

Яркая и необычайно результативная деятельность Ю. С. Худякова в оружиеведении нашла немало последователей в науке. Можно назвать множество его учеников и коллег в ВУЗах Сибири и за рубежом, в той или иной мере изучающих проблемы эволюции оружия и военного дела народов Северной, Центральной и Восточной Азии, а также Восточной Европы. Относительно же возглавляемой им кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, в настоящее время можно уже говорить о научной школе оружиеведения, сложившейся на ее базе. Среди его последователей, работающих исключительно в русле оружиеведческой тематики, следует назвать, прежде всего, Л. А. Боброва, воспринявшего, наверное, лучшие качества своего учителя [Бобров, 2005]. Этот ученик где-то даже преумножил и превзошел достижения учителя, перейдя от черно-белых графических реконструкций к художественным многоцветным, чрезвычайно достоверным в своей основе изображениям воинов и батальных сюжетов, основанных на данных письменных источников и археологических находках. Учитель и ученик составили талантливый творческий тандем, свидетельством чему является серия совместных исследований, посвященных избранной тематике [Бобров, Худяков, 2003; Худяков, Бобров, 2004].

К числу проявленных Ю. С. Худяковым важных инициатив, способствующих развитию интереса у учащейся молодежи к историческому оружиеведению, следует отнести подготовку им цикла учебных пособий и методических указаний по проблемам военного сибиреведения и востоковедения, разработанных и опубликованных как самим исследователем, так и его учениками и коллегами [Худяков, 1994; 1996; Варенов, 1989; 1993].

Деятельность Ю. С. Худякова, несомненно, способствовала формированию и в Институте археологии и этнографии СО РАН научного направления, связанного с изучением проблем

оружиеведения. Здесь, прежде всего, следует назвать работы А. И. Соловьева, посвященные вооружению населения таежной зоны Западной Сибири, опубликованные в виде ряда статей и серьезного монографического исследования [1985; 1987]. Уже приходилось отмечать оригинальность данного научного труда и его значимость для понимания культурно-исторических и социальных явлений крупного региона Западной Сибири [Молодин, 1987]. А. И. Соловьев является автором блестяще выполненного научно-популярного издания, снабженного прекрасными реконструкциями вооружения древних воинов Сибири начиная с эпохи бронзы и заканчивая поздним средневековьем [2003]. Эта книга представляет несомненный интерес для самого широкого круга читателей. В определенной мере предшественником или «духовным отцом» данного исследования можно назвать именно Ю. С. Худякова.

В русле означенной тематики в ИАЭТ СО РАН другими исследователями выполнены научные разработки, касающиеся отдельных видов вооружения народов различных эпох [Молодин, 1993], а также анализа предметов вооружения, зафиксированных в составе петроглифических комплексов Горного Алтая и Монголии. Осуществленная интерпретация батальных сцен и предметов вооружения, изображенных на скалах, позволяет не только идентифицировать отдельные археологические реалии, но и реконструировать приемы ведения боя [Черемисин, 2004]. Важное научное значение имеют работы сотрудников института, посвященные анализу оружейного набора и тактики боевых действий в различные эпохи у населения соседствующих с Сибирью территорий, прежде всего Китая [Комиссаров, 1988; Варенов, 1993]. Это особенно ценно в плане проведения сравнительного анализа отдельных деталей вооружения и реконструкций. Одним из итогов такой работы стали несколько диссертационных исследований по оружиеведческой тематике, выполненных под руководством ведущих ученых института. В качестве примера можно привести диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук корейского археолога Кан Ин Ука (посвящена бронзовым кинжалам Восточной Азии) [2000] и А. Г. Шатова (посвящена анализу вооружения населения Западно-Сибирской равнины эпохи бронзы) [2005].

По инициативе, при активном участии и под редакцией Ю. С. Худякова в ИАЭТ СО РАН, а также в НГУ и некоторых других вузах были подготовлены и опубликованы интересные тематические научные сборники, посвященные оружиеведческой проблематике [Военное дело…, 1981; 1987; 1990; 1993; 1995; 2002; 2004; 2005; Вопросы…, 2001; Материалы…, 2002]. В работах над этими изданиями в качестве авторов, редакторов и рецензентов приняли участие преимущественно научные сотрудники и аспиранты ИАЭТ СО РАН, преподаватели и аспиранты кафедры археологии и этнографии НГУ, а также ученые из некоторых других организаций. Интегрирующее начало, продемонстрированное Юлием Сергеевичем в важнейшей области археологического поиска, было определяющим и в появлении серии этих интересных сборников научных трудов.

Работы профессора Ю. С. Худякова привлекли внимание к означенной тематике значительного круга молодых специалистов в различных городах Сибири, что имеет исключительное значение для развития одного из важнейших направлений в отечественной археологии, являющегося своеобразным «локомотивом» для остальных сфер научного поиска, связанных с эпохой палеометалла. Здесь можно назвать таких уже известных исследователей, как В. А. Кочеев [1992], В. Э. Шавкунов [1993], Г. Е. Иванов [1995], И. В. Сальникова [Salnikova, Khudiakov, 1996], А. В. Эбель [1998], В. В. Горбунов [2003; 2006], Ю. В. Герасимов [2005], и многих других. Нет сомнения, что сибирское археологическое оружиеведение, получившее столь мощный импульс развития благодаря многолетней неустанной и чрезвычайно плодотворной деятельности профессора Ю. С. Худякова, будет и далее крепнуть и совершенствоваться, находя новых сторонников в среде молодой научной смены.

Список литературы

Бобров Л. А. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии XV – первой половины XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2005. – 24 с.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Боевые наголовья кочевников Монголии и Калмыкии второй половины XVI – начала XVIII в. // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2003. – № 11. – С. 138–155.

Варенов А. В. Древнекитайский комплекс вооружения эпохи развитой бронзы: учеб. пособие. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1989. – 92 с.

Варенов А. В. История изучения оружия эпохи Шан-Инь. – Препр. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1993. – 28 с.

Ведерников Ю. А., Худяков Ю. С., Омелаев А. И. Баллистика от стрел до ракет. – Новосибирск: ИТПМ СО РАН, 1995. – 235 с.

Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – 199 с.

Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – 222 с.

Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1990. – 192 с.

Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. – 232 с.

Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1995. – 268 с.

Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2002. – 202 с.

Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2004. – Вып. 1. – 233 с.

Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2005. – 231 с.

Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2001. – 187 с.

Герасимов Ю. В. Оружиеведение в отечественной археологии: история и механизмы формирования научного направления: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2005. – 22 с.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Ч. 1: Оборонительное вооружение (доспех). – 174 с.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). – 232 с.

Иванов Г. Е. Вооружение и военное дело населения лесостепного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы – раннем железном веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1995. – 28 с.

Кан Ин Ук. Бронзовые кинжалы Китая в I тыс. до н. э. (проблемы типологии и хронологии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2000. – 21 с.

Комиссаров С. А. Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1988. – 120 с.

Коробейников С. Н., Худяков Ю. С. Анализ функциональных свойств защитного вооружения номадов Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 108–115.

Коробейников С. Н., Худяков Ю. С., Шутов А. В. Методы математического моделирования для анализа защитных свойств бронзовых шлемов номадов Центральной Азии // Сибирский журн. индустриальной математики. – 2002. – Т. V, № 2. – С. 126–138.

Кочеев В. А. К итогам изучения военного дела скифского времени Горного Алтая // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 1992. – С. 46–49.

Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 163 с.

Молодин В. И. Предисловие // Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха Средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 3–5.

Молодин В. И. Новый вид бронзовых кинжалов в погребениях кротовской культуры // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 4–16.

Окладников А. П. К вопросу о происхождении и месте лука в истории культуры // КСИИМК. – 1940. – Вып. 5. – С. 17–22.

Соловьев А. И. О некоторых характеристиках клинкового оружия // Проблемы реконструкции в археологии. – Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1985. – С. 147–154.

Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха Средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 193 с.

Соловьев А. И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2003. – 224 с.

Худяков Ю. С. К вопросу о военной организации кочевников Евразии V–XII вв. // История. Филология. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1971. – С. 7–8.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1977а. – 19 с.

Худяков Ю. С. Номенклатура предметов вооружения (по материалам вооружения енисейских кыргызов VI–XII вв.) // Научно-теоретическая конференция: тез. докл. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1977б. – С. 3–4.

Худяков Ю. С. Верификация понятий оружиеведения (по материалам вооружения енисейских кыргызов VI–XII вв. н. э.) // Археология и этнография Восточной Сибири: тез. докл. к регион. конф. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1978. – С. 77–79.

Худяков Ю. С. Основные понятия оружиеведения (по материалам вооружения енисейских кыргызов VI–XII вв. н. э.) // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 184–193.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 175 с.

Худяков Ю. С. Изображение всадников в ущелье Хушот-Дурбен-Уул // Конф. «Искусство и культура Монголии и Центральной Азии»: тез. докл. – М.: Изд-во Ин-та востоковедения АН СССР, 1981. – С. 97–98.

Худяков Ю. С. Метод классифицирования предметов вооружения по материалам вооружения средневековых кочевников // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1983. – С. 76–77.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.

Худяков Ю. С. Военное дело кочевников Южной Сибири и Центральной Азии (II в. до н. э. – X в. н. э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1987а. – 31 с.

Худяков Ю. С. Образ воина в наскальном искусстве Южной Сибири и Центральной Азии // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987б. – С. 181–190.

Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 189 с.

Худяков Ю. С. Фортификация в Центральной Азии: метод. указания к курсу «Основы археологии». – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1994. – 32 с.

Худяков Ю. С. Военное дело древних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – 98 с.

Худяков Ю. С. Военное дело Кореи в эпоху раннего средневековья: метод. указания к курсу «История восточных цивилизаций». – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1996. – 40 с.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 159 с.

Худяков Ю. С. Комплекс вооружения кочевников Южной Сибири позднего средневековья // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2002. – С. 65–88.

Худяков Ю. С. Защитное вооружение номадов Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2003а. – 202 с.

Худяков Ю. С. Сабля Багыра. Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. – СПб.; М.: Петербург. востоковедение, 2003б. – 192 с.

Худяков Ю. С., Бобров Л. А. Вооружение джунгар и халха-монголов в эпоху позднего средневековья // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2004. – Вып. 1. – С. 113–128.

Худяков Ю. С., Бобров Л. А., Филиппович Ю. А. Опыт экспериментальной реконструкции и функционального анализа защитного вооружения воинов Центральной Азии эпохи позднего средневековья // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2005. – Т. 4, вып. 5: Археология и этнография. – С. 95–103.

Черемисин Д. В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 39–50.

Шавкунов В. Э. Вооружение чжурчжэней XII–XIII вв. – Владивосток: Дальнаука, 1993. – 185 с.

Шатов А. Г. Военное дело населения лесостепной полосы Западной Сибири в эпоху ранней и развитой бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2005. – 18 с.

Эбель А. В. Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1998. – 23 с.

Salnikova I. W., Khudiakov Yu. S. The comparative analysis of hun arrowheads and ones referring to the Ob area sites of the Novosibirsk region // 100 лет гуннской археологии. – Улан-Удэ, 1996. – Ч. 1. – С. 40–42.

2.9. Людмила Александровна Чиндина*

12 августа 2007 г. научное сообщество торжественно отметило юбилей Людмилы Александровны Чиндиной – доктора исторических наук, профессора Томского государственного университета, замечательного ученого, прекрасного педагога, одного из основателей томской археологической школы.

Вся жизнь этой обаятельной женщины связана с Сибирью, Томском. Людмила Александровна родилась в суровом 1937 г. в селе Кудрино Томского района Томской области. Ее мама Екатерина Васильевна – учительница начальных классов и отец Александр Иванович – учитель истории и литературы, директор сельской школы привили девочке высоконравственные черты, воспитали в ней любовь к Сибири, ее удивительному прошлому. Людмила Александровна и ее дети стали достойными продолжателями династии.

1937-й год оказался трагичным для семьи Чиндиных: были арестованы и расстреляны отец и дед. Девочку воспитывала мать, а впоследствии и отчим Семен Савельевич Лукашевский. Благодаря их любви и заботе Людмила выросла добрым и отзывчивым человеком.

---

*Впервые опубликовано в журнале «Археология, этнография и антропология Евразии» (2008. № 1. С. 157–159).

В 1954 г. после окончания средней школы в г. Томске, куда после войны перебралась семья, Людмила поступает на историческое отделение историко-филологического факультета Томского государственного педагогического института. В те годы там преподавали выдающиеся ученые, профессора А. П. Дульзон, Г. И. Пелих, Б. С. Гриневич, В. С. Флеров и др. Руководителем ее первой курсовой, а затем и дипломной работ стал доцент Сергей Васильевич Трухин, в то время декан историко-филологического факультета. По-видимому, именно он привил юной студентке любовь к археологии; Людмила Александровна пронесла ее через всю жизнь.

В 1955 г. историческое отделение Томского государственного пединститута было передано в Томский государственный университет, сюда на историко-филологический факультет вместе со студентами своей группы перешла и Людмила Александровна.

Томский университет – старейший сибирский классический университет, он всегда отличался очень высоким качеством образования. Здесь преподавали превосходные специалисты, сложились и эффективно действовали хорошо известные в стране научные школы. С третьего курса Людмила Александровна активно занимается археологией, ее интересует эпоха раннего железа таежной зоны Западной Сибири, в то время изученная очень слабо. Таежная зона Западной Сибири отличается крайне суровыми условиями для полевых исследований. Сильная обводненность территории, обилие болот, тайга, комары и мошка позволяют приравнять эти условия едва ли не к экстремальным. Здесь непросто работать даже опытным полевикам-мужчинам, а каково женщинам! Тем не менее именно этот район становится творческим полигоном Л. А. Чиндиной. Именно здесь ею были открыты и исследованы десятки поселений, городищ, могильников и святилищ. Но это произошло несколько позже. В студенческие годы Людмилу увлекала экспедиционная жизнь. Ей всегда была присуща активная жизненная позиция. В 1956 г. с группой студентов Л. А. Чиндина отправилась на целину, на уборку урожая. Здесь молодые люди работали ударно: иногда план выполнялся ими на 600 %! Со студенчеством у Людмилы Александровны связаны замужество и рождение сына.

В 1959 г. Л. А. Чиндина с отличием защищает дипломную работу «Эпоха раннего железа таежного Притомья», которая

послужила основанием для ее последующей научной работы. После двухлетнего перерыва, связанного с рождением дочери, Людмила Александровна вновь попадает в стены родного университета, в котором трудится до настоящего времени. Она прошла нелегкий путь от лаборанта Музея истории материальной культуры до профессора кафедры археологии и исторического краеведения исторического факультета ТГУ. Уже в первые годы работы в университете Людмила Александровна ведет самостоятельные разведки в таежных районах Томской области. Именно тогда она открывает серию памятников, среди которых особое место занимает Малгет.

В 1966 г. Л. А. Чиндина поступает в аспирантуру и под руководством В. И. Матющенко работает над диссертацией по теме «Томско-Нарымское Приобье в середине I тыс. н. э.». В 1968 г. она становится младшим научным сотрудником проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ. В феврале 1971 г. в Институте археологии АН СССР Л. А. Чиндина защищает диссертацию.

В 1973 г. Людмила Александровна возглавляет археологическую группу проблемной лаборатории, с 1975 по 1980 г. – сектор археологии и этнографии, научным руководителем которого она остается до 1995 г. Совмещая научную работу в лаборатории с преподавательской деятельностью на кафедре истории СССР досоветского периода, Людмила Александровна руководила археологической практикой студентов, их курсовыми и дипломными работами. В 1970-х гг. Л. А. Чиндина – хорошо известный среди археологов специалист, ее научные разработки приняты в научном мире, а новые работы вызывают неизменный интерес. Она – постоянный член оргкомитета по организации и проведению западносибирских археолого-этнографических совещаний, проводимых в Томске на базе университета. Неоднократно была его председателем.

Людмила Александровна стояла у истоков создания Научно-координационного совета по археологии и этнографии Западной Сибири, с 1981 г. она бессменный заместитель председателя. Этот совет был создан как центр по координации научных исследований ВУЗов и академических учреждений по западносибирской тематике.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что самым главным в жизни Л. А. Чиндиной всегда оставались новые исследования и аналитическая работа над полученными источниками. Под ее руководством проведено свыше 50 экспедиций. Это и масштабные стационарные исследования, и разведки в сложных районах бассейнов Оби, Васюгана, Кети, Парабели, Чулыма. Людмилой Александровной открыты и исследованы десятки археологических памятников, а такие из них, как Малгет, Рёлка, Кулайский комплекс поселений, Гора Кулайка, по праву вошли в золотой фонд науки и культуры.

Среди многочисленных научных трудов Л. А. Чиндиной особое место занимают три монографии, являющиеся настольными книгами для всех, кто изучает ранний железный век и средневековье Западной Сибири. В 1977 г. вышла книга «Могильник Рёлка на Средней Оби», в которой на материалах погребений VI–VIII вв. н. э., большую часть которых исследовала сама Людмила Александровна, рассмотрены проблемы хронологии, происхождения, этнической принадлежности, историко-культурные связи населения таежной зоны Среднего Приобья. В работе опубликован яркий материал, на основании анализа которого на принципиально новом уровне была реконструирована средневековая история региона. Опубликованная в 1984 г. монография «Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа» посвящена анализу яркой и самобытной кулайской культуры, представители которой обитали в Среднем Приобье в VI в. до н. э. – V в. н. э. Особое внимание в работе уделяется проблемам социально-экономического развития носителей культуры в сложных экологических условиях таежной Сибири. В книге Л. А. Чиндиной «История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья» [1991] освещаются историко-культурные процессы в означенном регионе в конце VI – IX в. н. э. Основное место в монографии уделено проблемам социально-экономического развития рёлкинского общества в период перехода к классообразованию. Интересны этнические реконструкции, предлагаемые автором. Ученым разработана чрезвычайно важная этнокультурная концепция развития популяций, населявших южно-таежное Приобье в эпоху раннего железа и средневековья.

На основании данных разработок Л. А. Чиндина подготовила и в 1986 г. защитила докторскую диссертацию. В 1989 г.

ей присвоено звание профессора. Сегодня она работает на кафедре археологии и исторического краеведения ТГУ, в значительной степени созданной и построенной ее руками, кафедре, которая занимается подготовкой специалистов-археологов.

Педагогическая деятельность с наибольшей полнотой раскрывает Людмилу Александровну как человека и как учителя. Способность услышать и понять, готовность поддержать и помочь составляют основу ее педагогического таланта, к ней тянутся люди разных возрастов и профессий, она пользуется большим уважением в студенческой среде.

Серьезность и глубина подготовки студентов, прошедших археологическую школу Л. А. Чиндиной, проявлялись как в стенах ТГУ, так и за его пределами: на всесоюзных, всероссийских, региональных конференциях ее студенты получали грамоты, дипломы, призовые места. Богатство учителя – в его учениках. Л. А. Чиндина всегда окружена ими, поскольку в ней сочетается талант исследователя и педагога, она щедра в передаче своих знаний и опыта. Людмила Александровна руководит научными работами соискателей и аспирантов. Под ее руководством защищены девять кандидатских и две докторские диссертации.

Людмила Александровна Чиндина известна не только как крупнейший специалист по древней истории, автор монографических трудов, первооткрыватель и исследователь новых ярких памятников, но и как признанный организатор науки, чьими трудами и заботами славный город Томск продолжает оставаться сибирской археологической Меккой, а Томский государственный университет по-прежнему воспринимается как светлый храм науки, периодически собирающий под своими сводами всех истинных поборников и радетелей сибирской археологии.

Список литературы

Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1977. – 192 с.

Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – 256 с.

Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – 184 с.

2.10. Наталия Львовна Членова*

15 октября 1999 г. у Н. Л. Членовой был юбилей.

Наталия Львовна родилась в Москве. Ее отец, доктор наук, профессор, заведовал отделением в Институте неврологии АМН СССР, мать была также врачом. Будучи равнодушной к медицине и не желая идти дорогой, проторенной отцом, Н. Л. Членова в 1948 г. поступила на исторический факультет МГУ по специальности «археология». Профессорско-преподавательский состав на истфаке в то время был великолепным. Здесь преподавали члены-корреспонденты АН СССР А. В. Арциховский и С. В. Киселев, профессора С. Б. Бахрушин, Б. Н. Граков, В. И. Громов, М. О. Косвен, А. П. Смирнов, С. П. Толстой. Это была прекрасная, одна из лучших в мире школа подготовки молодых ученых. В студенчестве Наталия Львовна работала в археологических экспедициях, которые возглавляли академик Б. А. Рыбаков, профессора Д. А. Авдусин, М. Е. Фосс, Л. Р. Кызласов. Участие в последней в этот период экспедиции и последующие поездки в Минусинский музей окончательно определили предмет профессионального интереса Н. Л. Членовой как археолога –

*Впервые опубликовано в журнале «Археология, этнография и антропология Евразии» (2000. № 2. С. 150–151).

тагарская культура. И это не случайно, поскольку Сибирь всегда находилась в зоне ее пристального внимания. Дело в том, что мать Наталии Львовны, ее бабушка, дед, прадеды (Поповы и Громовы) были уроженцами Иркутской губернии. Среди ее сибирских родственников – люди романтических профессий: этнограф Н. П. Попов, геолог и палеонтолог В. И. Громов, антрополог Г. Ф. Дебец, который всегда консультировал молодого ученого по палеоантропологии, обсуждал археологические проблемы и был добрым советчиком по житейским вопросам.

В 1952 г. Н. Л. Членова, решив связать свою археологическую судьбу с Сибирью, поехала в экспедицию профессора М. П. Грязнова в Новосибирскую область, чтобы научиться у лучшего, как считалось, полевого археолога всему, но особенно раскопкам слоев поселений, землянок и грунтовых могильников. В этой экспедиции Н. Л. Членовой сопутствовала удача: в ходе разведок по р. Ирмень ею и участником экспедиции М. Н. Комаровой было открыто прекрасно сохранившееся поселение Ирмень-1. В следующем году Наталия Львовна, привлекая материалы этого поселения и сведения о 12 других памятниках такого же типа, известные по публикациям и музейным коллекциям, написала свою первую статью, в которой охарактеризовала выделенную ею культуру, назвав ее ирменской [1955]. Археологи, в том числе и М. П. Грязнов, не сразу восприняли эту идею, но после нескольких лет дискуссий она прочно вошла в науку.

После окончания МГУ в 1953 г. Н. Л. Членова была принята на работу в Государственный исторический музей на должность научного сотрудника. В это время ею было написано еще несколько статей и на юге Красноярского края проведена первая самостоятельная экспедиция.

В 1956 г. Н. Л. Членова поступила в аспирантуру Института археологии АН СССР (в то время ИИМК АН СССР). Ее научным руководителем, как и при подготовке диплома, был С. В. Киселев, который по-прежнему предоставлял аспирантке полную творческую свободу. Часто бывая в музеях страны, изучая их фонды, Наталия Львовна пришла к выводу, что в хранилищах накоплен богатейший материал, позволяющий раскрыть избранную тему «Происхождение

и ранняя история племен тагарской культуры» практически без проведения новых раскопок. Именно такой подход на всю жизнь определил принцип работы Н. Л. Членовой как археолога – не столько полевые исследования, сколько работа с коллекциями в музеях и чтение специальной литературы.

В 1960 г. Н. Л. Членова стала сотрудником Института археологии АН СССР, где она трудится по сей день. В 1965 г. Наталия Львовна защитила кандидатскую диссертацию, часть которой была опубликована как монография [1967], а в 1990 г. – докторскую диссертацию по теме «Степь и лесостепь Западной и Средней Сибири в эпоху поздней бронзы (хронология памятников)».

В центре научных интересов Наталии Львовны всегда были бронзовый и ранний железный века на территории Евразии. Ее привлекали проблемы культур раннескифского типа, их хронология, происхождение, культурные связи, звериный стиль. Наиболее глубокие корни этих культур Н. Л. Членова, вслед за М. И. Ростовцевым, которого она, как и В. А. Городцова, считает своим учителем, видит в странах Древнего Востока, особенно в Иране. К этой же тематике примыкают оленные камни общеевразийского типа в Европе, впервые выделенные Д. Г. Савиновым, проблема прародины иранцев в свете их связей с финно-уграми.

Н. Л. Членовой написано около 200 научных работ, в том числе шесть монографий. Ее труды всегда востребованы научным сообществом. К числу наиболее известных относятся такие книги Н. Л. Членовой, как «Происхождение и ранняя история тагарской культуры» [1967], «Хронология памятников карасукской эпохи» [1972], «Оленные камни как исторический источник» [1984] и др.

Жизненное кредо, сформулированное Н. Л. Членовой как «нежелание идти проторенной дорогой», несомненно, проявилось в ее научном творчестве. Гипотезы Наталии Львовны чаще всего нестандартны, но они никогда не бывают легковесными, поскольку за ними стоит глубокое понимание предмета и блестящее знание материала.

Остается пожелать Наталии Львовне новых творческих успехов, которыми она еще не раз нас порадует.

* * *

Наталия Львовна ушла от нас после многолетней тяжелой болезни. С позиций сегодняшнего дня к сказанному выше следует добавить, что многие из разработок Членовой активно востребованы научным сообществом. К числу ее несомненных успехов следует отнести монографию, посвященную проблемам поздней бронзы и переходного от бронзы к железу времени на территории Западно-Сибирской лесостепи [1994], во многом опередившую время.

Список литературы

Членова Н. Л. О культурах эпохи бронзы лесостепной полосы Западной Сибири // СА. – 1955. – Т. XXIII. – С. 38–57.

Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.

Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с.

Членова Н. Л. Оленные камни как исторический источник. – Новосибирск: Наука, 1984. – 100 с.

Членова Н. Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.: Наука, 1994. – 170 с.

3.
РЕКВИЕМ

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
AND ETHNOGRAPHY SB RAS

3.1. Три маленьких рассказа о Мише Аниковиче*

Михаил Васильевич Аникович… Миша… Вот и еще один сверстник, товарищ, коллега ушел от меня в мир иной. Вроде и не время еще, и не покидала его твердая удача ни в поле, ни за письменным столом, и была настоящая любовь близких и искреннее уважение коллег, не хватало как будто самой малости – здоровья. Оказалось, что последнее перевесило все... Произошло то единственное, что уже не поправишь и не изменишь. Со смертью не поспоришь…

Ушел Миша, талантливый самородок – сибиряк, ученый, что называется, от Бога. Может быть, прозвучит кощунственно, но посмею сказать, что ушел он красиво, как настоящий мужик, – погиб на передовой, в экспедиции. Да и не просто в экспедиции, а в Костенках – месте, которое он, наверное, любил на свете больше всего – даже больше Питера и Томска…

Имею ли я право писать об Аниковиче? Ведь мы почти все время с момента нашего знакомства занимались разными вещами, у нас был разный круг близких и коллег, общались редко, в основном на конференциях. Однако последняя наша встреча в Томске в 2010 г., когда мы оказались вместе в гостях, за одним

---

*Впервые опубликовано в сборнике «Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции» (СПб.: Петербург. востоковедение, 2014. С. 37–39).

столом, где разговорились по душам, как-то реанимировала те близкие и доверительные отношения, которые были в молодости. Этот разговор совершенно отчетливо показал мне, что, хотя немало в мире и в нас самих изменилось, самое главное осталось.

Кроме того, думаю, что для близких и друзей Михаила Васильевича каждое воспоминание о нем очень нужно и очень важно. Это как свет далекой звезды. Звезда погасла, а свет ее еще долгие-долгие годы доходит до нас и помогает не заблудиться в потемках.

Может быть, кому-то эти мои записки покажутся малосущественными. Возможно, так оно и есть. Но для меня эти воспоминания важны и дороги.

Итак, три маленьких рассказа о Мише Аниковиче. Светлая ему память.

Знакомство

Осень 1968 года. Я студент-второкурсник Новосибирского пединститута. Мой шеф по археологической части, в то время еще доцент, Татьяна Николаевна Троицкая, задумала провести студенческую археологическую конференцию. Конференция приурочена к нашему новоселью. Историки и филологи только что переехали в новое здание, в котором Т. Н. Троицкой удалось получить целых два помещения: довольно большую аудиторию под музей и маленькую, без окон (но свою!) камералку. Более того, для меня «выбиты» полставки препаратора. Так что учебу с удовольствием совмещаю с любимой работой – клею, мою, шифрую, рисую.

Идею Татьяны Николаевны мы, кружковцы-археологи, восприняли «на ура». Троицкая созвонилась с Елизаветой Михайловной Берс (она в то время руководила археологической практикой у студентов НГУ) и Владимиром Ивановичем Матющенко – лидером археологов Томского университета. Установлен день, а точнее субботний вечер, когда к нам приедут гости из Академгородка и из Томска. Готовим выставку наших находок, стенную газету о полевой практике, думаем и о «культурной программе».

Кроме того, я работаю над своим первым в жизни научным докладом о наших летних раскопках. Конечно, подлинным автором его была Татьяна Николаевна, однако тогда мне так почти не казалось, к тому же таблицы готовил сам.

И вот настал этот день. С утра мы в институте встречали гостей. Из НГУ приехали Виталий Медведев, Сергей Глинский,

Инна Павловна Ларичева, еще несколько ребят. Из Томска – двое парней, которых мне было поручено встречать в вестибюле. Первый – высокий, худенький, в очках – Юра Кирюшин, второй – пониже и плотнее – Миша Аникович. Кирюшин сразу притягивал к себе простотой, неиссякаемым юмором, общительностью. С ним мы с первых минут стали, что называется, «на ты». Миша, напротив, был серьезен и немногословен, хотя чем больше мы общались, тем, казалось, ближе друг другу становились.

Ребята привезли с собой небольшой чемоданчик. Когда его открыли, все мы (включая наших руководителей Троицкую и Ларичеву) были просто шокированы. В чемоданчике лежали более десятка удивительных предметов из бронзы. Это были громадные наконечники копий и кельты из Ростовкинского могильника эпохи бронзы на реке Оми. Эти замечательные предметы были получены экспедицией наших томских коллег, возглавляемой В. И. Матющенко. С докладом именно об этих раскопках и приехали Кирюшин и Аникович. Что и говорить, доклад томских коллег был интересен не только благодаря уникальным предметам, которые можно было подержать в руках, но и потому, что отличался уже ощутимым профессионализмом, в котором я им явно уступал.

Тем не менее и ко мне, «салажонку», все отнеслись дружески, а доклад даже похвалили (хотя я и совершил грубый «ляп», назвав фоминский этап «фомичёвским», – стыдно до сих пор).

Общались почти целый день. Говорили о серьезных и очень серьезных вещах, и для себя я в тот вечер сделал, может быть, главный вывод – читать, читать и читать.

Миша на общем фоне выделялся. Не то что он был сильнее всех по своей подготовке, но привлекало какое-то его спокойствие, уверенность и умение говорить по делу. Очевидно и то, что Миша на многие вещи уже тогда имел собственную точку зрения и умел ее отстаивать.

Разумеется, как принято и на взрослых конференциях, дело завершилось товарищеским ужином, теплым и душевным, с песнями под гитару и танцами под фортепиано (Инна Павловна прекрасно аккомпанировала).

Этого дня и вечера хватило нам с Кирюшиным и Аниковичем, чтобы стать друзьями на всю оставшуюся жизнь. Вот как бывает.

А уже на следующий год я получил от Аниковича подарок. Это небольшая книжка, она сейчас, когда пишу эти строки, лежит передо мной. На титуле: Материалы конференции

«Этногенез народов Северной Азии», вып. 1. Новосибирск, 1969. В этом сборнике материалов крупной научной конференции, в которой участвовали все ведущие археологи-сибиреведы, на странице 62 я обнаружил статью Миши «О культурной принадлежности неолитических памятников Верхнего Приобья». Напомню, что статья написана студентом третьего курса. Вверху, прямо под фамилией автора, – дарственная надпись: «Как говорил великий русский мыслитель: “Сбылись мечты идиота”. Тебе желаю того же. Michail Аникович».

Событие я оценил. Несколько позднее оценил и суть написанного. Миша (кстати говоря, концептуально в пику своему шефу!) выделил новую неолитическую культуру в Верхнем Приобье. Ни больше, ни меньше. Самое замечательное то, что впоследствии эта его гипотеза действительно подтвердилась!

Надо сказать, что в те годы опубликовать студенческую работу в настоящем, взрослом научном сборнике было очень непросто. Существовал довольно жесткий отбор, не в пример сегодняшней вседозволенности, когда по окончании ВУЗа начинающий молодой исследователь имеет десяток, а то и более так называемых статей – в лучшем случае рефератов, а в худшем – вообще плагиата…

А Аникович опубликовал даже не описание материала, а настоящую аналитическую работу! Скажу больше, на статью эту ссылаются до сих пор.

Миша тем не менее неолитом заниматься не стал. Его привлекали глубины человеческой истории, эпоха палеолита. И в Ленинград, в аспирантуру, он уехал в ведущую тогда в Союзе школу палеолитоведения, где и стал, как известно, высококлассным профессионалом.

А для меня (и, думаю, не только для меня) появление этой Мишиной статьи – возможно, самой первой в его научном творчестве – было блестящим примером для подражания.

Интересно, что история эта имела свое продолжение. В 1977 г. я послал Мише в Ленинград свою первую монографию, посвященную в том числе и неолиту Верхнего Приобья. Миша откликнулся теплым письмом и поздравлениями. К сожалению, письмо не сохранилось, но запомнилось то, что Аникович благодарил меня за обращение к этой статье. Еще он искренне писал, что уже как-то забыл об этой проблеме, которая увлекла его в студенчестве, а оказалось, все было по делу подмечено… В общем, ему было приятно.

Погребок

Когда я был аспирантом, а потом и научным сотрудником в незадолго до этого созданном Алексеем Павловичем Окладниковым первом гуманитарном академическом учреждении в Академгородке – Институте истории, филологии и философии СО АН СССР, в Ленинград приходилось ездить довольно часто. В фондах Эрмитажа хранились коллекции археологических материалов, полученных М. П. Грязновым и М. Н. Комаровой при раскопках в зоне затопления Новосибирского водохранилища. Михаил Петрович разрешил мне использовать их для кандидатской диссертации, а затем и опубликовать. Кроме того, в Ленинградском отделении Института археологии (ЛОИА) была (да и сегодня есть) прекрасная библиотека.

Работать в Ленинграде было очень приятно. Все рабочее время проводишь в фондах или библиотеке, а после закрытия учреждения идешь в музей или в камералку к коллегам. Да и сам город, сам его воздух были неповторимы, как, кстати сказать, и ленинградцы, отличающиеся внутренней культурой и доброжелательностью.

Почти все мои командировки в Ленинград в семидесятых годах сопровождались обязательной встречей с Аниковичем. Конечно, у него была ностальгия по Сибири, и встреча с земляком была ему в радость, тем более что отношения нас связывали по-прежнему теплые и дружеские.

Так вот, в это время сложилась у нас даже некая традиция, которая для обоих была весьма приятной. Инициатором был Миша, ставший уже настоящим ленинградцем.

Во время моего пребывания в командировке (а это, как правило, пара недель или дней десять, чтобы успеть поработать как можно продуктивнее) мы резервировали удобный для нас обоих вечер. Миша вел меня в заведение, именуемое «Погребок». Располагался ресторанчик очень удобно, в самом центре города, недалеко от Эрмитажа и Невского проспекта. Находился он в небольшом полуподвальном помещении, имел один зал, однако пользовался большой популярностью. Чтобы попасть в «Погребок», порой приходилось выстоять очередь. При осенней или зимней ленинградской погоде все это могло быть целым испытанием. Зато попав внутрь, ты чувствовал, что все трудности с лихвой окупились. «Погребок» был знаменит одним блюдом – жареной свининой, все остальное – салаты, пиво, водка – являлись неким гарниром. Жаркое го-

товили настоящие мастера. На размере порции они не экономили. Замечательно было и то, что цены оказывались вполне подъемными даже для нас, младших научных сотрудников.

И вот здесь, в «Погребке», мы с Мишей проводили традиционно приятный вечер, сочетая вкусную еду с приятной беседой «за науку».

Мише было необходимо выговориться, что он с энтузиазмом и делал. На самом деле, попасть в центральное научно-исследовательское учреждение с глубокой периферии (даже из университетского Томска) и суметь в нем закрепиться, остаться работать без ленинградской прописки, стабильного жилья, при наличии в городе собственной кузницы кадров – ЛГУ было сродни научной фантастике. У Аниковича же все получилось. Я представляю (точнее будет сказать – не представляю), каких усилий это ему стоило. Требовался яркий талант, помноженный на колоссальную работоспособность.

Я был очень рад за Мишу. Вот уж действительно, все получалось как в той цитате из классики, которую я уже приводил выше. Сегодня же совершенно очевидно, что за годы работ в ЛОИА (а затем в ИИМК) Аникович вырос в блестящего исследователя, одного из лучших палеолитоведов нашей страны.

Как потом оказалось при нашей последней встрече в Томске, Миша, как и я, «Погребок» хорошо помнил и, к моему удивлению, даже воспроизвел лейтмотив некоторых наших юношеских бесед.

Когда писал эти строки, вдруг неожиданно возникла идея в ближайшую поездку в Санкт-Петербург обязательно посетить это памятное для меня заведение. Сохранилось ли оно? Жаль только, что пойду я туда уже один…

Последняя встреча

2010 год. Весна. Томский университет. Мы участвуем в очередном археолого-этнографическом совещании. Традиция проведения таких совещаний зародилась во времена нашей юности, мы были еще студентами, когда первая такая конференция была проведена в Томске. Невольно ловлю себя на мысли о том, что эта наша последняя встреча с Мишей оказалась в чем-то похожей на первую… Вновь конференция, вновь знакомые лица, вновь задушевный разговор за столом… Конечно, многое уже по-другому. Мы сильно повзрослели, если не сказать – постарели. Михаил Васильевич Аникович и Виталий Егорович Медведев приехали со своими очаровательными супругами. Миша,

казалось, весь светился. Так приятно ему было вновь оказаться в родных стенах. Открылась для меня и еще одна грань его таланта – прекрасного поэта и популяризатора. К своему стыду, я не знал, что Миша пишет замечательные стихи. Книжку, подаренную им, «проглотил» за один вечер. Как многогранен все-таки может быть человек! Удивительное создание!

Собрались на квартире у моей ученицы Маши Черной. Было по-домашнему тепло, как всегда бывает в гостях у Людмилы Александровны Чиндиной и ее дочери. Много говорили, вспоминали друзей, экспедиции, конечно, Томский университет, недавно ушедшего от нас Владимира Ивановича Матющенко. И невольно думалось: как же все скоротечно в этом мире, как быстро летит время, как короток век человеческий!

Последней весточкой от Михаила Васильевича была его научная статья, присланная в наш сборник, посвященный юбилею академика А. П. Деревянко. В сборник этот мы старались пригласить всех российских корифеев палеолитоведения.

Эту свою работу Мише уже не суждено было увидеть…

Стихов я никогда не писал и не сказал бы, что жить не могу без поэзии. В последние годы, правда, пытаюсь наверстать упущенное и читаю самых разных поэтов почти каждый день. И сейчас, когда заканчиваю эти строчки воспоминаний о Мише, хочу закончить словами поэта, барда моей и Мишиной юности Вадима Егорова. Потому что лучше, чем он сказал о потере друзей, – не скажешь.

Может быть, когда-то, в далекие и такие прекрасные для нас шестидесятые-семидесятые, сидя у экспедиционного костра где-нибудь в Ростовке, Миша декламировал эти строчки. Знаете, я просто уверен в этом…

Друзья уходят как-то невзначай,
Друзья уходят в прошлое, как в память,
А мы смеемся с новыми друзьями,
А старых вспоминаем по ночам…

А мы во сне зовем их, как в бреду,
Асфальты топчем юны и упруги,
И на прощанье стискиваем руки,
И руки обещают нам: «Приду!»

3.2. Владимир Федорович Генинг и уральская археологическая научная школа. Разработка периодизации древних культур Прииртышья и ее научное значение*

В. Ф. Генинг и его уральская археологическая научная школа

Имя Владимира Федоровича Генинга – крупного советского археолога и историка – хорошо известно научной общественности. Сегодня, отмечая 90-летие со дня рождения этого выдающегося ученого и организатора науки, уместно обратиться к осмыслению его творческой деятельности. Это важно не только для многих из нас – непосредственных учеников Генинга и тех, кто знал его в общении, но и для современного научного сообщества, молодежи, которая делает в науке первые шаги.

Следует сразу отметить, что творчеству ученого и анализу его многогранной деятельности посвящено большое количество публикаций (см.: [Мельникова, 2003, с. 184–191]), а также многочисленные специализированные научные конференции [Российская археология…, 2000; 120 лет…, 1999].

Одним из главных достижений Владимира Федоровича Генинга, несомненно, является создание им уральской (свердловской) научной школы, представители которой и сегодня

*Впервые опубликовано в сборнике «Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы охранных археологических исследований» (Екатеринбург; Нефтеюганск; Ханты-Мансийск: Магеллан, 2014. С. 31–38).

активно занимаются изучением археологии Урала и Сибири. Несмотря на то, что этому явлению посвящена специальная монография [Мельникова, 2003] и серия статей [Ашихмина, 1994а, б; Ковалева, 1999; Мельникова, 1995; Овчинникова, 1999; Борзунов, 2005], рискну еще раз обратиться к этому сюжету. Тем более что направления, которые я затрону, специально не анализировались. Важно и то, что формирование этой научной школы шло на моих глазах. Все ее представители – это исследователи моего поколения, с которыми (так уж сложилась жизнь) меня связывает студенческое и аспирантское прошлое со всей неповторимой аурой, свойственной молодости. Со многими из них и сегодня меня соединяет творческая, да и чисто человеческая дружба.

Создание этого молодежного коллектива началось с того, что В. Ф. Генинг взял для специализации довольно большую группу молодежи, обучавшуюся на близких курсах истфака Уральского госуниверситета, и в конечном итоге вывел почти каждого в самостоятельное «плавание», сделав классным специалистом. При этом молодежь изначально была ориентирована на различные периоды древнейшей истории Урала и Западной Сибири, что называется, «от палеолита до Главлита».

В то время (конец 60 – начало 70-х гг.) практически вся эта огромная территория Северной Азии, а также периоды существования многих археологических культур были еще крайне слабо изучены, что само по себе открывало перед молодыми учеными широкие творческие перспективы. При этом сам наставник должен был обладать масштабным научным багажом, разбираясь в проблематике от периода верхнего палеолита до позднего средневековья включительно. Если же учесть, что территориальный охват руководимых Генингом экспедиций был поистине огромен – от Приуралья на западе до Прииртышья на востоке и от южноуральских степей на юге до западносибирской тайги на севере, то перед нами предстает человек редкой эрудиции. Таких ученых в семидесятые годы в Советском Союзе можно было пересчитать по пальцам.

Важно подчеркнуть еще и то обстоятельство, что подготовка молодых исследователей (как теоретическая, так и практическая)

была у Генинга столь продуманной и качественной, что практически все его ученики к моменту окончания университета вели не только самостоятельные полевые исследования, но также были способны проанализировать и опубликовать полученные в экспедициях материалы.

Все вышесказанное позволяет дать оценку уральской археологической школе как уникальному научному явлению по меньшей мере в масштабах советской археологии.

Конечно, столь многочисленный творческий коллектив невозможно было содержать в условиях университета. Тем не менее, к чести Генинга, он нашел возможность обеспечения существования такого масштабного сообщества, создав при университете особую лабораторию, работающую на новостройках Урала и Западной Сибири, функционирующую на «новостроечные» деньги.

Замечательно, что лаборатория невероятно быстро дала научный эффект, причем не только в плане широкомасштабных разведок и раскопок поселений, городищ и могильников часто на территориях, где еще не ступала нога археолога, но и, что особенно важно, выполнила ряд монографических исследований и качественных аналитических разработок, многие из которых спустя почти половину столетия не потеряли своей научной значимости.

Проблема характеристики и периодизации древних культур Прииртышья

На двух таких моделях я остановлюсь далее в своем докладе. По сути, речь пойдет о концепции историко-культурного развития, разработанной В. Ф. Генингом и его учениками – представителями уральской научной школы для территории лесостепного Прииртышья, обнародованной в виде двух пространных аналитических докладов, которые затем были опубликованы [Генинг, Гусенцова и др., 1970; Генинг, Корякова и др., 1970]. Вот как сам Владимир Федорович оценивает эти разработки в своей научной автобиографии: «В 1970 г. в Томске проводилось совещание по хронологии и культурной принадлежности памятников Западной Сибири. На этом совещании было представлено два наших коллективных доклада, в которых впер-

вые была разработана культурно-хронологическая периодизация Иртыш-Ишимской лесостепи с эпохи неолита до позднего средневековья» [2003, с. 172]. Если же учесть, что в 1985 г. данная разработка была дополнена монографией Владимира Федоровича, написанной в соавторстве с его учеником В. Т. Петриным и посвященной верхнему палеолиту данного региона [Генинг, Петрин, 1985], то можно говорить об уникальной для своего времени историко-культурной концепции (от палеолита до Нового времени), касающейся крайне важного для Северной Евразии района, которым является лесостепное Прииртышье.

Оценивая концепцию, следует подчеркнуть, что она была разработана, как правило, на основе материалов достаточно представительных раскопок, проведенных творческим коллективом, возглавляемым В. Ф. Генингом, разумеется, с привлечением всех других известных на тот момент источников.

Данные о верхнепалеолитической эпохе, представленной в регионе материалами стоянки Черноозерье II, до настоящего времени пополнились весьма незначительно. Обстоятельно проанализированные сведения по представительному каменному инвентарю, уникальным костяным предметам (вкладышевый кинжал, браслеты), жилищной конструкции, полученным на памятнике, до сегодняшнего дня являются основополагающими для характеристики финальной стадии палеолитической эпохи Западно-Сибирской равнины. Впоследствии несколько усиленная В. Т. Петриным концепция [1986], по сути, и сегодня является основополагающей для характеристики верхнего палеолита данного региона.

Если оценивать культурно-историческую периодизацию, изложенную в прозвучавших в 1970 г. в Томском государственном университете двух докладах В. Ф. Генинга и его учеников, то с позиций сегодняшнего дня ее можно охарактеризовать следующим образом.

Авторами концепции совершенно верно намечена периодизация выявленных и уже известных образований от эпохи неолита до периода позднего средневековья (по сути – Нового времени) включительно. В конечном итоге, творческими коллективами была создана некая канва, значительная часть ячеек которой была верно намечена и заполнена. Кстати сказать,

это отчетливо понимали и авторы исследований, подчеркивая, что работа «не претендует на исчерпывающую характеристику всех периодов» [Генинг, Гусенцова и др., 1970, с. 12].

Вторым важным достижением авторов является совершенно обоснованное выделение ряда археологических культур (в первой статье они названы типами). Некоторые комментарии с позиции сегодняшнего состояния науки в рамках данного сообщения представляются мне вполне уместными.

Начну с первого доклада. Как полстолетия назад, так и сегодня проблема прииртышского неолита не решается однозначно. При этом, несмотря на то, что за истекшие годы объем источников существенно увеличился и качественно, и количественно, на сегодняшний день можно считать, что выделение творческим коллективом особой среднеиртышской неолитической культуры было вполне оправданным. Другое дело, что оценка ее содержания претерпела существенные изменения и дополнения, что связано, прежде всего, с пополнением базы источников. Можно, думаю, считать очевидным существование артынской неолитической культуры [Косинская, 1982; Бобров, Марочкин, 2011]. К чести творческого коллектива В. Ф. Генинга, материалы артынского типа – в рамках среднеиртышской неолитической культуры – обозначены уже в статье 1970 г. [Генинг, Гусенцова и др., 1970, с. 14–15].

С течением времени существенно изменилось отношение к хронологии неолита, в том числе – западносибирского. Полученные серии калиброванных радиоуглеродных дат позволяют определять верхние параметры неолитической эпохи не моложе рубежа V–IV тыс. до н. э. В этой связи даты прииртышского неолита, предложенные в докладе В. Ф. Генинга и его молодых коллег (IV тыс. до н. э.), а также в предшествующей работе В. Ф. Генинга и Р. Д. Голдиной [1969, с. 45] (первая половина III тыс. до н. э.), сегодня выглядят крайне «омоложенными».

Древности эпохи бронзы

Материалы с поселения Черноозерье III [Генинг, Гусенцова и др., 1970, рис. 1, 24, 28], причисленные к позднему неолиту, сегодня вряд ли можно считать таковыми. Во всяком случае, один из публикуемых фрагментов [Там же, рис. 1, *24*], судя по

рисунку, следует включить в состав материалов одиновской культуры периода развитой бронзы. Вероятно, к этой же культуре относятся и так называемые поселения с текстильной керамикой, выделенные коллективом В. Ф. Генинга в особую группу [Там же, с. 19–20]. Впоследствии Л. Я. Крижевской, а затем М. Ф. Косаревым, в том числе на материалах означенных поселений, была выделена одиновская группа памятников левобережного лесостепного Прииртышья [Крижевская, 1977, с. 77, 81, 84–94; Косарев, 1981, с. 59–61]. В 1980-е гг. автором этих строк памятники одиновского типа были обнаружены и на правобережье Иртыша [Молодин, 1981]. Сегодня, с открытием серии могильников, одиновская культура выглядит как мощное образование, бытовавшее на обширных пространствах Западно-Сибирской лесостепи в III тыс. до н. э.

Из всего сказанного очевидно, что посылка творческого коллектива В. Ф. Генинга была совершенно правильной. Другое дело, что привлечение в качестве аналогий центральноазиатских параллелей сегодня выглядит неубедительно. В настоящее время означенную разработку дополняет выделенная свита культур ранней поры бронзового века, стратиграфически располагающаяся между неолитическими и одиновскими древностями. К их числу относятся комплексы байрыкского типа с гребенчато-ямочной керамической посудой, неолитоидным каменным инвентарем, однако уже с металлическими предметами, а также памятники усть-тартасской культуры [Молодин, 2010а].

Несомненно, наиболее значимым в рассматриваемой концепции является выделение логиновского и кротовского типов памятников для периода ранней бронзы.

Выделение кротовского типа, впоследствии – кротовской культуры, прочно закрепилось в науке, а поселение Черноозерье IV до настоящего времени является одним из его опорных памятников [Генинг, Стефанова, 1982]. Другое дело, что широкомасштабные исследования погребальных и поселенческих комплексов в Барабе и Верхнем Приобье существенно обогатили источниковую базу данной культуры, позволив в полной мере представить облик этого яркого, самобытного и достаточно мощного для своего времени образования.

Сложнее обстоит дело с памятниками логиновского типа,

хотя его выделение было также, без сомнения, оправданным. Находки экспедицией, возглавляемой В. Ф. Генингом, на поселении Черноозерье VI предметов бронзолитейного производства [Кондратьев, 1974] уже в то время (1980-е гг.) определяли его позицию во времени. Вместе с тем до сегодняшнего дня мы, по существу, не имеем каких-либо существенных данных с территории Прииртышья, дополняющих наши представления об этом образовании [Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с. 73].

Как выясняется, чрезвычайно важным оказалось наблюдение авторов доклада, связанное с наличием текстильной керамики в кротовских и логиновских комплексах. С позиций наших сегодняшних знаний такое положение вещей можно, по-видимому, объяснить сосуществованием носителей одиновской и кротовской (а возможно, и логиновской) культур [Молодин, 2010а] на определенном этапе исторического развития.

Далее авторами выделяется и характеризуется «эпоха поздней бронзы», в которой намечено «три хронологических этапа: черноозерский (андроновский), розановский (карасукский) и большеложский» [Генинг, Гусенцова и др., 1970, с. 32]. Как мы видим, в основу периодизации положена схема С. А. Теплоухова, разработанная для памятников эпохи бронзы Минусинской котловины, являющаяся в значительной степени основополагающей для последующих периодизаций, по крайней мере, касающихся лесостепных и степных районов Западной Сибири [Теплоухов, 1927].

Выделение авторами концепции особого черноозерского этапа выглядело вполне оправданным для своего времени, также как и плодотворная мысль о детальном рассмотрении влияния и инфильтрации андроновского субстрата в конкретную культурную среду того или иного региона и, как следствие, возможность «проследить формирование культуры в каждом отдельном регионе» [Генинг, Гусенцова и др., 1970, с. 35]. Результат этого синтеза представляется мне сегодня в означенном восточном регионе лесостепного Прииртышья как особое этнокультурное образование – позднекротовская (черноозерская) культура [Молодин, 2014].

Вместе с тем в предлагаемой схеме отсутствует классический андроновский (федоровский) этап, который, несомненно, существовал в регионе и был связан с появлением пришедших

из эпицентра миграции групп, какое-то время проживавших в Прииртышье параллельно с позднекротовским населением. Уверен, что в то время это понимали авторы концепции, о чем свидетельствует и текст данного раздела статьи [Генинг, Гусенцова и др., 1970, с. 33–35]. Почему тогда андроновцы «выпали» из схемы? Может быть, кто-то из творческого коллектива ответит на этот вопрос…

Следующий этап периода поздней бронзы назван авторами статьи «розановским». Выделение данной культурной группы можно считать абсолютно оправданным для региона. Справедливо подчеркивается синкретизм культурных черт в керамике (ирменских, сузгунских) [Там же, с. 42–44]. Возражение (и в то время, и сегодня) может вызывать попытка связать носителей розановской культуры с восточными «пришлыми карасукскими племенами», хотя и не являющимися, по утверждению авторов, преобладающими в Среднем Прииртышье [Там же, с. 43].

С моей точки зрения, ни о каком проникновении носителей карасукской культуры (из Минусинской котловины на запад) говорить вообще не приходится. Сегодня достаточно очевидно, что огромные пространства Западно-Сибирской лесостепи – от Минусинской котловины на востоке до Прииртышья на западе – в период поздней бронзы занимали носители ирменской культуры, синхронной карасукской и не менее мощной (если не более), чем последняя [Молодин, 1985; Бобров, Чикишева, Михайлов, 1992]. Не вдаваясь в детали обсуждения проблемы происхождения ирменской культуры (эта тема рассматривается в статье творческого коллектива, возглавляемого В. Ф. Генингом), поскольку это потребовало бы написания особого историографического очерка, в русле поставленной задачи можно сказать, что носители ирменской культуры существовали в Среднем Прииртышье [Нижнетарский археологический микрорайон…, 2001; Стефанов, Труфанов, 1988], и их хронологическая позиция в предлагаемой схеме должна быть между черноозерской и розановской группами.

Вообще, результаты исследований памятников периода поздней бронзы в лесостепном Прииртышье демонстрируют сегодня сложный и мозаичный характер распространения здесь различных культурных групп. К носителям ирменской

культуры, несомненно, следует присоединить представителей сузгунского населения (по крайней мере, южные варианты культуры), а также носителей пахомовской культуры. Учитывая существование в западных от Прииртышья лесостепях еще и носителей бархатовской культуры [Матвеев, Аношко, 2009], можно представить себе всю сложность этнокультурной ситуации, сложившейся в регионе в конце II тыс. до н. э. Авторы концепции, отмечавшие в розановских материалах синкретизм разных культурных традиций, несомненно, были правы. Во всяком случае, об ирменском, сузгунском и бархатовском компонентах можно говорить вполне определенно.

В этой связи розановские памятники следует отнести к заключительному этапу финальной бронзы, если, вообще, не к переходному от бронзы к железу времени. Последнее, впрочем, допускают и авторы концепции, говоря о формировании в регионе в конце розановского времени памятников «молчановского типа» [Генинг, Гусенцова и др., 1970, с. 44], то есть переходного от бронзы к железу времени. Кроме того, далее в статье совершенно справедливо отмечается и наличие в керамике последующего выделяемого коллективом большеложского типа (по сути, переходного от бронзы к железу времени) значительного числа розановских черт [Там же, с. 51].

Само выделение большеложского этапа является, без сомнения, справедливым и удачным. Можно лишь добавить, что дальнейшие исследования как материалов городища Большой Лог [Членова, 1994], так и синхронных по времени памятников инберенской группы [Абрамова, Стефанов, 1981], а также городища Чича в Восточном Прииртышье [Молодин, Парцингер, 2006] существенно обогатили наши представления об этнокультурных явлениях в регионе, показав сложную, мозаичную картину историко-культурных процессов в Западно-Сибирской лесостепи, во многом спровоцированных резким похолоданием климата в Северной Азии [Молодин, 2010б; Молодин, Мыльникова, 2011].

Эпоха железа

Вторая часть рассматриваемой концепции творческого кол-

лектива, возглавляемого В. Ф. Генингом, изложена в статье, также опубликованной в материалах означенной конференции, но уже с другой группой учеников [Генинг, Корякова и др., 1970]. Как указывают авторы, в работе предложена предварительная периодизация эпохи железа рассматриваемой территории [Там же, с. 203]. Не вдаваясь в детали, можно сразу отметить, что намеченная авторами периодизация (как в случае с эпохой бронзы) в целом абсолютно верно отражала общую тенденцию развития историко-культурных процессов от эпохи раннего железа до Нового времени (Сибирские ханства) в лесостепном Прииртышье. Разумеется, за последующие более чем полувека археологические изыскания в регионе существенно пополнили и уточнили эту канву, расцветив ее новыми красками.

Для раннего железного века исследовательским коллективом в целом верно выделена особая культура, названная абатской, с двумя последовательными этапами: коконовским и саргатским [Там же, рис. 1]. Авторы отчетливо осознают слабую обеспеченность означенной территории материалом, в связи с чем к построениям активно привлекались источники как с запада (Приишимье и Притоболье), так и с востока (Барабинская лесостепь), что впоследствии оказалось не всегда корректным. Авторы прекрасно осознавали, что даже при таком подходе в целом для эпохи имели место как территориальные, так и хронологические лакуны (отсутствие, например, материалов начальной стадии раннего железного века). В конечном итоге при активном последующем изучении периода раннего железа как в Прииртышье, так и в соседних районах оказалось, что эпоха представлена в целом единым культурным образованием (саргатской культурой), занимающим огромные пространства Западно-Сибирской лесостепи, фактически от Приобья до Зауралья, а хронологически – от раннескифского времени (VII в. до н. э.) до раннего средневековья включительно [Могильников, 1992; Полосьмак, 1987; Матвеева, 1993]. Одним из наиболее активных разработчиков современной периодизации данной культуры стала Людмила Николаевна Корякова [1988] – ученица В. Ф. Генинга, один из авторов первой концепции.

К чести создателей обсуждаемой периодизации, следует добавить, что ими совершенно правильно был выделен особый

элемент декора, присутствующий на керамике лесостепного Прииртышья, – ямочные наколы, который справедливо связывается с кругом северных культур [Генинг, Корякова и др., 1970, с. 214–215]. Действительно, в этой предтаежной зоне Прииртышья впоследствии были выделены новочекинская и богочановская культуры [Полосьмак, 1987, с. 104–108; Данченко, 1991] с особым типом орнаментации керамики, отчетливо прослеженным свердловским творческим коллективом на коконовской посуде.

Следующий период – начала I тыс. н. э. – в рассматриваемой разработке представлен только одним захоронением могильника Черноозерье IV, названным авторами «коридорными гробницами» [Генинг, Корякова и др., 1970, с. 215]. Действительно, своеобразие этого захоронения несомненно и сегодня. К сожалению, до настоящего времени существенного пополнения источниковой базы для данного исторического периода так и не произошло. Правда, еще в 1970 г. в нескольких десятках метрах к северу от этого места при раскопках вала соседнего городища эпохи бронзы Черноозерское I было обнаружено синхронное погребение мужчины с искусственно вытянутым черепом, содержавшее в составе инвентаря характерную костяную пряжку [Викторов, Борзунов, 1974, рис. 1]. На могильнике Сопка-2 на р. Тартас в Северной Барабе автором раскопано богатое захоронение (№ 688), надежно датированное III–V вв. н. э. [Molodin, 1995] и по ряду параметров сопоставимое с прииртышскими. Антропологический тип мужчины из Барабы отмечен явными центральноазиатскими признаками [Молодин, Чикишева, 1990]. Эти находки могут свидетельствовать о проникновении с юга, из Центральной Азии, пришлого населения, что, вероятно, было непосредственно связано с миграционными потоками хунну на запад. В этот перечень можно включить замечательное Тугозвоновское погребение на Алтае [Уманский, 1978] и могилу воина на р. Ераська [Егоров, 1993]. В целом же, к этому периоду сейчас можно причислить пять одиночных гуннских погребений, датируемых III–V вв., открытых в Среднем Прииртышье, Барабе, Барнаульском Приобье и на Южном Урале – на руинах вала городища Аркаим на р. Синташте [Боталов, Полушкин, 1996, с. 184, рис. 8; Борзунов, Чемякин, 2012, с. 232–233].

В последующий период лесостепное Прииртышье занимали

носители северного, таежного круга культур. По справедливому мнению разработчиков концепции, это была потчевашская культура V–VIII вв. н. э. [Генинг, Корякова и др., 1970, с. 215]. В то же время, и сегодня можно считать оправданным деление культуры на два этапа – спирановский и горносталевский.

Важно особо подчеркнуть, что предложенная концепция была разработана на довольно обширном материале в противовес имеющемуся в то время пониманию известных источников, в том числе Потчевашского городища. Оказалось вполне оправданным и отнесение потчевашской культуры к обширной историко-культурной общности, отмечаемой уже в то время на территории Западной Сибири [Там же, с. 223]. Справедливо и то, что появление носителей культуры в лесостепной зоне связано с миграцией таежного населения. Очевидно, что и генетические корни данного образования следует искать в таежной зоне, где ей предшествует весьма близкая по колориту кулайская историко-культурная общность [Чиндина, 1984].

Период позднего средневековья был представлен в то время в лесостепном Прииртышье крайне незначительными материалами. Тем не менее авторы концепции абсолютно верно атрибутировали их, связав с тюркским миром [Генинг, Корякова и др., 1970, с. 225]. Как впоследствии выяснилось, в регионе открыт и исследован существенный массив памятников, свидетельствующих, во-первых, о проникновении с юга в регион тюркоязычного населения, во-вторых, об активном взаимодействии пришельцев с представителями аборигенного этноса, потомками носителей потчевашской (вероятно, усть-ишимской) культуры, скорее всего, южноугорского происхождения [Бараба…, 1988]. В результате, на памятниках данного периода в регионе налицо проявление синкретизма элементов тюркской сросткинской археологической культуры, которые проникают глубоко на север, где повсеместно встречаются в таежной зоне у носителей аборигенных (угорских и самодийских) этносов.

Наконец, заключительный раздел рассматриваемой статьи посвящен памятникам, принадлежащим Сибирскому ханству (конец позднего средневековья – Новое время). Авторы в це-

лом абсолютно верно характеризуют имеющиеся материалы, справедливо отмечая условность термина «татары», равно как и его этнической окраски [Генинг, Корякова и др., 1970, с. 228].

Действительно, целенаправленное изучение археологических памятников позднего средневековья – Нового времени в Западной Сибири демонстрирует весьма мозаичную картину проживания здесь различных этнических групп угорской, самодийской и тюркской принадлежности. В лесостепной зоне, в силу известной специфики, несомненно, складывались так называемые гибридные этносы, чью основу составляли автохтонные угорские или самодийские компоненты, в среду которых активно вмешивались тюркоязычные племена с юга. Различные доминанты этих составляющих (которые в реальной жизни могли представлять еще более сложный синтез) породили в конечном итоге достаточно своеобразные группы сибирских «татар», отличающиеся не только материальной и духовной культурой, но и своей этнической принадлежностью [Томилов, 1981; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990; Корусенко, 2003].

Таким образом, следует сделать однозначный вывод о том, что представленные молодым творческим коллективом уральских ученых разработки явились в высшей степени актуальными для своего времени. Более того, приведенный выше анализ продемонстрировал, что многие положения до настоящего времени не утратили научной значимости.

Отмечая сегодня 90-летний юбилей Владимира Федоровича Генинга, мы должны отдать должное этому замечательному ученому и человеку, так много сделавшему для развития археологии в нашей стране, теоретику и активному практику, создавшему прекрасную археологическую научную школу в Уральском государственном университете, многие выпускники которого и сегодня достойно продолжают дело своего учителя.

Список литературы

Абрамова М. Б., Стефанов В. И. Памятники инберенского типа (о своеобразии перехода к железному веку в лесостепном Прииртышье) // Вопр. археологии Урала. – 1981. – Вып. 15. – С. 92–97.

Ашихмина Л. И. Владимир Федорович Генинг и уральская археология // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и

средневековье. – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1995а. – С. 7–9.

Ашихмина Л. И. Памяти учителя // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1995б. – С. 9–15.

Бараба в тюркское время / В. И. Молодин, Д. Г. Савинов, В. С. Елагин и др. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.

Бобров В. В., Марочкин А. Г. Артынская культура // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Великий Новгород, Старая Русса. 2011 г. – СПб.; М.; Великий Новгород: Наука, 2011. – Т. 1. – С. 106–108.

Бобров В. В., Чикишева Т. А., Михайлов Ю. И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. – Новосибирск: Наука, 1992. – 156 с.

Борзунов В. А. От редактора: Слово о Генинге // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. – С. 5–6.

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымское общество таежного Приобья: некоторые аспекты его генезиса, развития и взаимодействия с соседями // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 217–261.

Боталов С. Г., Полушкин Н. А. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III–V веков // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Рифей, 1996. – С. 178–193.

Викторов В. П., Борзунов В. А. Городище эпохи бронзы у села Черноозерье на Иртыше // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1974. – Вып. 15. – С. 19–23.

Генинг В. Ф. Автобиография научной деятельности // Мельникова О. М. Свердловская научная археологическая школа В. Ф. Генинга (1960–1974). – Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2003. – Т. 9. – С. 145–181.

Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Поселение Кокуй I // Вопр. археологии Урала. – 1969. – № 8. – С. 30–47.

Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М., Стефанов В. И., Трофименко В. С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – С. 12–51.

Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В. Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – С. 203–228.

Генинг В. Ф., Петрин В. Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – 88 с.

Генинг В. Ф., Стефанова Н. К. Черноозерье IV – поселение кротовской культуры // Археологические исследования севера Евра-

зии. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1982. – С. 53–64.

Данченко Е. М. Ранний железный век южнотаежного Прииртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1991. – 21 с.

Егоров Я. В. Новое исследование погребения воина эпохи Великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – С. 77–78.

Ковалева В. Т. Свердловская школа В. Ф. Генинга // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В. Ф. Генинга: мат-лы науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999. – С. 24–31.

Кондратьев О. М. Раскопки поселения эпохи ранней бронзы Черноозерье VI в 1970 г. // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1974. – Вып. 15. – С. 17–19.

Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // Вопр. археологии Урала. – 1991. – Вып. 20. – С. 70–92.

Корусенко М. А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. – Новосибирск: Наука, 2003. – Т. 7. – 192 с. – (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума; т. 7).

Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – 240 с.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.

Косинская Л. Л. Поздненеолитическая стоянка Артын на Среднем Иртыше // Археологические исследования Севера Евразии. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1982. – С. 18–27.

Крижевская Л. Я. Раннее бронзовое время в Южном Зауралье. – Л.: Изд-во Лен. гос. ун-та, 1977. – 128 с.

Матвеев А. В., Аношко О. М. Зауралье после андроновцев: бархатовская культура. – Тюмень: Тюм. дом печати, 2009. – 416 с.

Матвеева Н. П. Саргатская культура на среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 175 с.

Мельникова О. М. Свердловская научная археологическая школа В. Ф. Генинга (1960–1974). – Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2003. – Т. 9. – 194 с. – (Мат-лы и исслед. Камско-Вятской археологической экспедиции).

Мельникова О. М. Научные школы в археологии Урала // Узловые проблемы современного финно-угроведения: мат-лы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов. – Йошкар-Ола: НЦ финно-угроведения, 2005. – С. 51–54.

Могильников В. А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. –

С. 292–310. – (Археология СССР с древнейших времен до средневековья).

Молодин В. И. Памятники одиновского типа в Барабинской лесостепи // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 63–75.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В. И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (К юбилею профессора Т. Н. Троицкой). – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2010а. – С. 61–76.

Молодин В. И. Экологический «стресс» на рубеже II–I тыс. до н. э. и его влияние на этнокультурные и социально-экономические процессы у народов Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Аграф-Пресс, 2010б. – С. 22–24.

Молодин В. И. К вопросу о позднекротовской (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 1. – С. 49–54.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н. Северные традиции в керамическом производстве культур переходного от бронзы к железу времени лесостепного пояса Западной Сибири как показатель миграционных потоков // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. – Вып. 1. – С. 101–121.

Молодин В. И., Парцингер Г. Исследование памятника Чича в Барабинской лесостепи (итоги, перспективы, проблемы) // Современные проблемы археологии России: мат-лы Всерос. археол. съезда (23–28 октября 2006 г., г. Новосибирск). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 49–55.

Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 260 с.

Молодин В. И.,Чикишева Т. А. Погребение воина IV–V вв. н. э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 161–179.

Нижнетарский археологический микрорайон / П. В. Большаник, А. В. Жук, В. И. Матющенко и др. – Новосибирск: Наука, 2001. – 256 с.

Овчинникова Б. Б. Владимир Федорович Генинг – ученый и педагог // Генинг Владимир Федорович: библиографический указатель. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999. – С. 5–12.

Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: Наука, 1986. – 142 с.

Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск:

Наука, 1987. – 144 с.

Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в.: мат-лы науч. конф. к 75-летию В. Ф. Генинга. – Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2000. – 439 с.

Стефанов В. И., Труфанов А. Я. К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье (по материалам поселения Сибирская Саргатка I) // Вопр. археологии Урала. – 1988. – Вып. 19: Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – С. 75–87.

Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае // Мат-лы по этнографии. – Л.: Гос. Русский музей, 1927. – Т. 1, вып. 2. – С. 57–112.

Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1981. – 274 с.

Уманский А. П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 129–163.

Чиндина Л. А. Древняя история среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – 255 с.

Членова Н. Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.: Наука, 1994. – 170 с.

120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В. Ф. Генинга: мат-лы науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999. – Ч. I: Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. – 127 с.; Ч. 2: Новейшие открытия уральских археологов. – 100 с.

Molodin V. I. Sopka-2. Grab 688: Ein Reiches Hunno-sarmatisches Männergrab in der Westsibirischen Waldsteppe // Trans European. Beiträge zur Bronze und Eisenzeit zwischen Atlantik und Altai: Festscheift für Margarita Primas. – Bonn, 1995. – Bd. 34. – S. 277–285. – (Abhandlungen zur Vor- und Frühgeschichte, zur Klassischen und Provinzial römishen Archäologie und zur Geschichte des Altertums. Antiquitas Reihe 3).

3.3. Размышления о грустном*

Жизнью управляет не мудрость, но судьба.

Цицерон

Наверное, самое трудное в жизни – это терять близких и друзей. Почему-то так устроено бытие, что наша дорога на этом свете неизбежно сопровождается такими событиями – непоправимыми, трагичными…

Легких потерь не бывает, но самое тяжелое, когда человек уходит от нас в совсем еще молодом возрасте, полный творческих планов и замыслов, оставляя сиротами родных и близких.

Почему так устроен мир? Почему время от времени происходят эти нелепости? А может быть, и в этом есть своя логика? Может быть, действительно, Господь забирает к себе лучших!?

Уже год пролетел, как неожиданно для всех ушел от нас Игорь Геннадьевич Глушков, ушел, только-только отметив свое пятидесятилетие.

Это известие потрясло своей безысходностью, непоправимостью случившегося. Я не мог представить себе Игоря мертвым, Игоря, всегда такого веселого, полного идей, творческих замыслов и, как тогда казалось (и не только мне), буквально пышущего энергией и здоровьем.

---

*Впервые опубликовано в книге «Игорь Геннадьевич Глушков: сборник статей-воспоминаний, посвященных памяти И. Г. Глушкова» (Сургут: Изд-во РИО Сургут. гос. пед. ун-та, 2010. С. 100–103).

Как оказалось, в последний раз на этом свете мы виделись в сентябре, когда он приехал ко мне в поле, чтобы поздравить с юбилеем. И разве можно было подумать, что Игорь серьезно болен, видя его, как всегда доброго и веселого, приехавшего на машине из Сургута вместе с женой Тамарой и ученицей Наташей Адамовой – как он шутил тогда, во главе делегации Сургутского педуниверситета.

Нас с Игорем разделяли десять лет, и он всегда относился ко мне как к старшему товарищу, однако по большому счету я никогда не видел в нем товарища младшего. Игорь был прекрасным ученым, способным генерировать идеи, безусловно, оставившим заметный след в сибирской археологии.

Он был и не менее талантливым администратором. Думаю, что именно ему очень многим обязан Сургутский государственный педагогический университет и в своем становлении, и в организации профессиональной подготовки студенческой молодежи на хорошем современном уровне.

Еще будучи студентом, Игорь, несомненно, выделялся среди сверстников и широтой знаний, и оригинальным мышлением. С ним было приятно и интересно обсуждать очень непростые вопросы. Я бы отметил толерантность по отношению к мнению коллег, способность не только выслушать, но и понять оппонента, и, может быть, что особенно важно, согласиться с оппонентом. Последнее качество, вообще, присуще только по-настоящему серьезным ученым.

Особенно много сделано Глушковым по двум направлениям археологии.

Первое – это всестороннее изучение древней керамики – одного из главнейших источников, который исследовал археолог. Я не устаю повторять своим студентам, что, если они не научатся разбираться в керамике, – грош им цена как ученым. Так вот, Игорь Геннадьевич достиг в этом вопросе безусловного совершенства. Более того, он написал блестящее докторское сочинение, которое затем переработал в монографию [1996], считающуюся, несомненно, настольной книгой для всех, кто изучает этот сложнейший источник, и не только сибиряков.

Вторым заметным направлением в его научном творчестве стала экспериментальная археология. Здесь Глушков вместе со своими учениками коснулся не только своей любимой

керамики. Проблемы домостроительства, металлургического производства, использование математической статистики и моделирования – вот тот, далеко не полный, перечень направлений, которые нашли отражение в творческом процессе исследователя.

Мы с Игорем подготовили и издали совместную монографию, посвященную самусьской культуре [Молодин, Глушков, 1989]. В основу была положена кандидатская диссертация Глушкова, дополненная моими материалами и наработками по самусьскому поселению Крохалевка-1 в окрестностях Новосибирска. Над текстом работали в поле. Для этого Игорь специально приезжал ко мне на Алтай, где после работ на раскопе мы проводили незабываемые вечера у меня в палатке, обсуждая и проблемы, над которыми работали, и многомного чего еще в нашей западносибирской археологии, да и вообще в науке и в жизни. Особенно запомнилось, что дискутировать с Игорем было очень приятно. Дело в том, что в споре он стремился к истине, а не к победе над оппонентами. Думаю, что в этих вечерах мы почерпнули для себя очень многое. Наверное, именно тогда сложившаяся между нами душевная и творческая близость и способствовала тому, что я пригласил Глушкова к написанию третьего тома «Археологии Сибири», посвященному эпохе бронзы, совместные главы и разделы которого мы писали с Глушковым также в поле, делая это уже втроем, с Владимиром Васильевичем Бобровым. Книга эта так и не вышла, но работа над ней дала нам тогда очень много.

Замечательно также, что отмеченные выше исследовательские подходы нашли отражение в научном творчестве ученого. Игорь опубликовал четыре очень качественные монографии, которые востребованы специалистами сегодня и, бесспорно, будут использоваться еще не одним поколением ученых.

Несомненно также, что одной из ярких граней его натуры был безусловный педагогический дар, который проявился как талант активно действующего профессора (что для преподавателя ВУЗа, может быть, вообще главное). Он обучал и воспитывал своих учеников, активно вовлекая их в свою работу и работу своих коллег. Игорь неоднократно бывал у меня в

экспедициях и в Барабе, и на Алтае, куда приезжал не один, а со своими воспитанниками, которые были всегда под стать ему по уму, да и по душевным качествам. Не случайно, что все они стали сегодня кандидатами и докторами наук, известными как в научном сообществе, так и в преподавательской среде. Будучи неплохо знакомым с их научным творчеством, я часто ловлю себя на том, что, читая их работы, я вижу самого Глушкова. Настолько сильным было концептуальное влияние на творчество учеников.

Я уверен, что Игорь как археолог сделал бы гораздо больше, если бы не его многочисленные увлечения, порой очень серьезные, конечно же, отвлекавшие его от археологии. Я имею в виду его очень серьезное увлечение педагогикой. О том, что это увлечение было настоящим, говорит тот факт, что Глушков даже собирался защищать докторскую диссертацию по педагогике и советовался со мной по этому поводу. Я сначала сердился на него за то, что он занимается «чем ни попадя» в ущерб главному предназначению, но, к счастью, скоро понял, что педагогика для Игоря была важна и как для преподавателя, и как для администратора ВУЗа, находящегося на стадии становления. Так на самом деле и было: сделав ВУЗ одним из лучших (если не лучшим в регионе), вполне конкурентноспособным даже в среде классических университетов, Глушков в археологию вернулся, и мы вправе были ожидать второго витка его творческого взлета.

В этой огромной многоплановой работе по становлению Сургутского государственного педагогического университета я бы особо отметил сложившийся творческий тандем между ректором Надеждой Васильевной Коноплиной и первым проректором Игорем Геннадьевичем Глушковым. Мне кажется, что именно этому творческому союзу должен быть обязан молодой университет. Кроме того, этих людей связывала большая дружба. Поэтому боль утраты для Н. В. Коноплиной безмерна (дай Бог с минимальными утратами пережить уход Игоря Геннадьевича и Коноплиной, и Сургутскому педуниверситету).

Но, конечно, наиболее трагична утрата Игоря Геннадьевича для его семьи – мамы Альварес Андреевны, жены и коллеги Тамары Николаевны Глушковой, троих его прекрасных

детей – Олега, Жени, Ольги. Игоря Геннадьевича им никто никогда не заменит, и боль утраты такого замечательного человека – сына, мужа, отца – ничем не сгладить. Со временем она может только несколько притупиться…

Игорь жил интересами своей семьи, своих детей. Его очень волновало их будущее, их судьба. Я помню, как болезненно принимал Игорь Геннадьевич выбор старшего сына, когда тот неожиданно для всех избрал стезю профессионального балетмейстера. И вот этот мальчишка из далекой Сибири через каких-то десять лет становится одним из самых известных в Москве балетмейстеров! Я был просто счастлив, когда прочитал в известном журнале «Bazzaar» буквально следующее: «Тридцатилетний Глушков, пожалуй, сейчас самый эффективный танцевальный “менеджер” Москвы». Номер этот вышел в октябре 2009 г. И я подумал: «Как был бы счастлив Игорь, читая эти строки…».

Список литературы

Глушков И. Г. Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.

Молодин В. И., Глушков И. Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 168 с.

Baazar. – 2009. – Октябрь.

3.4. Аркадий*

Что-то подходит близко, верно,
Холод томящий в грудь проник.
Каждою ночью в тьме безмерной
Я вижу милый, странный лик…

Н. Гумилев. Товарищ

Я несколько раз принимался за этот очерк об Аркадии Киме. И не получался он у меня никак. Писал, откладывал, а потом, возвращаясь к написанному, безжалостно браковал. Не нравилось. Все было не то. Я и сейчас не уверен, что у меня получилось что-то, хотя бы немного стоящее памяти Аркаши. Точнее сказать, даже уверен, что и сейчас не получилось…

Но ничего не написать в этот сборник, посвященный его памяти, я тоже не мог. Слишком дорога для меня память об этом человеке, слишком тяжела наша утрата. Да простят меня близкие Аркадия Романовича, которые ждали от меня, быть может, чего-то иного, более сильного или более достойного этого удивительного человека. Да простят меня наши общие друзья. Как невообразимо трудно писать о таких людях! Их можно (и нужно!) называть великими, замечательными, удивительными, но эти слова – громкие слова – словно мишура, и, сказав их, все равно чувствуешь, что не хватает способностей, таланта, умения написать об этих людях так, как подобает!

Прости и ты меня, Аркаша. Может быть, я напишу что-то неуместное или бестактное, а может быть – просто недостой-

*Впервые опубликовано в сборнике «Археология, антропология, этнография Сибири» (Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. С. 13–18).

ное тебя. Но все, что скажу – от сердца. Все эти эпизоды, касающиеся нас, хранит память. Они дороги мне, и я даже не знаю, почему именно они сохранились в душе? Почему я пишу именно о них? Наверное, кому-то это покажется мелким, неинтересным. Но для меня эти штрихи наших отношений были значимы тогда, когда ты был жив, значимы они и сейчас.

Прости меня, дорогой…

…Он был из категории людей, которых в народе называют святыми, отмеченными печатью Божественного. Я не знаю, верил ли Аркадий в Бога, мы никогда не говорили об этом, но то, что жил он руководствуясь высшими заповедями, – несомненно. Причем, мораль эта была присуща ему как бы от рождения. Во всяком случае, я всегда знал его как носителя этой высшей морали: и когда мы только познакомились, и в последние отпущенные ему годы и дни.

К сожалению, мы не были близкими друзьями. И поэтому, я не так уж много знаю о подробностях его жизни, но то, что мне известно о нем, позволяет уверенно сказать – да, это был уникальный человек, редкой доброты и порядочности, наделенный неисчерпаемым человеколюбием, обладающий талантом пытливого исследователя. В то же время это был человек с не просто трудной, но трагичной судьбой, хранящий в себе, однако, такие качества души, которые позволяли ему с честью преодолеть начало жизненных невзгод и лишений.

Свела нас наука. Аркадий занимался антропологией эпохи средневековья Западной Сибири, а у меня были довольно представительные коллекции. И вот, на какой-то конференции в Томске нас познакомил Владимир Анатольевич Дремов – учитель Аркадия. А. Р. Ким хотел приехать в Новосибирск поработать с материалом. И, действительно, он вскоре приехал, и я пристроил его работать у нас на чердаке, где хранились антропологические материалы. Мы почти не общались тогда, но меня подкупала та работоспособность, которую каждодневно демонстрировал мой томский коллега. Мы часто засиживались на работе до восьми-девяти вечера, потом курили на лестничной площадке, я грел чай перед дорогой домой (а жил я тогда в Новосибирске), поил Аркадия и выспрашивал о его соображениях по поводу тюрок. Потом я уезжал, а Ким еще оставался в институте. На следующий день, когда я появ-

лялся на чердаке часов около десяти, Аркадий сидел уже на своем рабочем месте, обмеряя или склеивая очередной череп.

Он очень был загружен в тот приезд, и тем не менее, когда я попросил его проверить мои половозрастные определения антропологической коллекции Илимского острога, сделанные в поле, Ким немедленно согласился и убил на это не менее трех дней.

Он не стеснялся спрашивать и делал это как-то настолько деликатно, что мне хотелось на каждый его вопрос ответить как можно более исчерпывающе. Он и слушал-то как-то по-своему, с таким неподдельным интересом, что говорить с ним было одно удовольствие.

Потом он уехал в Томск, и мы не виделись довольно долго. Ребята говорили мне, что Аркадий серьезно болен – что-то с легкими, как-то даже привет от него передавали.

Уже сейчас не помню, через какое время мы снова встретились, наверное, через несколько лет. Опять в Томске. Теперь уже как старые знакомые. Он потащил нас с Юрой Кирюшиным к себе в гости, домой, в новую квартиру, куда недавно вселился. Он сам построил себе жилье, работая на стройке, трудился на износ, совмещая стройку с наукой (другим путем в Томске получить квартиру работнику университета, да еще без степени, было немыслимо). Ким кормил нас с Юрой какой-то божественной курицей, которую сам приготовил по хорошо известному ему восточному рецепту, пловом, поил водкой. Много говорил о науке, о проблемах этногенеза сибирских народов. Я буквально не узнавал Аркадия. Он поразительно вырос со дня наших городковских разговорчиков на лестничной площадке. Кажется, теперь он завершал работу над диссертацией.

Вскоре я получил от Аркадия автореферат, он защищался в Москве, и я, даже не знаю сам почему, написал на его работу отзыв.

Уже потом академик В. П. Алексеев, выдающийся ученый-антрополог, очень лестно отзывался о диссертации Кима. Валерий Павлович прочил ему блестящее будущее в науке. Так оно, конечно, и было бы…

Шли годы, и Ким стал бывать у нас все чаще. Полным ходом шли раскопки уникального памятника Сопка-2 с

богатейшим и интереснейшим материалом, в том числе и антропологическим. Вместе с В. А. Дремовым и Т. А. Чикишевой Аркадий проделывал огромную работу, преимущественно черновую, по обработке коллекций. Именно тогда наше, в общем-то, формальное общение, переросло в нечто большее. Именно тогда у нас возник настоящий творческий союз. Достаточно будет сказать, что в трех книгах по проблемам средневековой археологии Барабы, которые я выпустил вместе с коллегами, Аркадий написал прекрасные разделы, посвященные исторической интерпретации антропологических материалов. А ведь это легко сказать – три книги! Сколько нужно было обработать черепов, порой собирая их из мельчайших осколков. Склеить, измерить, сопоставить данные и, наконец, интерпретировать. Сколько труда за этим стояло!

Интересно, что мы никогда не спорили с Аркадием ни по научным, ни по житейским проблемам. Даже не знаю почему, может быть, детальные предварительные обсуждения тому причиной, но выводы наши, построенные на разных источниках, удивительно совпадали. Конечно, еще и поэтому мне было приятно творчески работать с ним. Я всегда ощущал его не оппонентом, а единомышленником.

Мне кажется, Аркадию особенно удалась работа по позднесредневековым памятникам Барабы. Он выявил различия в антропологическом материале, которые давали возможность серьезно аргументировать наши с В. М. Соболевым и А. И. Соловьевым этнические реконструкции. Уверен, что к этой работе Кима постоянно будут обращаться специалисты, занимающиеся проблемами этногенеза.

Как раз в это время я переехал в Академгородок. Почти в каждый свой приезд Аркадий заходил к нам, а несколько раз оставался ночевать. Никакой мебели у нас тогда не было, но квартира была большая, и Наташа, моя жена, стелила ему на полу (больше было не на чем) в комнате, где одиноко стоял стеллаж с книгами. Нам с Натальей было неловко из-за этого, а Аркаша со свойственной только ему обворожительной улыбкой говорил, что лучше и удобнее он в жизни никогда не спал.

Вообще, с Наташей у него сложились какие-то особые отношения. Они оба любили поэзию, и Аркадий всегда привозил ей в подарок редкий в то время (точнее уникальный!)

томик Ахматовой, Цветаевой или Гумилева. Запомнились и наши разговоры о литературе, которыми всегда сопровождался его приезд к нам.

Почему это запомнилось? Наверное, потому, что я в который раз ощутил его глубокую культуру, разностороннюю образованность и, самое важное, способность тонко понимать прекрасное. Или, лучше сказать, тонко чувствовать прекрасное. А ведь это то как раз, чего многим из нас не хватает в жизни, и мы, даже не ощущая, чего лишены, чего не дал нам Господь, преспокойно существуем, не осознавая, что лишены-то мы в этой жизни самого главного…

Кажется, уже в это время Аркадий переехал в Барнаул. Так сложилась жизнь, что нужно было все сменить, и Юра Кирюшин помог Аркадию и с работой, и с квартирой.

В Алтайском госуниверситете способности Кима заблестели новыми яркими красками. Именно здесь в нем раскрылось еще одно удивительное качество – талант педагога. К нему потянулись студенты, у него появились ученики, и как жаль, что с уходом Кима и эти ребята осиротели…

В это время у меня в аспирантуре учился Юра Мамадаков – один из самых близких друзей Кима. Если бы вы знали, как трогательно заботился о нем Аркадий! Любая наша встреча или телефонный разговор сразу после приветствия начинался словами Аркадия Романовича: «Ну, Слава, как там у Юры дела?». В шутку я отвечал, что тебе-то, мол, лучше знать, как у него дела, ты его видишь каждый день, а я на аспирантских отчетах. Всегда удивительно тонко понимавший шутку, Аркадий не принимал моего тона и продолжал говорить со всей серьезностью.

Как-то они с Мамадаковым приехали ко мне в поле, на Денисову пещеру. Встреча эта запомнилась тем, что мы сели ужинать часа в три ночи. Сначала мы с Юрой поехали к его другу за бараном. Вернулись уже поздно вечером. Потом стали этого барана разделывать, потом жарить шашлык. Все мои попытки ограничиться нашим обычным экспедиционным ужином – успеха не имели. Так, под утро, мы этого барана и съели.

А Мамадаков написал хорошую диссертацию и защитился успешно. Уверен, что без дружеской поддержки и помощи Аркадия было бы это не так скоро и не столь ярко.

Последние годы общения с Аркадием Романовичем запомнились мне еще тем, что он страстно мечтал побывать на своей, что называется, исторической родине, в Корее. Однажды мы чуть было не поехали туда вместе. Мой друг, профессор Сонг Нан Ри из Орегоны, предложил мне сделать доклад на международной конференции в г. Ири. Я с радостью согласился и написал ему об Аркадии. К сожалению, приглашение из Кореи запоздало, и я был на конференции без Кима… А как ему хотелось там побывать! Потом он расспрашивал меня о каких-то мельчайших, как мне казалось, порой несущественных подробностях жизни и быта корейцев, о корейской науке, археологии. Он начал заниматься корейским языком, чтобы полностью восстановить уже имевшие место пробелы. И кто знает, как бы сложилась его дальнейшая судьба, судьба его семьи, близких, побывай он хоть раз на своей исторической родине. Не довелось… А ведь его как ученого успели узнать в Корее.

В нашей последней встрече было что-то мистическое. Весной 1993 г. к нам в институт прилетел директор Бельгийского Королевского музея профессор Ван Ноттен. Вместе с академиками А. П. Деревянко и Ю. И. Шохиным мы принимали его на нашей институтской базе на Алтае близ Денисовой пещеры.

Домой возвращались вертолетом через Барнаул. Каково же было наше удивление, когда на площади перед аэропортом к нам подошел улыбающийся Аркадий. Мы обнялись (сейчас мне кажется, что обнялись мы как-то особенно крепко).

– Юрий Федорович сказал мне, что вы будет садиться в Барнауле. Сам он приехать не смог: экзамены принимает, а я вот напросился, привез вам тезисы конференции…

Мы о чем-то говорили минут пять.

– Привет Наташе с Ванюшкой, и жду тебя в Барнауле, – и мы снова обнялись. В последний раз...

Через несколько дней ночью меня разбудил телефонный звонок. Звонил Ю. Ф. Кирюшин:

– Беда у нас, Слава. Аркадия нет…

Пожалуй, ни одна смерть не потрясла меня так, не доводила до физической боли (буквально), как смерть Аркаши. Ну, да что говорить об этом…

Но ведь как чувствовал он! И не должен он был в аэропорт ехать (это потом мне Юра Кирюшин рассказал), а узнал случайно, что мы летим, бросил все дела и примчался…

И обнялись мы тогда все-таки как-то не так, как всегда. Прощался он со мной…

А за окном моей палатки стоит удивительный октябрь. Необыкновенно теплый, солнечный для Сибири и божественно красивый. Все в золоте берез и голубизне неба! И на душе тихая грусть, и до слез обидно, что никогда больше на этом свете не увижу я этого милого, симпатичного человека, не подойдет он ко мне и не скажет своим тихим голосом:

– Ну, здравствуй, Слава, как же давно мы с тобой не виделись…

3.5. Памяти товарища*

К несчастью, эта книга (речь идет о монографии «Рерих – археолог») увидела свет, когда мы уже потеряли нашего друга и соавтора Петра Петровича Лабецкого. Он скоропостижно скончался от сердечного приступа 6 сентября 2001 г. в экспедиции в Средней Азии, не дожив двух дней до полных 56 лет. Больно и горько писать эти строки.

Я знал Петра Петровича около тридцати лет. Мы примерно в одно время пришли в институт, не раз бывали вместе в экспедициях, постоянно контактировали по работе (да и не только по работе) в зимнее межсезонье. Петр Петрович никогда не стремился к научным высотам, у этого человека было, безусловно, другое предназначение. Какие-то страницы его жизни я знаю лучше, какие-то хуже, каких-то – совсем не знаю, но для меня несомненным всегда было одно – Петя, по большому счету, жил для людей. Он всегда готов был прийти на помощь, подставить плечо и делал это ненавязчиво, деликатно, чтобы, не дай бог, не обидеть или как-то задеть… Порой мне казалось (а может быть, так оно и было), что Петя живет в каком-то другом, отличном от моего, мире,

*Впервые опубликовано в монографии «Рерих – археолог» (авторы О. В. Лазаревич, В. И. Молодин, П. П. Лабецкий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002).

какими-то своими, понятными только ему, радостями. Сначала, по молодости, это вызывало некоторое недоумение, потом пришло понимание того, что люди и не должны быть одинаковыми, не должны стандартно мыслить, чувствовать и воспринимать окружающий мир. Тем, что мне все-таки открылась эта важная истина (быть может, не столь скоро, как этого бы хотелось), я во многом обязан ему.

Петя любил поле, любил археологию. Этот его интерес в конечном итоге вылился в увлечение фотографией, преимущественно археологической. Не случайно последние лет пятнадцать он заведовал фотолабораторией нашего института. Многие сотрудники (и я в том числе) обязаны Петру Петровичу прекрасными фотодокументами, полученными как в полевых условиях, на раскопках, так и в лабораторных, при подготовке коллекций к изданию.

Особенно памятны для меня наши совместные работы на реке Кучерле, в самом сердце Горного Алтая, куда Петя приезжал к нам в отряд со своей женой Ларисой и еще маленькими в ту пору детьми – Ленкой и Васькой. Уверен, что эти годы были самыми счастливыми для него и Ларисы. Оба были здоровыми, полными сил, любящими друг друга, детей, да и на нас всех эта любовь распространялась. Тепло их сердец согревало весь отряд. Каким же недолгим было их счастье! В 1996 году от нас ушла Лариса, а через пять лет и Петя. Годы без Ларисы были безумно сложными для него. Ребятишки находились в самом трудном, переходном, возрасте. Нужно было их кормить, поить, одевать, лечить, воспитывать – и все это самому. А летом – нелегкие экспедиции. В последние годы приходилось ездить в основном в Монголию и Среднюю Азию, места, где работать сложно не только физически, но и – морально (после распада Советского Союза). Петр Петрович стойко переносил все испытания. Он поставил на ноги детей. Теперь Лена и Вася – студенты Новосибирского университета. И умер он как солдат на боевом посту, ни разу не показав, как ему порой бывало физически больно и трудно работать.

Петя не представлял себе жизни без поля, а экспедиционное братство для него было, пожалуй, одной из главных жизненных ценностей. Он всегда по-настоящему болел за общее

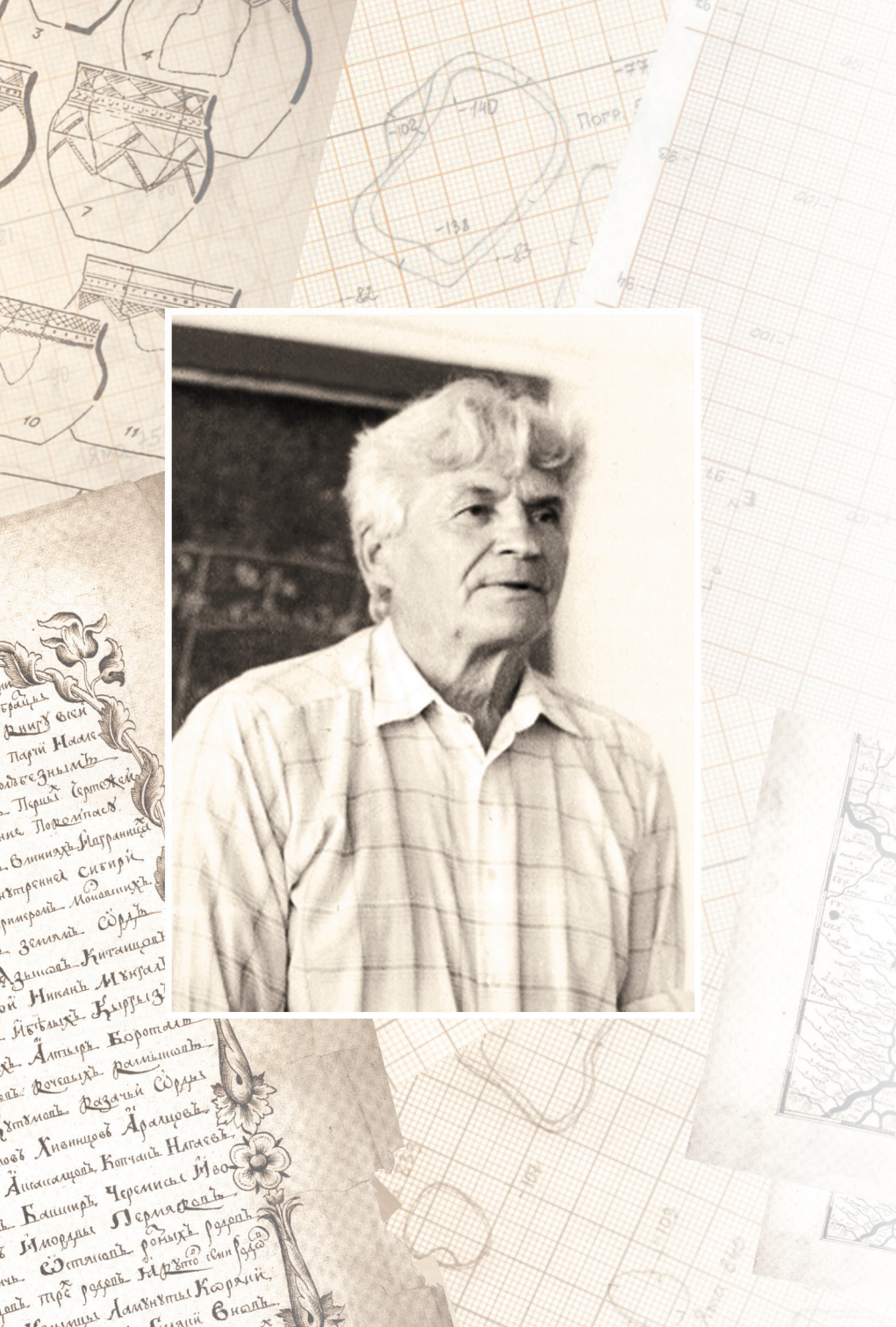
дело, за институт. Никогда не забуду, как он радовался нашим укокским открытиям, с каким энтузиазмом рвался к нам на плато, хотя условия высокогорья вряд ли были полезны для его здоровья.

Еще одна любовь была в этой жизни у Петра Петровича. Он преклонялся перед Николаем Константиновичем Рерихом, очень серьезно и глубоко изучал все многообразное творчество этой неординарной личности. Интерес к философским трудам Н. К. Рериха, Е. И. Рерих, Е. П. Блаватской и других мыслителей Востока был не просто хобби для П. П. Лабецкого – они, несомненно, были частью его жизни. Петя никогда не бравировал своими знаниями. При этом собеседник чувствовал, что они были не поверхностными, а весьма глубокими. Мы не раз спорили с Петром (особенно по молодости) на мировоззренческие темы. Причем задирался всегда я, сначала как воинствующий марксист, а с годами – просто из интереса. Вряд ли мы переубедили в чем-то друг друга, но дискуссии такие, думаю, приносили удовлетворение обоим. Безусловно, мы были близки в оценке деятельности Николая Константиновича Рериха. И именно тогда, в конце восьмидесятых, в экспедиции на Кучерле и родилась идея книги, которая лежит перед вами. Замысел был вроде бы довольно прост – написать о Н. К. Рерихе как об археологе с позиции профессионала. Я начал собирать материал, в чем мне тут же стал помогать Лабецкий, подарив, кстати, в тот памятный для меня вечер на Кучерле редкое издание путевых дневников центральноазиатской экспедиции Рериха. Работа, к великому моему сожалению, шла медленно и урывками. Катастрофически не хватало времени. В конце концов, уже в середине девяностых я вдруг понял, что годы летят очень быстро и надо «довести до ума» накопленные материалы. Поскольку самому успеть воплотить все замыслы было просто не реально, я решил привлечь к работе свою аспирантку Ольгу Лазаревич. И, прежде чем обратиться к ней, я посоветовался с Петром Петровичем. Мне почему-то казалось, что его слово должно быть в этом вопросе решающим. Петя знал Ольгу по экспедиции и ни минуты не колебался. Более того, в дальнейшем, во время работы Ольги над диссертацией, Петр Петрович помо-

гал ей материалами и советами. В результате диссертация состоялась. А потом мы решили ее доработать, дополнив новыми материалами и учтя те замечания, которые были высказаны при защите. Петр Петрович с огромным энтузиазмом и каким-то трепетом взялся за работу. Он написал очень крупный раздел, получившийся в значительной степени философским трудом, который тематически несколько не соответствовал основной идее монографии. Мне тем не менее хотелось, чтобы эта его работа увидела свет. После обсуждений было решено все-таки издать ее в качестве послесловия к монографии, максимально адаптировав к содержанию книги, а в полном объеме опубликовать отдельным очерком. Весной 2001 года мы вместе с Петром Петровичем подбирали иллюстрации, договорились, что окончательно он подготовит блок после возвращения из экспедиции, а наш редактор тем временем закончит работу над рукописью. И как гром среди ясного неба – известие о трагедии, которое застало меня в поле…

Благодаря участию его сына Василия и друга и ученика Сергея Ильина, удалось отыскать в архиве Петра Петровича материалы к книге. Допускаю, что это не все, что он хотел опубликовать, но восполнить пробел, к несчастью, уже невозможно. Так вот случилось, что книга о Николае Константиновиче Рерихе стала памятником не только этому замечательному ученому и человеку, но и его ученику и последователю Петру Петровичу Лабецкому.

Петр Петрович Лабецкий навсегда останется в памяти людей, которые его знали либо встречались с ним. Он был достоин своего великого учителя!



3.6. Памяти Владимира Ивановича Матющенко*

В славной плеяде археологов – исследователей Сибири имя профессора Матющенко, несомненно, занимает особое место. Его талант ученого и организатора науки ярко раскрылся в послевоенные годы в Томском государственном университете, который он сам с отличием закончил, и где затем стал признанным лидером, по существу, основателем томской археологической школы [Профессора…, 2001, с. 245–249].

С тех пор прошло не так уж много времени, а сегодня даже трудно себе представить, что еще недавно не были исследованы целые исторические периоды и большие участки Западно-Сибирской равнины в тайге, лесостепи и степи. Эти обширные районы представляли собой белые пятна абсолютно или почти неизученных с точки зрения археологии территорий. Именно поколению ученых, работавших в одно время с Владимиром Ивановичем, выпала эта нелегкая, но столь замечательная задача быть первооткрывателями в археологии Западной Сибири. В то время, когда начинал Матющенко, все основывалось на обобщающих исследованиях

*Впервые опубликовано в сборнике «Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья» (Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. С. 13–17).

В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской по таежной и циркумполярной зонам Западной Сибири, М. П. Грязнова по верхней Оби. Разумеется, серьезную методологическую основу составляли фундаментальные исследования, и сегодня не утратившие своей научной значимости, – С. И. Руденко по Горному Алтаю, А. П. Окладникова по Восточной Сибири и Дальнему Востоку, С. А. Теплоухова, С. В. Киселева, М. П. Грязнова по Южной Сибири, однако очевидно, что для совершения качественного скачка в изучении безграничных просторов Западной Сибири нужен был новый материал, а значит, нужны были археологические разведки и раскопки.

Вот эту качественно новую страницу в изучении Западно-Сибирского региона и довелось открыть Владимиру Ивановичу и его коллегам – Т. Н. Троицкой в Обь-Иртышской лесостепи, А. И. Мартынову в Кузбассе, М. Ф. Косареву в таежной и предтаежной зонах Западной Сибири, В. А. Могильникову на Алтае и в Западной Сибири. Активное участие в этих событиях приняли и первые томские ученики В. И. Матющенко – Л. А. Чиндина и Л. М. Плетнева, а также свердловский археолог В. Ф. Генинг. Именно этими учеными была сформирована фундаментальная источниковая база, сформулированы первые концепции историко-культурного развития самых разных эпох, на основании чего, собственно говоря, и шло последующее изучение западносибирских древностей.

Главное внимание В. И. Матющенко в этот период было сосредоточено на изучении памятников эпохи неолита и бронзы. Именно тогда Владимир Иванович открывает и исследует высокоинформативные археологические объекты этого исторического периода, послужившие основой формирования историко-культурных концепций в регионе.

Каждому археологу суждено исследовать весьма ограниченный круг памятников. И это понятно: так устроена творческая жизнь. Поэтому выбор объекта для исследования во многом зависит от уровня профессионализма ученого, однако немало связано и с «госпожой удачей». Она ведь, действительно, бывает для кого-то доброй, а для кого-то – «иначе». Так вот, Матющенко удача улыбалась всю жизнь. Разумеется, и профессионального мастерства полевого исследователя ему было не занимать.

В результате, такие археологические шедевры, как памятник Самусь IV, могильники Ростовка и Еловка, по праву вошли в золотой фонд мировой археологии. Полученные на этих местонахождениях источники позволили на принципиально новом уровне представить себе культуры эпохи бронзы Западно-Сибирского региона.

К чести Владимира Ивановича, он не только открыл и исследовал эти замечательные памятники, но и обобщил добытые материалы в ряде статей. Несомненным творческим достижением ученого явились подготовка и публикация четырехтомной монографии «Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век)», впоследствии защищенной в качестве докторской диссертации [1973а–в; 1974]. Следует отметить, что для обширного региона Верхнего и Среднего Приобья такая работа была выполнена впервые. Да и сегодня, спустя более 30 лет, без ее осмысления не обходится ни одно сколько-нибудь серьезное исследование по Западной Сибири или прилегающим территориям. Замечательно еще и то, что эти памятники не только отличаются высокоинформативным массовым материалом (впоследствии это было приумножено другими исследователями), – каждый комплекс, раскопанный Владимиром Ивановичем, содержал удивительные, до настоящего времени остающиеся уникальными находки. В Самусе IV это комплекс явно ритуальной керамики с антропоморфной, орнитоморфной и солярной символикой, а также удивительная каменная скульптура; в Ростовке – не только замечательный набор бронзовых наконечников копий и кельтов сейминско-турбинского облика, но и неповторимый нож с навершием в виде фигур лошади и человека. И этот ряд удивительных открытий продолжался в течение всей творческой жизни ученого. А ведь раскопки он проводил до последнего года отпущенного ему срока, когда ему было уже далеко за 70!

Однако не только одними раскопками характеризуется томский период деятельности Владимира Ивановича. Разумеется, вторым главным направлением были университет и работа со студентами. Преподавательская деятельность Матющенко не ограничивалась чтением лекций и ведением семинаров. Вокруг Владимира Ивановича всегда были

талантливые молодые ребята, чьи имена уже вскоре громко прозвучали в науке. Это Юрий Федорович Кирюшин и Михаил Васильевич Аникович. Первый – ныне профессор, доктор наук, ректор Алтайского государственного университета. Второй – также доктор наук – работает в Санкт-Петербургском институте истории материальной культуры РАН, одном из ведущих археологических институтов страны. Этот список учеников Матющенко можно было бы продолжить. Огромное внимание Владимир Иванович уделял университетскому Музею археологии и этнографии Сибири, фонды которого постоянно пополнялись, а экспозиция обновлялась. Музей до сих пор остается визитной карточкой университета, способствует углублению учебного процесса, является центром научно-исследовательской работы.

И еще. Матющенко можно с полным правом считать организатором и, я бы сказал, душой Западно-Сибирского археолого-этнографического совещания.

То, что Томский университет взял на себя проведение таких всесоюзных совещаний (при участии Московского, Ленинградского и Новосибирского академических центров), несомненно, свидетельствовало о высоком рейтинге томичей среди организаций, занимающихся проблемами археологии Западной Сибири. И здесь роль Владимира Ивановича трудно переоценить. Западносибирские совещания внесли огромный вклад в развитие археологии Сибири. Они проводятся до настоящего времени (последнее, XIII, прошло в 2005 г.), и очень бы хотелось, чтобы традиция эта не была утрачена.

Владимиру Ивановичу была присуща еще одна замечательная черта, которая отличала далеко не всех его коллег. Он с легкостью демонстрировал всем желающим новейшие, еще не опубликованные материалы, более того, разрешал ими пользоваться и даже публиковать! А чего стоит подарок, который он сделал совсем тогда молодому свердловскому археологу Валерию Петрину, пригласив возглавить работы на только что открытой палеолитической стоянке Могочино I на Оби! И это при том, что палеолит в Западной Сибири был известен очень слабо, каждый памятник привлекал к себе неподдельное внимание научной общественности. Да и сам Владимир Иванович занимался и неолитом, и палеолитом,

свидетельством чему является, например, блестящая статья по Томской палеолитической стоянке, написанная совместно с З. А. Абрамовой [Абрамова, Матющенко, 1973]. Тем не менее он счел необходимым пригласить для этих работ талантливого молодого ученого-палеолитчика, поскольку палеолит – особое направление в археологии, если хотите, особая наука.

История не имеет сослагательного наклонения, и трудно сейчас предположить, что было бы с развитием археологии в Томском государственном университете, если бы в силу сложившихся обстоятельств Матющенко не пришлось уехать. Произошло это в 1976 г. Владимир Иванович переезжает в Омск и начинает свою работу в созданном в этом городе государственном университете.

Но вот что интересно: начав все, что называется, с нуля, Матющенко блестяще повторил, а в чем-то и превзошел свои томские достижения, что лишний раз подтвердило незаурядность этой личности.

В Омске Матющенко пришлось, по существу, все начинать сначала. Дело несколько облегчалось лишь тем, что работал он в тесном содружестве и взаимодействии с не менее яркой фигурой и тоже выходцем из Томска – профессором Николаем Аркадьевичем Томиловым. Представляется, что благодаря именно этому творческому тандему и удалось достаточно быстро создать в Омске и активно работающие кафедры, и музей, и даже филиал академического института.

Владимиру Ивановичу и в Омске удалось подготовить и сплотить вокруг себя блестящих молодых ученых. Это и чрезвычайно талантливый Игорь Геннадьевич Глушков, ставший крупным специалистом в области технологии древнего керамического производства и в экспериментальной археологии, в настоящее время профессор и первый проректор Сургутского государственного педагогического университета, и кандидаты наук А. Я. Труфанов, С. С. Тихонов, А. В. Жук, С. Ф. и Л. В. Татауровы, и многие другие молодые ученые, уже уверенно заявившие о себе в науке.

Разумеется, Владимир Иванович и в Омске не оставлял активную полевую деятельность. И что замечательно, здесь было сделано немало открытий мирового значения. Доста-

точно назвать только два. Первое – курган Сидоровка, где Матющенко в, казалось бы, полностью разграбленном бугровщиками кургане посчастливилось обнаружить непотревоженное захоронение с богатейшим набором замечательных высокохудожественных предметов гунно-сарматского времени [Матющенко, Татаурова, 1997]. Это и серебряные фалары с изображением грифонов, и массивные золотые накладки на пояс, изображающие борьбу животных – излюбленный мифологический сюжет той эпохи.

Вторым выдающимся объектом явился комплекс разновременных археологических памятников на р. Таре, на Татарском увале у д. Окунево. Здесь были исследованы уникальные для Западной Сибири погребальные комплексы от ранней поры бронзового века до позднего средневековья.

Владимир Иванович и здесь остался верен себе. Он не только исследовал эти замечательные памятники, но и опубликовал их вместе со своими учениками [Матющенко, Поле-водов, 1994].

Благодаря Владимиру Ивановичу, Омский университет начинает играть значительную роль и в плане организации науки. Именно Матющенко принадлежит идея проведения научных чтений памяти Михаила Петровича Грязнова – выдающегося отечественного археолога, учителя Владимира Ивановича. Совместно с этнографами проведены научные конференции, посвященные древней истории самодийских и тюркских народов, проблемам этнографии, археологии русских и т. д., также оставившие заметный след в отечественной науке.

Хотелось бы отметить еще одну черту, свойственную Владимиру Ивановичу, – толерантность. Он относился к тому небольшому числу ученых, которые с полным пониманием воспринимают коллег, отстаивающих собственную точку зрения. От этого его отношение к человеку никак не становилось хуже. Говорю об этом совершенно осознанно, поскольку В. И. Матющенко выступал оппонентом на защите моей кандидатской диссертации. Наше видение проблем часто было уж если не диаметрально противоположным, то, скажем так, весьма различным. Это не мешало мне отстаивать свои позиции (даже будучи еще в «раннем» возрасте),

не боясь при этом рассориться с Владимиром Ивановичем. Он уважал мнение оппонента, а это может быть свойственно лишь по-настоящему масштабной личности.

Никто из нас не ожидал, что Владимир Иванович так неожиданно уйдет. В последние годы своей жизни он был, как всегда, творчески активен. Он ежегодно ездил в экспедиции, продолжал преподавать. Именно в это время выходит очень полезная для студентов и молодых ученых работа «Древняя история Сибири», в которой аккумулированы последние достижения отечественной науки [1999].

Именно в это время ученый реализует еще один очень серьезный проект. Речь идет о двухтомнике «300 лет истории сибирской археологии» [Матющенко, 2001а]. Это было весьма ответственное и смелое мероприятие, поскольку в нем дан анализ творчества не только давно ушедших в мир иной ученых, но и современников. Мне кажется, Владимир Иванович с этим делом справился блестяще. Конечно, каждый, кто читает эту книгу, увидит в ней места, с которыми трудно согласиться, или характеристики и оценки тех или иных событий, которые видятся совсем иначе, чем предлагает нам историограф. Однако, если вдуматься, подобное положение вещей будет присуще любому качественному историографическому исследованию, тем более когда речь идет, по существу, о событиях дня сегодняшнего или вчерашнего. Потому-то мы и не видим смельчаков, берущихся за решение подобной задачи. Речь здесь, разумеется, не идет о псевдонаучных сочинениях, которые отличаются элементарным хамством и патологической ненавистью к оппоненту. Справедливость тех или иных оценок Матющенко рассудит время, однако, думаю, ни один, даже самый критично настроенный читатель не сможет упрекнуть автора в неуважительном отношении к объекту своего исследования.

Последняя серия монографий Владимира Ивановича посвящена замечательному памятнику, исследованному ученым еще в шестидесятых годах, – могильнику у с. Еловка. Интереснейший материал этого памятника вообще-то был достаточно давно введен в научную литературу самим Матющенко. К нему неоднократно обращались (и будут обращаться!) все, кто занимается проблемами развитой и поздней бронзы

Западной Сибири. Однако проблема как раз и заключалась в неполноте этого исследования, что порой крайне затрудняет его понимание для человека, не знакомого с полевыми материалами, да и качество прорисовок найденных предметов оставляло желать лучшего. Прекрасно осознавая научную значимость памятника, Матющенко подготовил полное высококачественное издание всего комплекса. При его жизни свет увидели два прекрасных тома [Матющенко, 2001б, 2004].

Второй том «Еловки» я получил спустя несколько дней после неожиданной, скоропостижной смерти Владимира Ивановича. Сидя за письменным столом и читая теплую дарственную надпись автора, я подумал, что книга эта дошла до меня так же, как свет далекой звезды, который порой доходит до нас, землян. Звезда уже погасла, ее уже нет, а свет ее еще долго светит и светит людям.

Список литературы

Абрамова З. А., Матющенко В. И. Новые данные о Томской палеолитической стоянке // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. – Вып. 5. – С. 16–23.

Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973а. – Ч. 1: Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье. Верхнеобская неолитическая культура. – 184 с. – (Из истории Сибири; вып. 9).

Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973б. – Ч. 2: Самусьская культура. – (Из истории Сибири; вып. 10).

Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973в. – Ч. 3: Андроновская культура на Верхней Оби. – (Из истории Сибири; вып. 11).

Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1974. – Ч. 4: Еловско-ирменская культура. – (Из истории Сибири; вып. 12).

Матющенко В. И. Древняя история Сибири: учеб. пособие. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1999. – 232 с.

Матющенко В. И. 300 лет истории сибирской археологии. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2001а. – Т. 1. – 179 с.; Т. 2. – 173 с.

Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Ч. I. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2001б. – 62 с.

Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Ч. II. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. – 468 с.

Матющенко В. И., Полеводов А. В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. – Новосибирск: Наука, 1994. – 221 с.

Матющенко В. И., Татаурова Л. В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. – Новосибирск: Наука, 1997. – 197 с.

Профессора Томского университета: библиографический словарь. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – Т. 3: 1945–1980.

3.7. Академик Алексей Павлович Окладников (к 100-летию со дня рождения)*

Редколлегия альманаха «Вестник истории, литературы, искусства» обратилась ко мне с просьбой откликнуться на грядущий столетний юбилей моего учителя академика Алексея Павловича Окладникова. Откровенно говоря, это предложение было для меня несколько неожиданным, поскольку ныне здравствуют и активно работают несколько его учеников, попавших к нему значительно раньше, чем я, и работавших с ним в экспедициях и академических институтах Ленинграда и Новосибирска несравнимо более длительное время; здравствует и его дочь Елена Алексеевна – доктор наук, известный в нашей стране ученый. Кроме того, про Алексея Павловича написано немало очерков, статей и даже книг, в том числе и к его юбилеям, в которых полно и всесторонне проанализирован его вклад в науку [Ларичев, 1970; Деревянко, 1980; 1983; Васильевский, 1981; Конопацкий, 2001].

Однако я воспринял это предложение как большую честь, и не только потому, что для меня Алексей Павлович навсегда останется Учителем, но еще и потому, что мне интересно обратиться к жизни и делам этого выдающегося человека,

*Впервые опубликовано в альманахе «Вестник истории, литературы, искусства» (М.: Собрание, 2009. Т. VI. С. 548–560).

попытаться понять, что это была за личность, к которой до сих пор, уже спустя более двадцати лет после ухода от нас, научное сообщество не остается равнодушным. У Алексея Павловича есть почитатели, и они составляют доминирующее большинство. В то же время существуют и противники, которые и сегодня не скрывают своего негативного отношения к творчеству и личности ученого. Пожалуй, нет только равнодушных, и это тоже яркий показатель того, что Окладников был неординарным человеком. Конечно, мои размышления носят субъективный характер, и с высказанными оценками читатель, вероятно, не всегда согласится, однако таковы условия жанра, а свою точку зрения я никому навязывать, естественно, не собираюсь.

Родился Окладников 3 октября 1908 г. в глухой восточно-сибирской деревне Константиновщина Знаменской волости Иркутской губернии (ныне Жигаловский район Иркутской области) в семье сельского учителя. Несомненно, что это многое предопределило в формировании личности ученого. Во-первых, сибирская природа с ее суровостью и самобытностью, удивительной широтой и яркостью способствовала формированию у него того самого сибирского характера, который и сегодня могут почувствовать на себе и друзья, и недруги. Вместе с тем это и окружавшие его люди, сельские труженики – русские и буряты, менталитет которых столетиями формировался в условиях, приближенных к экстремальным, и где в чести были подлинные общечеловеческие ценности. Вторым фактором в формировании личности будущего ученого было, конечно, воспитание родителей и школы, а также удивительный мир сибирского фольклора, сказок и легенд русских первопроходцев и исконных сибирских аборигенов, обитателей этих мест. Особенно сильным было влияние отца – сельского интеллигента, безоговорочно принявшего новую власть и расстрелянного колчаковцами. Это последнее обстоятельство, очевидно, предопределило политическую ориентацию будущего ученого.

Однако, может быть, решающим в выборе жизненного пути стало то, что школой в селе Анга, в которой учился и которую закончил Окладников, руководил страстный краевед И. Т. Житов. По его инициативе в школе был создан краеведческий кружок, в котором занимался юный Алексей. Под руководством опытного наставника в кружке изучали быт сибирских сел, записывали русские и бурятские легенды, песни и сказания. Эту

любовь к фольклору и этнографии Окладников пронес через всю жизнь, она помогала ему в археологических и исторических реконструкциях. Ученым был выполнен ряд прекрасных этнографических исследований [Молодин, 2003]. Уместно напомнить, что его первая монография, вышедшая в свет в 1937 г., – этнографическая. Эта книга «Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.)» и сегодня востребована специалистами.

Любовь к истории своей страны, суровой, но удивительно прекрасной Сибири, проявилась у Окладникова очень рано, и не в каких-то мечтах и абстракциях, а во вполне конкретных делах – занятиях краеведением, этнографией, изучении древних культур. На всю жизнь неустанный поиск остался для ученого самым любимым делом. Эту поистине неуемную страсть я имел счастье наблюдать, работая с Алексеем Павловичем в экспедициях. Думаю, что именно в этой страсти во многом кроется причина его феноменальных научных успехов и выдающихся открытий.

Второй важный этап жизни Алексея связан с Иркутском. Ехал он в этот крупный сибирский город совершенно осознанно, взяв с собой собранные в окрестностях родной деревни археологические материалы. Очевидно, у молодого человека сформировалась совершенно четкая жизненная позиция – он хотел стать археологом. Огромной удачей для Алексея явилось то, что в Иркутске он попал в кружок профессора Б. Э. Петри – замечательного ученого и поистине удивительного педагога, работавшего в то время в Иркутском государственном университете [Сирина, 2002]. Наряду с Окладниковым, из школы Петри вышли такие известные ученые-антропологи, как Г. Ф. Дебец и М. М. Герасимов. С именем последнего связано не только открытие и изучение выдающегося палеолитического памятника Мальта, но и создание, по существу, нового направления в антропологии – реконструкции человеческого лица по черепу.

Работа в кружке Петри сделала из юного любителя Окладникова настоящего профессионала. Еще будучи студентом педтехникума, он стал заведующим этнографическим отделом Иркутского краеведческого музея и Восточно-Сибирского отделения Географического общества.

В 1926 г. Окладников опубликовал свою первую научную статью. В целом за иркутский период им было написано

более десятка работ: статьи по археологии, этнографии, краеведению и педагогике [Алексей…, 1981, с. 58–59].

В середине тридцатых годов в жизни Окладникова наступает новый этап, связанный с учебой и работой в Ленинграде, в Государственной академии истории материальной культуры (позже в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР), который продлился без малого 30 лет. Научным руководителем Окладникова стал выдающийся ученый, профессор П. П. Ефименко – специалист по древнекаменному веку. Не случайно, что именно эта сложнейшая и, несомненно, особая в археологии проблематика стала одной из любимых тем в творчестве Алексея Павловича. В Ленинграде Окладников защитил кандидатскую диссертацию «Неолитические могильники в долине р. Ангары», стал старшим научным сотрудником одного из центральных научно-исследовательских институтов страны.

В эти же годы им была проделана огромная полевая работа; к родной Сибири добавились Дальний Восток и Узбекистан. Были собраны значительные по масштабам материалы, которые еще предстоит осмыслить, интерпретировать и опубликовать. В эти годы Окладников сделал выдающиеся открытия мирового класса. К их числу относится находка захоронения неандертальца в пещере Тешик-Таш в Узбекистане [1939], удостоенная после монографической публикации [1949] Сталинской премии. Большую научную значимость имела и открытая им палеолитическая стоянка Буреть в Прибайкалье, подарившая миру женские статуэтки из бивня мамонта – замечательные образцы мелкой пластики, великолепные произведения искусства древнекаменного века [1940б].

В тридцатые годы ученым были начаты серьезные аналитические работы. Прежде всего, это фундаментальное исследование, посвященное пластике эпохи неолита Сибири – каменным рыбам [1936], и небольшая, но чрезвычайно важная работа о происхождении и истории лука [1940а].

Можно предположить, что многомесячная работа в поле спасла Алексея Павловича от волны репрессий конца 30-х гг., которая особенно коснулась интеллигенции Ленинграда. Он еще не был, что называется, на виду, общественной и партийной работе предпочитал работу в экспедициях и библиотеках. Имея «безупречное пролетарское происхожде-

ние», выходец из глухой сибирской провинции, очевидно, не привлекал к себе внимания.

Конечно, чудовищная атмосфера пятидесятых годов не могла не наложить отпечатка на любого жителя страны, в том числе и на членов научного сообщества, но следует сказать, что Окладников в эти нелегкие годы вел себя очень достойно. Его отличали высоконравственные и смелые поступки и в пятидесятые, и позднее, уже в Академгородке, свидетелем которых был и автор этих строк.

В 2004 г. вышли в свет мемуары выдающегося отечественного ученого, крупного специалиста в области средневекового русского искусства Г. К. Вагнера, судьба которого была по-настоящему трагичной. Читая эту книгу, я столкнулся со страницами, немало взволновавшими меня. Посвящены они были Окладникову. Суть истории сводилась к следующему: после жутких магаданских лагерей Вагнер был сослан на поселение в Приангарье, где условия его жизни были не намного лучше, чем на Колыме…

Вот как он сам оценивает роль, которую сыграл в его судьбе Алексей Павлович: «…Страх оказаться в Москве в униженном положении безработного гнал меня к Окладникову. В нем я видел свое спасение… Приехавший (в Иркутск в экспедицию. – **В. М.**) вскоре Алексей Павлович действительно отнесся ко мне очень участливо. Высокий, подвижный, очень живой и простой в общении, Окладников произвел на меня сильное впечатление. Он сделал меня своим секретарем. Мои тасеевские находки были тут же определены им как следы раннего железного века в Нижнем Приангарье… Начинался новый период в моей жизни… Путешествие с А. П. Окладниковым на моторной лодке от Иркутска до Братска было лучшими днями моей жизни и работы в ангарской экспедиции. Я чувствовал себя обновленным, способным к интересной деятельности, открывающей дорогу в будущее… Алексей Павлович был влюблен в Ангару и Приангарье. Высадившись в каком-нибудь археологически приметном месте, он легко ходил в поисках признаков пребывания древнего человека и обязательно находил их. В своих тяжелых сапогах я едва поспевал за ним. При этом он никогда не терял хорошего настроения. Каких только историй он нам не рассказывал! Между прочим, Окладников был мой ровесник, но я чувствовал себя перед ним каким-то незнайкой. Его интересовало все –

от ничтожного черепка до наскальных рельефов… Окладникову я обязан тем, что он обратил мое внимание на деревянную архитектуру приангарских сел.

…Алексею Павловичу надлежало ехать на Лену. Перед отъездом он сказал мне то, о чем я мечтал: по возвращении в Москву он поможет мне устроиться в Институт археологии Академии наук СССР…» [Вагнер, 2004, с. 207–209].

Так спасен был для науки замечательный в будущем ученый. Алексей Павлович, кстати, уже испытавший на себе немилость бюрократов от науки, сместивших его с поста заведующего Ленинградским отделением Института археологии АН СССР, действительно помог Вагнеру с трудоустройством в Москве. Уже в 1968 г. Георгий Карлович представил к защите кандидатскую диссертацию, за которую по решению Ученого совета института, ввиду ее особой значимости, ему была присуждена степень доктора искусствоведения. Впоследствии его работы были удостоены Государственной премии и Золотой медали Академии художеств СССР [Маханько, 2003]. Данный эпизод, думаю, не нуждается в комментариях. Добавлю лишь, что подобная линия поведения была вообще присуща Окладникову. В этой же ангарской экспедиции у него работал бывший заключенный Лев Гумилев, ставший впоследствии известным ученым.

Уже в Академгородке, создавая первый гуманитарный академический институт на востоке страны, Окладников берет в штат бывшего ссыльного – Николая Николаевича Покровского, разглядев в нем талантливейшего археографа, будущего академика и лидера отечественной археографии.

Я мог бы продолжить число подобных примеров, связанных с Алексеем Павловичем, однако думаю, что и сказанное выше ярко характеризует его как Человека с большой буквы, который реальным делом не раз демонстрировал свою высокую нравственность.

На фронте в Великую Отечественную Окладников не был. При всей жестокости режима Сталин о своих научных кадрах заботился и от фронта их берег, создавая даже в сложнейшие для страны моменты условия для творческой работы в тылу.

Пишу для тех, кто не знает: у Алексея Павловича был диабет, причем в инсулинозависимой форме. Он не мог жить без уколов. Какое же мужество и силу воли нужно было иметь, чтобы

справляться с недугом в сложнейших экспедициях за полярным кругом, в тайге или пустыне в те времена, когда о разовых шприцах можно было только мечтать.

Во время войны Алексей Павлович жил в эвакуации в Якутске. Он руководил Ленской историко-археологической экспедицией, впервые открыв и исследовав десятки археологических памятников и, по существу, воссоздав древнюю историю Якутии от эпохи палеолита до присоединения к Русскому государству. Я думаю, что в тех условиях это было настоящим научным подвигом. Конечно, некоторые идеи ученого впоследствии не подтвердились, но многие живут и сегодня.

Кстати сказать, в 1945 г. Алексей Павлович был награжден своим первым орденом «Знак Почета», в 1946 г. был удостоен медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а в 1947 г. он получает второй орден «Знак Почета» за развитие науки в Якутии. Так был оценен труд Окладникова в военные годы. Могу с полной ответственностью заявить, что немного в нашей стране найдется археологов, чей мирный труд в условиях военного времени был отмечен столь высоко.

Послевоенный ленинградский период 50-х гг. прошел для Алексея Павловича все так же в его любимых экспедициях. Круг его полевых исследований фантастически велик, равно как и спектр научных интересов. Аналогов из отечественной и зарубежной археологии я привести не могу. Чтобы не быть голословным, ограничусь простым перечислением. Окладников руководил крупными Ангарской, а затем Братской экспедициями, работавшими в зоне затопления Братской ГЭС, Дальневосточной экспедицией, а также отрядами, проводившими исследования в Монголии, Туркмении, Таджикистане, Киргизии и Узбекистане, на побережье Северного Ледовитого океана, на острове Фаддея.

При этой невероятной нагрузке, когда полгода приходилось работать в экстремальных условиях, Окладников пишет блестящие работы. Коснусь лишь некоторых из них. В 1948 г. вышла его монография, посвященная изучению стоянки русских полярных мореходов на острове Фаддея. Это был не только итог сложнейшей экспедиции, но и достойный памятник русским землепроходцам – покорителям Сибири. Результатом этих работ явилось комплексное исследование «Исторический памятник

русского арктического мореплавания XVII века: археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса» [1951], в котором многочисленные находки были профессионально изучены первоклассными специалистами. В 1950 г. был издан фундаментальный труд «Неолит и бронзовый век Прибайкалья» (части 1, 2), в 1955 г. опубликована третья часть. До настоящего времени это сочинение остается в полной мере классическим. С моей точки зрения, книга является образцом аналитического подхода, в ней ученый не только интерпретирует культурно-хронологические процессы, но и, привлекая данные этнографии, блестяще реконструирует историко-культурные явления. В 1956 г. вышла в свет его монография «Пещера Джебел…», посвященная изучению многослойного пещерного комплекса в Южной Туркмении. Этот мастерски исследованный и интерпретированный Окладниковым памятник и сейчас является эталонным для изучения каменного века Средней Азии. Наконец, в 1959 г. выходят в свет две монографии, посвященные замечательному памятнику наскального искусства – Шишкинским писаницам [Окладников, 1959; Окладников, Запорожская, 1959]. Именно с этих двух книг начинается целенаправленная разработка Окладниковым данной тематики, ставшей в конечном итоге новым научным направлением в его творчестве.

В этот период выходят еще несколько книг и десятки статей (в том числе и за рубежом); среди них можно выделить такие, которые по своей значимости не уступают монографиям. Львиная доля этих работ и сегодня востребована научным сообществом. Как все это удавалось делать одному человеку? Разумеется, дело не только в уникальном таланте Алексея Павловича. Выскажу, наверно, банальную, но справедливую истину: талант был умножен на колоссальную работоспособность.

Недавно в научно-популярном журнале «Наука из первых рук» была опубликована статья О. В. Яншиной об Алексее Павловиче [2006]. В этой статье помещено несколько чудесных акварелей. Художник явно незауряден. Произведения имеют собственный колорит, их, что называется, не спутаешь. Автор этих работ – жена Алексея Павловича Вера Дмитриевна Запорожская.

Вера Дмитриевна прожила вместе с Алексеем Павловичем

долгую и счастливую жизнь. В молодости она была с ним в многочисленных экспедициях, причем в местах весьма суровых. Ее талант профессионального художника был целиком отдан археологии. Практически все зарисовки находок, обнаруженных при раскопках и затем опубликованных в статьях и книгах Окладникова, были выполнены ею. А блестящие реконструкции неолитических костюмов! Конечно, это уже их совместное творчество. Я был знаком с Верой Дмитриевной в семидесятые годы по Академгородку. И в это время она брала на себя подготовку иллюстраций и таблиц к его книгам, работу с художниками и редакторами. Поэтому не случайно, что Запорожская является полноправным соавтором ряда книг Окладникова, посвященных наскальным изображениям. Прежде всего, укажу на чрезвычайно интересную двухтомную монографию «Петроглифы Забайкалья» [Окладников, Запорожская, 1969; 1970].

Новым этапом в жизни Алексея Павловича стал переезд в Новосибирский Академгородок. Произошло это событие в 1961 г., всего через четыре года после создания Сибирского отделения АН СССР. Основатель Сибирского отделения академик М. А. Лаврентьев приглашал из Москвы, Ленинграда и других городов Союза в создаваемый в лесу на берегу Обского моря научный центр крупных ученых, способных возглавить магистральные направления в науке, создать научные школы, активно исследовать Сибирь и ее богатства.

Выбор Лаврентьева был не случаен. Окладников к этому времени стал известным ученым, доктором исторических наук, лауреатом Сталинской премии, заслуженным деятелем науки РСФСР и Якутской АССР; он имел серьезный опыт руководства академическими структурами (включая институт), а также крупными экспедициями, в том числе и международной Советско-Монгольской археологической экспедицией. К тому же Алексей Павлович был коренным сибиряком, и его не пугали ни отсутствие инфраструктуры, ни неустроенность быта.

Так впервые за Уралом была создана академическая гуманитарная ячейка сначала в виде отдела, а затем, с 1966 г. – комплексного Института истории, филологии и философии СО АН СССР, бессменным руководителем которого Окладников оставался до 1981 г., когда жизнь ученого оборвалась…

[Институт…, 2006, с. 8–10].

В создаваемом Академгородке все нужно было начинать с нуля, по крупицам собирались научные кадры. Алексей Павлович включился в активную подготовку молодежи, собирая таланты по Сибири и Дальнему Востоку, не забывая и Ленинград. Он становится профессором Новосибирского государственного университета и заведующим кафедрой всеобщей истории. Именно в это время ученым было задумано чрезвычайно масштабное и исключительно трудное дело – написание пятитомной «Истории Сибири». Уже в 1961 г. увидел свет проект проспекта будущей работы [История Сибири и Дальнего Востока..., 1961], а в 1968 г. вышел первый том этого труда [История Сибири с древнейших времен…, 1968]. Еще через пять лет (в 1973 г.) Окладникову была присуждена Государственная премия СССР в области науки и техники за пятитомный научный труд «История Сибири».

Сегодня совершенно очевидно, что создание академического института в Сибири способствовало развитию гуманитарной науки в регионе в целом. В каждом областном центре огромного края появилась ячейка, в которой трудятся археологи. В этом, несомненно, заслуга Алексея Павловича: во вновь созданных структурах активно работают его ученики и ученики его учеников.

У Окладникова было удивительное чутье на таланты. Им подготовлены десятки первоклассных профессионалов – докторов и кандидатов наук, в том числе два академика и член-корреспондент АН СССР. Назову только двух человек из этой замечательной плеяды ныне здравствующих и активно работающих.

Зоя Александровна Абрамова – доктор наук, профессор, ученица Окладникова еще по Ленинграду. Там же продолжает и сегодня активно трудиться. Блестящий ученый. Ее книги и статьи по первобытному искусству Евразии стали, несомненно, классикой этого жанра.

Анатолий Пантелеевич Деревянко – академик, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук Российской академии наук, директор Института археологии и этнографии СО РАН. Выдающийся отечественный ученый. Безусловно, самый талантливый и, рискну предположить, самый любимый ученик Окладникова.

В Сибирском отделении Окладников занимался не только

организационной деятельностью, но и, прежде всего, экспедиционной работой: Сибирь, Монголия, Дальний Восток, Средняя Азия. Страсть к экспедициям была настолько всепоглощающей, что порой Алексей Павлович не мог усидеть дома даже зимой. В двух таких вылазках мне посчастливилось участвовать.

В 1975 г. Окладниковым было получено сообщение о том, что на реке Уде в Тофаларии в пещере обнаружено крашенное изображение оленя. К тому же в этом районе сотрудником института Анатолием Мазиным были найдены наскальные рисунки, подобраться к которым можно было только по льду. На дворе февраль, но что может остановить Окладникова?! Добираемся до пещер – где на уазиках, где пешком. Живем в зимовье. Температура под минус тридцать. Один раз чуть не провалились вместе с уазиком в полынью. Наконец мы в пещере. Вместо палеолитического оленя, к которому так стремился Алексей Павлович, – свежий скальный обвал… Неудача. Но ведь есть же еще петроглифы на Ярминском пороге! И вот, не щадя ни машин, ни нас, ни себя, Окладников пробивается к чудесным скалам. Петроглифы удивительны, но тут Алексей Павлович преподает всем нам блестящий урок. Как будто все уже сделано. Скала еще раз сфотографирована. Чего же он ждет?! И вдруг на закате отчетливо проявились новые изображения на соседней скале, которых никто не видел! Оказывается, Алексей Павлович ждал косого освещения, при котором можно было увидеть это замечательное панно! Вот так делаются настоящие открытия! А поздним вечером, при свете коптилки в зимовье, он написал блестящую популярную статью [Окладников, 1975б], тут же отдал нам ее почитать и внести необходимые с нашей точки зрения дополнения и исправления…

В 1976 г. директор Бийского государственного музея Б. Х. Кадиков сообщил Окладникову, что ему стало известно о находке местными жителями села Турочак в Горном Алтае крашенного изображения огромного лося. Начало марта, но разве можно дожидаться лета?! И вот мы по пояс в снегу пробиваемся к заветной скале… Лось действительно потрясающ, но рядом новые плоскости, на которые обращает внимание Алексей Павлович. А там… целые панно ярко-красных красавцев-лосей! [Окладников, Молодин, 1978].

В экспедиции его отличал неутомимый каждодневный поиск.

Свободного времени не было ни у него, ни у сотрудников отряда. Подъем с первыми лучами солнца, и – кто на раскоп, кто в разведку, и так до самого вечера. Алексей Павлович был наделен удивительным чутьем открывателя. Об этом его качестве в Академгородке даже ходили легенды. Я сам был свидетелем десятков случаев, когда Окладников как будто случайно совершал блестящие открытия. Он как будто заранее знал, где нужно искать, моментально ориентировался даже в незнакомой ему местности. Один такой случай просто потряс меня. Весной 1975 г. Окладников был на совещании в Омске, домой решил возвращаться на машине, чтобы посмотреть археологические памятники Барабы. Я приехал за ним в Омск, и мы совершили удивительное путешествие по непролазному во время дождей Московскому тракту. Я показывал Алексею Павловичу многочисленные курганные могильники, поселения и городища, найденные мной и до меня. Обедаем на речке Кама, окрестности которой я исходил, что называется, вдоль и поперек. Вдруг Окладников, как бы ни с того ни с сего, говорит: «Пока еда готовится, не посмотреть ли Вам, Слава, вон ту рощицу?». Иду в рощицу, а там… великолепное поселение с наземными жилищами! А ведь десятки раз проходил мимо этой рощицы – мимо прекрасного археологического объекта.

Кроме опыта и знаний тут нужен особый талант первопроходца. За двадцать лет, прожитых в Академгородке, Алексей Павлович совершил десятки первоклассных открытий, вошедших в золотой фонд мировой археологии. Им был осуществлен, по сути, грандиозный проект по изучению наскальных изображений Сибири и Дальнего Востока, было подготовлено и издано более десятка книг-альбомов, посвященных петроглифам Амура, Лены, Прибайкалья и Ангары, Забайкалья и Томи, Восточной Сибири, Горного Алтая и Монголии. В этом ряду замечательны его монографии «Утро искусства» [1967] и «Центральноазиатский очаг первобытного искусства... » [1972] – исследования, посвященные истокам художественного творчества. Эти работы до сих пор актуальны, они и сегодня не оставляют равнодушными специалистов.

Очень трудно выделить из десятков книг и сотен статей, вышедших за эти двадцать лет, наиболее важные труды ученого. Мое мнение, несомненно, субъективно, но все-таки рискну назвать с моей точки зрения наиболее значимые. В 1964 г.

вышла его научно-популярная книга «Олень Золотые Рога….», ставшая бестселлером и выдержавшая несколько переизданий за рубежом и на языках народов СССР. В 1974 и 1975 гг. увидела свет серия из трех книг, посвященных неолитическим памятникам Ангары [Окладников, 1974; 1975а; 1976]. В них вошли материалы, полученные в результате многолетних работ ученого в Средней Сибири.

В 1977 г. совместно с историком З. В. Гоголевым и архитектором Е. А. Ащепковым было реализовано блестящее мультидисциплинарное исследование древнего русского города Зашиверска [Окладников, Гоголев, Ащепков, 1977]. По инициативе Алексея Павловича в глухой восточносибирской тундре были проведены раскопки, а затем его учеником А. П. Деревянко с группой сотрудников института осуществлены разборка Спасо-Зашиверской церкви и перевозка ее в Академгородок. Сегодня этот храм, воссозданный в Музее под открытым небом (кстати сказать, основанном по инициативе Окладникова), является одним из символов Академгородка, а монография о городе Зашиверске давно уже стала библиографической редкостью.

Очень многое за эти двадцать лет удалось сделать Окладникову для организации и развития археологии в Сибири. Авторитет его в научной среде был столь высок, что любая его просьба к ректорам ВУЗов или к руководству города и области неизменно встречала понимание и поддержку. Просил он за своих учеников и коллег, и эти просьбы чаще всего были связаны с организацией науки. В таких городах, как, например, Кемерово или Чита, археологические лаборатории были созданы по его инициативе. В университетах Томска, Иркутска, Владивостока Окладников помогал в организации конференций, оказывал поддержку в публикации книг и статей. Для всего региона он готовил научные кадры в аспирантуре института и Новосибирского государственного университета.

Особо следует сказать об исследованиях Окладникова в Монголии. Его вклад в изучение археологии этой удивительной страны был отмечен орденом Трудового Красного Знамени Монгольской академии наук. В 1949 г. Алексей Павлович впервые попал в центральноазиатскую страну в качестве руководителя экспедиционного отряда по изучению каменного века, входящего в состав Советско-монгольской экспедиции, руководимой чле-

ном-корреспондентом АН СССР С. В. Киселевым. Разведочные маршруты, охватившие долины рек Орхона, Толы, Керулена, Халхин-Гола, а также пустыню Гоби, дали блестящие результаты. По существу, впервые был открыт палеолит этого региона, что положило начало изучению древнекаменного века Центральной Азии.

В 1960 г. Советско-монгольская экспедиция возобновила свои исследования уже под руководством Алексея Павловича. Работы этой экспедиции продолжаются до настоящего времени, а в 60–70-е гг. XX в. Алексей Павлович совершил в Монголии блестящие открытия памятников палеолитической эпохи, среди которых древнейшие стоянки с галечным орудийным набором, напоминающим аналогичные изделия из Африки и Западной Европы. На основании этих открытий была разработана первая схема развития культур древнекаменного века в регионе. Кроме проблем каменного века, экспедиция занималась поиском и изучением наскальных изображений. И это принесло немало удивительных открытий, в числе которых пещера с палеолитическими изображениями Хойт-Цэнкер-Агуй и многочисленные комплексы писаниц и петроглифов.

Алексей Павлович уделял много внимания международным связям института, что в те годы было делом достаточно непростым. Тем не менее именно тогда благодаря его усилиям удалось установить продуктивные контакты с коллегами из Венгрии, Кубы, Польши, Италии, Японии и США.

В 1974 г. по приглашению Национальной академии наук США и Коннектикутского университета Окладников с группой своих учеников провел совместные исследования на Алеутских островах. Кстати, в истории советской археологии это была первая экспедиция такого рода. В 1975 г. американские ученые работали вместе с Окладниковым и сибирскими археологами в Западной Сибири и на Байкале. По результатам этих работ было опубликовано немало статей и книг [Окладников, Васильевский, 1976]. Можно только удивляться, как удалось Окладникову организовать такие работы в условиях «холодной войны». Но именно тогда отечественные археологи познакомились и совместно работали с такими блестящими американскими учеными, как В. Лафлин, Д. Хопкинс, Д. Кларк, Р. Пауэрс. Вот что по этому поводу написал в журнале «Science» Лафлин:

«Советская делегация отбыла рано утром, оставив в Америке много друзей и восторженных коллег. Многочисленны собранные образцы и данные, заметки, фотографии и фильмы, и они подтверждают насыщенное и продуктивное лето исследований. Это было удачное и удивительное время – приятное, несмотря на тяжелую работу и непогоду. Все члены этой исследовательской экспедиции с удовольствием работали друг с другом и будут рады работать вместе и в будущем» [Там же, с. 168].

В Академгородке к Алексею Павловичу пришло признание его выдающихся заслуг как ученого и организатора науки. В 1964 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1968 г. – действительным членом Академии наук. В 1973 г. Окладников избирается членом-корреспондентом Британской академии, в 1974 г. – иностранным членом Академии наук Монголии, а в 1976 г. – почетным членом Венгерской академии наук.

Государство по достоинству оценило масштабность деятельности Окладникова. В 1978 г. ему была присуждена высшая награда Родины – звание Героя Социалистического Труда. Трижды Окладников был награжден орденом Ленина и трижды орденом «Знак Почета», награждался и иностранными орденами. Сегодня все мы сохраняем светлую память об Алексее Павловиче Окладникове – удивительном человеке и блестящем ученом, достойном потомке первых русских землепроходцев – покорителей Сибири. Грандиозность сделанного Алексеем Павловичем в науке не может не удивлять и не восхищать. Его научное наследие – это наше богатство, которое служило, служит и будет служить его любимой науке – археологии.

Список литературы

Алексей Павлович Окладников. – М.: Наука, 1981. – 185 с. – (Мат-лы к биобиблиографии ученых СССР. Сер.: История; вып. 13).

Вагнер Г. К. Из глубины взываю… (De profundis). – М.: Искусство, 2004. – 272 с.

Васильевский Р. С. Краткий очерк научной, педагогической и научно-организационной деятельности // Алексей Павлович Окладников. – М.: Наука, 1981. – С. 9–34. – (Мат-лы к биобиблиографии ученых СССР. Сер.: История; вып. 13).

Деревянко А. П. В поисках Оленя Золотые Рога (Об археологических экспедициях и открытиях А. П. Окладникова). – М.: Советская

Россия, 1980. – 413 с.

Деревянко А. П. Алексей Павлович Окладников // Первопроходцы. Жизнь замечательных людей. – М.: Молодая Гвардия, 1983. – Вып. 13 (638). – С. 294–351.

Институт археологии и этнографии. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2006. – 186 с.

Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века: археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л.; М.: Главсевморпуть, 1951. – 212 с.

История Сибири и Дальнего Востока: в 5 т. Проект проспекта. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961. – 165 с.

История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. – Л.: Наука, 1968. – Т. 1: Древняя Сибирь. – 454 с.

Конопацкий А. К. Прошлого великий следопыт (академик А. П. Окладников: страницы биографии). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 492 с.

Ларичев В. Е. Сорок лет среди сибирских древностей: мат-лы к биографии академика А. П. Окладникова. Аннотированная библиография. – Новосибирск: Наука, 1970. – 239 с.

Маханько М. А. Вагнер Г. К. // Православная энциклопедия. – М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2003. – Т. VI. – С. 490–491.

Молодин В. И. Освоение русскими Сибири в трудах академика А. П. Окладникова // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 338–342.

Окладников А. П. Неолитические стоянки на Верхней Лене // Краеведение в Иркутской губернии: зап. студенческого научного кружка краеведов при Иркут. гос. ун-те. – Иркутск, 1926. – № 3. – С. 29–38.

Окладников А. П. Каменные рыбы: к изучению памятников неолитического искусства Восточной Сибири // СА. – 1936. – № 1. – С. 215–245.

Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). – Л.: Соцэкгиз, 1937. – 427 с.

Окладников А. П. Находка неандертальца в Узбекистане // Вестн. древней истории. – 1939. – № 1. – С. 256–257.

Окладников А. П. К вопросу о происхождении и месте лука в истории культуры // КСИИМК. – 1940а. – Вып. 5. – С. 17–22.

Окладников А. П. Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья: к исследованиям в Бурети 1936–1939 гг. // КСИИМК. – 1940б. – Вып. 5. – С. 59–62.

Окладников А. П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. – М.: Главсевморпуть, 1948. – 158 с.

Окладников А. П. Исследование мустьерской стоянки и погребе-

ния неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия) // Тешик-Таш: Палеолитический человек. – М.: Мос. гос. ун-т, 1949. – С. 7–85.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: историко-археологическое исследование. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1, 2. – 412 с. – (МИА; № 18).

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3: Глазковское время. – 374 с. – (МИА; № 43).

Окладников А. П. Пещера Джебел – памятник древней культуры Прикаспийских племен Туркмении. – Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1956. – (Тр. Южно-Туркменской археологической экспедиции; т. 7). – С. 11–219.

Окладников А. П. Шишкинские писаницы: Памятник древней культуры Прибайкалья. – Иркутск: Кн. изд-во, 1959. – 210 с.

Окладников А. П. Олень Золотые Рога: рассказы об охоте за наскальными рисунками. – Л.; М.: Искусство, 1964. – 239 с.

Окладников А. П. Утро искусства. – Л.: Искусство, 1967. – 135 с.

Окладников А. П. Центральноазиатский очаг первобытного искусства: Пещерные росписи Хойт-Цэнкер-Агуй (Сэнгри-Агуй, Западная Монголия). – Новосибирск: Наука, 1972. – 76 с.

Окладников А. П. Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети). – Новосибирск: Наука, 1974. – 319 с.

Окладников А. П. Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). – Новосибирск: Наука, 1975а. – 319 с.

Окладников А. П. По следу бегущего оленя (О зимней археологической экспедиции на реке Уде) // Советская культура. – 1975б. – 8 апр.

Окладников А. П. Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серово до Братска). – Новосибирск: Наука, 1976. – 328 с.

Окладников А. П., Васильевский Р. С. По Аляске и Алеутским островам. – Новосибирск: Наука, 1976. – 168 с.

Окладников А. П., Гоголев З. В., Ащепков Е. А. Древний Зашиверск: Древнерусский заполярный город. – М.: Наука, 1977. – 211 с.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы: Наскальные рисунки у деревни Шишкино. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 145 с.

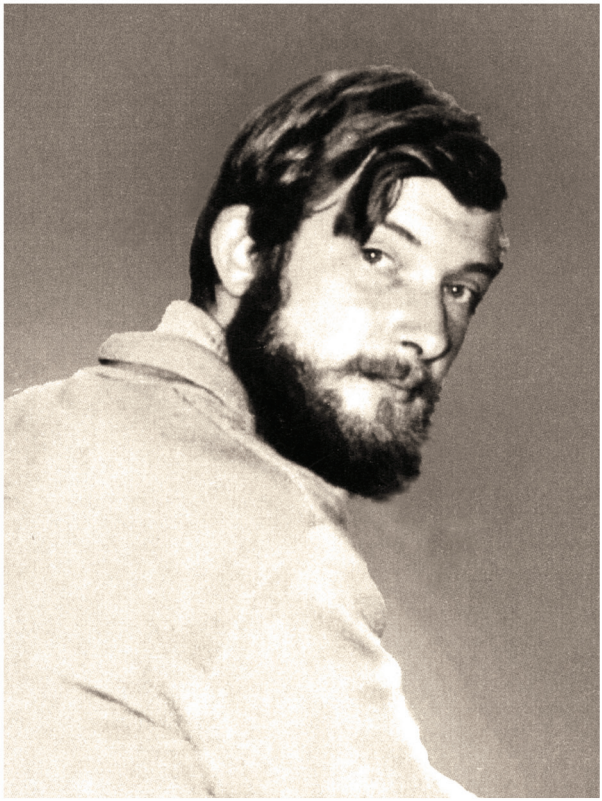
Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1969. – Ч. 1. – 219 с.; 1970. – Ч. 2. – 263 с.

Окладников А. П., Молодин В. И. Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бия) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 11–21.

Сирина А. А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б. Э. Петри // Репрессированные этнографы. – М.: Наука, 2002. – С. 57–80.

Яншина О. В. Хранить вечно. Первая публикация из личного архива академика А. П. Окладникова // Наука из первых рук. –

2006. – № 5 (11). – С. 42–47.



3.8. Женя*

В числе российских (советских) археологов личность Евгения Алексеевича Сидорова представляется мне столь яркой и талантливой, сколь и трагичной. Этот человек обладал удивительно доброй и отзывчивой душой, отсутствием, что называется, «второго дна», что так притягивает окружающих. Его искренность подкупала. Он был из тех, кто, не задумываясь, мог отдать нуждающемуся последнее. Так он поступил и в роковой для себя момент, когда отдал свой спасательный жилет напарнику, будучи, мягко говоря, не очень хорошим пловцом. Так их и нашли потом, студента – в двух спасательных жилетах и Женю…

Прошло уже двадцать два года с момента гибели Евгения, но его образ навсегда в сердце, а боль утраты по-прежнему остра.

В студенчестве у меня было несколько друзей-коллег, с которыми объединяли не только родство душ, но и зарождающийся профессионализм, любовь к науке, истории и археологии. Четверых из них я уже потерял.

Первым погиб Женька, отправившийся в нелепое путешествие на собственном паруснике, который по своим судо-

*Впервые опубликовано в сборнике «Путь в археологию (памяти Е. А. Сидорова)» (Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2008. С. 9–12).

ходным качествам был обречен на оверкиль даже при совсем небольшой волне. И в этом поступке тоже был весь Сидоров, которого всегда привлекала романтика, я бы сказал, экстремальная романтика.

Вторым ушел Сережа Тихонов. Ушел, пожалуй, не менее нелепо, чем Женька. Цветущего взрослого мужчину буквально в два дня сломала «детская болезнь» – скарлатина…

Третьим был Витя Соболев, которого подкосила неизлечимая болезнь. Он работал и мужественно боролся буквально до самого конца. Но рак оказался сильнее.

Совсем недавно мы потеряли Иосифа Измайлова. Инсульт.

Все эти ребята ушли от нас совсем еще молодыми, в расцвете творческих, да и физических сил. И самым первым был Женя…

Познакомились и подружились мы в студенческом археологическом кружке, организованном и руководимом Татьяной Николаевной Троицкой. Женя учился на два курса младше меня, поэтому, наверное, у нас сразу сложились отношения некой возрастной иерархии, и, хотя разница в возрасте была небольшая, Женька всегда относился ко мне как к старшему другу и коллеге. Мы не раз бывали вместе в экспедициях – и на стационарных раскопках, и в разведке. На старших курсах у меня был Открытый лист, и Татьяна Николаевна доверяла уже некоторые самостоятельные работы – раскопки не очень сложных объектов и разведки. Женя, если был в это время свободен, всегда с удовольствием ездил со мной, тем самым очень существенно помогая и на раскопе, при организации работ, и при устройстве быта. Сейчас, с течением прожитых лет, отчетливо понимаю, что именно Сидоров вносил в нашу отрядную жизнь необходимый душевный, человеческий баланс, смягчая и советом, и поступками свойственную мне, особенно по молодости, жесткость и категоричность. На него невозможно было сердиться или обижаться. Даже на его «лихие» поступки, к которым его почему-то всегда тянуло. Наверное, это объяснялось тем, что был Женька по жизни романтиком, и я, со своим прагматизмом, его далеко не всегда понимал и пытался останавливать и воспитывать.

Навсегда остались в памяти и раскопки курганного могильника Преображенка-3, разновременных поселений и некрополей в районе села Кротово, и уже вполне «взрослые»

работы на поселении Усть-Алеус-7 и городище Каргат-6. Во всех этих исследованиях принимал участие Женя. Особенно почему-то запомнились совместные разведки по Новосибирской области, в Приобье и Кулундинской степи. Наверное, потому, что общение наше в этих условиях было особенно близким, о многом было переговорено: и о науке, и о жизни. Женя был очень умен и прекрасно начитан, поэтому с ним было еще и интересно.

После моего поступления в аспирантуру, а затем и ухода в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР к Алексею Павловичу Окладникову судьба несколько развела нас, хотя общались и контактировали мы по-прежнему.

Окончив институт, Евгений стал работать во Дворце пионеров, ведя там археологический кружок. Именно здесь ярко проявилось еще одно замечательное качество Сидорова – талант педагога. Детей ведь не обманешь. Они сердцем чувствуют, как человек к ним относится. Так вот, Женю не просто уважали, его любили! Скольким ребятишкам, порой и «трудным», дал он путевку в жизнь. Ну, а Андрей Новиков – один из его самых любимых учеников (кстати, во многом похожий на Евгения) – стал очень хорошим профессионалом-археологом, так же, впрочем, как и Сергей Росляков, который сравнительно недавно защитил кандидатскую диссертацию и руководит детским археологическим кружком.

В эти годы Сидоров проводит самостоятельные раскопки и разведки. Я бы особенно отметил его многолетние исследования многослойного поселения эпохи поздней бронзы Милованово-3 на Обском море. Именно на этих материалах им была предпринята попытка стратифицировать интереснейшие комплексы, разработав их внутреннюю хронологию. К сожалению, по понятной причине многое Женя не успел сделать, и очень важно, что Ольга Новикова довела эти материалы «до ума», подготовив и опубликовав их, в том числе и в соавторстве с Женей.

Однако особенно ярко открылся талант Сидорова как аналитика, когда он перешел на основную работу в пединститут. В археологии его все больше привлекали возможности реконструкций историко-культурных процессов. Здесь ему, несомненно, помогла стажировка в экспедиции С. А. Семенова, в которой Женя научился не только изготавливать камен-

ные и костяные орудия, которые просто невозможно было отличить от оригинальных, но и мастерски использовать их в работе. К нему уже тогда пришло понимание важности привлечения методов естественных наук к реконструкции археологических источников. Многое в этом направлении удалось сделать. Достаточно сказать, что наличие земледелия у носителей ирменской культуры эпохи поздней бронзы первым открыл Евгений Алексеевич, обнаруживший зерна злаков в керамических примесях древней посуды.

По существу, вклад Сидорова в науку определяется тем, что и сегодня научное сообщество активно использует его разработки. Женины статьи и сегодня востребованы профессионалами. Чего стоит, к примеру, его подготовленная еще в студенческие годы статья, посвященная анализу костяных заготовок, полуфабрикатов и, наконец, самих наконечников стрел разной степени готовности, обнаруженных в захоронении мастера-костереза!

Уверен, что, Евгения ждало блестящее научное будущее.

В эти годы Сидоров проявил себя и как талантливый организатор науки. В практику работы археологов пединститута он пытается ввести регулярные научные семинары, которые были всегда неформальны и интересны. Я думаю, что и в этом направлении Женя сделал бы немало, учитывая его несомненное педагогическое дарование.

Конечно, все это прекрасно понимала Татьяна Николаевна, по-видимому, рассматривая Сидорова как своего наиболее близкого помощника по науке и вероятного преемника. Уверен, что, если бы это в конечном итоге произошло, тандем В. И. Соболев – администратор и Е. А. Сидоров – научный генератор при общем руководстве профессора Т. Н. Троицкой вывел бы эту научную школу на очень высокий уровень, вероятно, один из значимых в сибирской археологии…

К сожалению, судьба распорядилась иначе. История, как известно, не имеет сослагательного наклонения. Так устроен мир. Однако и то, что сделал Сидоров и как замечательный человек, и как молодой ученый, – думаю, незабываемо.

Никогда не забуду нашу последнюю встречу. Как будто это произошло только вчера. В конце апреля они зашли ко мне домой – Женя и Виктор Соболев. Все мы должны были

разъехаться в поле, в разные места. Тепло посидели на кухне. Наташа жарила котлеты, а мы с энтузиазмом закусывали этими самыми котлетами, шутя критикуя ее за нерасторопность… А Женька все интересовался, кого же мы с Натальей ждем – дочь или сына. Поздравление с рождением Ивана я от него получил. Это была последняя весточка от него.

Я не видел Женю мертвым, и, может быть, это к лучшему, потому что в памяти моей он остался таким, каким я видел его в нашу последнюю встречу, – молодым, красивым и счастливым…

Заключение

В завершение книги мне хотелось бы выразить искреннюю признательность моим друзьям и коллегам, которые содействовали подготовке настоящего издания.

Прежде всего, я благодарен своей супруге Наталье Викторовне Полосьмак, которой принадлежит идея формирования этих очерков в отдельное издание. Мне представляется, что книга будет полезна, прежде всего, молодым ученым, студентам-археологам, тем более что вошедшие в нее очерки разбросаны по многочисленным научным изданиям, многие из которых печатались очень незначительным тиражом и фактически являются сегодня библиографической редкостью. Некоторые очерки публикуются впервые.

Огромная благодарность моему сыну Евгению Вячеславовичу Молодину – художнику, не раз помогавшему мне, моим друзьям и коллегам в оформлении книжных изданий. Женя знаком с трудом археолога не понаслышке. Он с семи лет ездит со мной в экспедиции, и я очень рад, что и сегодня он находит хотя бы неделю, чтобы побывать у нас в отряде.

Изначально я задумал книгу так, чтобы главными иллюстрациями в ней были портреты ее героев. Некоторые снимки нашлись в моем личном архиве, однако далеко не все они были высокого качества. Поэтому я обратился к коллегам, которые и помогли мне решить данную проблему.

Я выражаю искреннюю признательность П. Герману, Т. Н. Глушковой, И. А. Дуракову, С. В. Кузьминых, Н. П. Матвеевой, В. П. Мыльникову, А. В. Новикову, Н. И. Платоновой, А. И. Соловьёву, Н. М. Чаиркиной, М. П. Черной, М. В. Шунькову, которые любезно предоставили в мое распоряжение столь необходимые мне фотографии.

Особая благодарность ответственному редактору книги академику Анатолию Пантелеевичу Деревянко – за ценные советы и поддержку этого проекта.

Список сокращений

АГУ – Алтайский государственный университет
АМН СССР – Академия медицинских наук СССР
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВИЛАР – Всероссийский научно-исследовательский институт лекарственных и ароматических растений
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГПНТБ СО РАН – Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГФ СО РАН – Институт геофизики СО РАН
ИИФиФ СО РАН (АН СССР) – Институт истории, филологии и философии СО РАН (АН СССР)
ИИМК АН СССР – Институт истории материальной культуры АН СССР
ИК СО РАН – Институт катализа СО РАН
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИТПМ СО РАН – Институт теоретической и прикладной механики СО РАН
ИЦГ СО РАН – Институт цитологии и генетики СО РАН
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии РАН
МГУ – Московский государственный университет
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИИ – научно-исследовательский институт
НПЦ – научно-производственный центр
НЦ – научный центр

РА – Российская археология
РАМН – Российская академия медицинских наук
РАН – Российская академия наук
СА – Советская археология
СО РАН (АН СССР) – Сибирское отделение РАН (АН СССР)
ТГУ – Томский государственный университет
ТюмГУ – Тюменский государственный университет
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ЦСБС СО РАН – Центральный сибирский ботанический сад СО РАН

Содержание

Предисловие.....3
1. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ.....11
1.1. Из истории отечественной науки: археология Сибири в период Октябрьской революции, Первой мировой и Гражданской войн (1914–1922 годы).....13
1.2. От Института истории, филологии и философии СО АН СССР – к Институту археологии и этнографии СО РАН. Развитие археологической науки на востоке страны.....39
1.3. Российско-германское сотрудничество в области изучения археологии Сибири.....45
1.4. Ретроспективный метод и опыт его применения (к вопросу о возможности этнической интерпретации археологических памятников).....55
1.5. Сибирская археология, эпоха палеометалла: итоги и перспективы междисциплинарных исследований.....69
1.6. Памятник Сопка-2 и его значение для изучения культур эпохи бронзы Евразии (к юбилею профессора А. Д. Пряхина).....95
1.7. Итоги и перспективы археологического исследования Большого Алтая в контексте развития международных программ сохранения и изучения культурного наследия Евразии.....109
1.8. Неизвестная Сибирь: новейшие археологические открытия.....119
2. ТВОРЦЫ СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ.....133
2.1. Владимир Бобров – исследователь сибирских древностей.....135
2.2 Первопроходец.....145
2.3. К 70-летию Михаила Федоровича Косарева.....157
2.4. К юбилею Александра Матвеева.....165
2.5. Владимир Павлович Мыльников.....173
2.6. Зося.....179
2.7. Учитель (к 90-летию со дня рождения профессора Т. Н. Троицкой).....189

2.8. Оружиеведение в сибирской археологии (к 60-летию профессора Ю. С. Худякова).....203
2.9. Людмила Александровна Чиндина.....215
2.10. Наталья Львовна Членова.....221
3. РЕКВИЕМ.....225
3.1. Три маленьких рассказа о Мише Аниковиче.....227
3.2. Владимир Федорович Генинг и уральская археологическая научная школа. Разработка периодизации древних культур Прииртышья и ее научное значение.....235
3.3. Размышления о грустном.....253
3.4. Аркадий.....259
3.5. Памяти товарища.....267
3.6. Памяти Владимира Ивановича Матющенко.....273
3.7. Академик Алексей Павлович Окладников (к 100-летию со дня рождения).....283
3.8. Женя.....301
Заключение.....306

Научное издание

Молодин Вячеслав Иванович

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Редактирование *Е.В. Кузьминых*
Дизайн, компьютерная верстка *ООО «Пиктограмма»*

Подписано в печать 25.06.2015. Формат 60×84/16.
Усл.-печ. л. 18,14. Уч.-изд. л. 16,2. Тираж 500. Заказ № 364.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17